

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№2 2025

Учредитель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета

И.А. Макаренко

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета

А.Б. Галимханов

кандидат юридических наук, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Члены редакционного совета:

С.Ж. Айдарбаев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

А.В. Варданян

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гиззатуллин

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.Н. Кузбагаров

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Литинский

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

М.В. Мещанова

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов

доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета имени Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова

доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.Р. Шарипова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Г. Аминев, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий

Ответственный секретарь

Р.А. Варфоломеев, старший преподаватель кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий

Литературный редактор

З.А. Юсупова, кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора	11
----------------------------------	----

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Бредихин А.Л.

Демократия-охлократия-технократия: в поисках баланса	13
--	----

Нагимова З. Ф.

Категория «правовая политика» как составная часть российской концепции правовой политики в области социально-экономического развития общества	23
---	----

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

Бикмаев Б.Р.

Защита разумных ожиданий как законный интерес налогоплательщика	35
---	----

Жужгина А.А.

Особенности формирования цифрового профиля педагогических работников с помощью искусственного интеллекта	47
---	----

Сайфутдинова В.М.

Защита трудовых прав педагогических работников	57
--	----

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО, СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

Абадиха М.

Как исламские коммерческие контракты привносят ислам в международное инвестиционное право?	68
---	----

Аминева А.Ю.

Некоторые вещно-правовые способы защиты прав соседей	78
--	----

Мышко Ф.Г., Титор С.Е.

Духовно-нравственная безопасность в Российской Федерации:
понятие, правовое обеспечение, критерии оценки 89

Максуров А.А.

Координация действий субъектов права
в рамках санкционного правоотношения 104

Рощупкина А.В.

Правовое регулирование криптовалюты в России 119

Скобелев В.П.

О материально-правовых и процессуальных последствиях
нарушения нанимателем обязанности продлить прежний
или заключить новый контракт с работником 127

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Тучков Я.В.

Процессуальная форма начала производства по уголовным делам
в условиях цифровизации общественных отношений 137

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Галяутдинов Р.Р.

Противодействие судебному рассмотрению уголовных дел
о должностных насильственных преступлениях и системные
тактические приемы его преодоления 154

Замятин С.А.

Особенности формирования современного понятийного
аппарата строительно-технической экспертизы в современных условиях 162

Родина Е.Ю.

Особенности применения полиграфа при расследовании преступлений 175

Скрипко В.А.

О классификации криминалистически
значимой компьютерной информации 187

Халиуллина А.Ф.

Правовая форма использования специальных знаний
при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних 198

Харисова З.И.

Информационно-компьютерная криминалистическая
модель преступления, связанного с нарушением правил
централизованного управления техническими средствами
противодействия угрозам устойчивости, безопасности
и целостности функционирования сети «интернет» и сети
связи общего пользования: теоретико-прогностический подход 205

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

Агаронян Э.А.

Соотношение правовых категорий «свойство законности
судебных актов» и «законная сила судебных постановлений» 222

Сулейманов А.А.

Возникновение процессуального риска и его соотношение
с цивилистическим процессуальным правоотношением 233

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 2 (26)

2025

Published since 2018
Issued four per year

Founder

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Editorial council:

Head of Council:

I.A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Council:

A.B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Central Election Commission Chairman, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

S.Zh. Aidarbayev

Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

N.N. Arzamaskin

Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

E.L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin

Doctor of Law, Professor of the Chair of Criminalistics, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

S.Y. Morozov

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

R.V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

K.K. Seitenov

Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor, Law Enforcement Academy under the Prosecutor General's Office of the Republic of Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminal Law and Procedure Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova

Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science and Technology (Sterlitamak);

A.R. Sharipova

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa)

Editorial Board**Editor-in-Chief**

F.G. Aminev Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technology.

Executive Secretary

R.A. Varfolomeev Senior lecturer of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technology.

Texts Editor

Z.A. Yusupova Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law.

The journal is included in the List of Leading Peer-Reviewed Scientific Journals and Publications in which the main scientific results of dissertations for the degrees of Candidate and Doctor of Sciences must be published

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication, Information Technology and Mass Communications Registration Certificate

ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

Editor-in-chief's Column	11
--------------------------------	----

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Bredikhin A.L.

Democracy-Ochlocracy-Technocracy: in Search of Balance	13
--	----

Nagimova Z.F.

The Category "Legal Policy" as a Part of the Russian Concept of Legal Policy in the Field of Social and Economic Development of Society	23
--	----

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Bikmaev B.R.

Reasonable Expectations' Protection as a Legitimate Taxpayer Interest	35
---	----

Zhuzhgina A.A.

The Digital Profile of Teaching Staff Formation with the Help of Artificial Intelligence	47
---	----

Saifutdinova V.M.

The Protection of Teaching Staff's Labour Rights	57
--	----

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW; PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Abadikhah M.

How Islamic Commercial Contracts Bring Islam into the International Investment Law?	68
--	----

Amineva A.Yu.

Some Proprietary Methods to Protect Neighbours' Rights	78
--	----

Myshko F.G., Titor S.E.

Spiritual and Moral Security in the Russian Federation: Concept, Legal Support, Criteria	89
---	----

Maksurov A.A.

The Legal Subjects' Actions Coordination within the Sanctional Legal Relations	104
---	-----

Roshchupkina A.V.

Legal Regulation of Cryptocurrencies in Russia	119
--	-----

Skobelev V.P.

On Substantive and Procedural Ramifications of the Employer's Breach of the Duty to Extend the Previous or Conclude a New Contract with the Employee	127
--	-----

CRIMINAL PROCEEDING

Tuchkov Ya.V.

The Procedural Form of Criminal Proceedings' Initiation in Digital Public Relations	137
--	-----

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Galyautdinov R.R.

About Counteracting the Criminal Cases Hearing Concerning Violent Crimes Com-mitted by Officials and Systematic Tactics to Overcome It	154
--	-----

Zamyatin S.A.

To the Modern Concept Framework of the Construction and Technical Expertise Formation in Modern Conditions	162
---	-----

Rodina E.Yu.

The Use of a Polygraph in Crimes' Investigation	175
---	-----

Skripko V.A.

Classification of Computer Data Relevant to Forensic Analysis	187
---	-----

Khaliullina A.F.

The Legal Form of Using Special Knowledge in the
Investigation of Crimes Involving Minors 198

Kharisova Z.I.

Information and Computer Criminalistic Model of a Crime Related
to the Rules' Violation of Centralised Management of Hardware and Software
against Threats of Stability, Security and Integrity of the Information and
Telecommunications Network «Internet» and Public Communication
Network Functioning: A Theoretical and Predictive Approach 205

CIVIL PROCEDURE; ARBITRAL PROCEDURE

Agharonyan E.A.

The Legal Categories' Ratio "Judicial Acts Legality"
and "Legal Force of Court Rulings" 222

Suleymanov A.A.

The Procedural Risk Formation and Its Correlation
with Civil Procedural Legal Relation 233

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN

К новым победам, уважаемые читатели!

Весь 2025 год проходит в нашей стране под знаком торжеств, связанных с 80-летием Победы над фашистской Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. И несмотря на то, что 9 мая – День Победы в календаре 2025 года пройден, дух победного поколения продолжает наполнять жизнь и деятельность всех россиян, призывая к новым победам и свершениям. Каждый соотечественник, находясь на своем рабочем месте, вносит вклад в общее дело развития и процветания нашей страны.

Вот и наши коллеги – молодые ученые Института права Уфимского университета науки и технологий Роман Андреевич Варфоломеев и Кирилл Радилович Кирушин, мобилизовав все свои способности, энергию, преодолев трудности, сумели продолжить традиции победного поколения ученых и 27 мая 2025 года провести успешные защиты интереснейших диссертаций на соискание ученой степени кандидата юридических наук.

Редакция журнала поздравляет перспективных исследователей и их научных руководителей (доктора юридических наук, профессора Руслана Ильдаровича Зайнуллина и доктора юридических наук, профессора Фарита Гизаровича Аминева) желает дальнейших успехов в научно-педагогическом творчестве во благо России!

Как мы и обещали, мы продолжаем и в этом номере нашего журнала уделять большое внимание правовым проблемам семьи и образования (в статьях А.А. Жужгиной, В.М. Сайфутдиновой).

Конечно, постоянно уделяется внимание вопросам защиты прав граждан (в статье А.Ю. Аминевой); духовно-нравственной безопасности Российской Федерации (в статье Ф.Г. Мышко, С.Е. Титор); уголовного процесса в условиях цифровизации (в статье Я.В. Тучкова); противодействия судебному рассмотрению уголовных дел о должностных насильственных преступлениях (в статье Р.Р. Галяутдинова).

В нашем журнале постоянно публикуются материалы научных исследований по дискуссионным темам: о применении полиграфа в расследовании преступлений (в статье Е.Ю. Родиной); об исламе в международном инвестиционном праве (в статье А. Мостафы); о соотношении демократии, охлократии, технократии (в статье А.Л. Бредихина); об информационно-компьютерной криминалистической модели преступления (З.И. Харисова) и других.

У нас велико желание открыть новые имена и стать редакционной школой талантливых ученых и практиков. Отсюда и новые актуальные темы, свя-

занные с отнесением защиты разумных ожиданий к законным интересам налогоплательщика (Б.Р.Бикмаев); с особенностями формирования современного понятийного аппарата строительно-технической экспертизы (С.А. Замятин); со специальными знаниями в установлении обстоятельств совершения преступлений, посягающих на культурные ценности (И.С. Барнев); с классификацией криминалистически значимой компьютерной информации (В.А. Скрипко); с правовым регулированием криптовалюты в России (А.В. Рощупкина); с возникновением процессуального риска и его соотношением с гражданско-правовым процессуальным правоотношением (А.А. Сулейманов) и другие.

В этом номере традиционно уделено особое внимание проблемам методики расследования преступлений с участием несовершеннолетних.

Редакция журнала «Вестник Института права Башкирского государственного университета» готова и дальше эффективно продвигать исследования молодых ученых, всегда открыты к диалогу и рады сотрудничеству с известными авторами и готовы представить актуальный научный материал нашим читателям!

*Главный редактор
доктор юридических наук, профессор
Фарит Гизарович Аминев*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 321.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.1

Бредихин Алексей Леонидович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
axel_b@mail.ru

ДЕМОКРАТИЯ-ОХЛОКРАТИЯ-ТЕХНОКРАТИЯ: В ПОИСКАХ БАЛАНСА

Аннотация. В настоящей статье автор обращает внимание на неоднозначность такого политико-правового феномена как «демократия» и многообразие его форм. В первую очередь, исследуются истоки формирования демократической модели, а именно древнегреческий вариант, когда демократия не была всеобщей. В Древних Афинах к осуществлению политической власти были допущены только полноправные граждане, и только мужчины. Но даже при этом, отмечается вырождение демократии в охлократию, власть толпы. Автор исследует термин «охлократия» и отмечает, что современные демократические процессы явно тяготеют к такому виду демократии, что во многом обесценивает демократические завоевания предшествующих поколений. То есть, управляемая и не всегда осознанная в большинстве своем толпа не может быть источником власти, как того требуют положения конституционных актов. В то же время, параллельно с охлократией формируется так называемая «технократия», которая опирается на профессионалов и науку в осуществлении управленческой деятельности. Тем не менее, идеальный на первый взгляд вариант технократического правления, на практике может привести к диктатуре и отстранению населения от принятия государственных решений и ущемлению прав человека. В заключение, автор отмечает, что главной задачей для государства является поиск баланса, иначе любые варианты проявления демократии приводят к одинаково плохому результату.

Ключевые слова: демократия, охлократия, технократия, власть народа, диктатура, государственный (политический) режим

Для цитирования: Бредихин А.Л. Демократия-охлократия-технократия: в поисках баланса / А.Л. Бредихин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 13–22.

Original article

Bredikhin Alexey Leonidovich

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia, axel_b@mail.ru

DEMOCRACY- OCHLOCRACY-TECHNOCRACY: IN SEARCH OF BALANCE

Abstract. In this article, the author pays his attention to the ambiguity of such a political and legal phenomenon as "democracy" and the diversity of its forms. First of all, the sources of the democratic model formation are examined, particularly the ancient Greek version, when democracy was not universal. In Ancient Athens, only full citizens, and only men, were allowed to exercise the political power. But even so, the degeneration of democracy into ochlocracy, the power of the crowd, is noted. The author examines the term "ochlocracy" and notes that modern democratic processes clearly gravitate towards this type of democracy, which devalues in many ways the democratic gains of previous generations. It means that a controlled and not always conscious crowd cannot be a source of power, as required by the provisions of constitutional acts. At the same time, in parallel with ochlocracy, the so-called "technocracy" is formed and it relies on professionals and science in the implementation of management activities. However, the ideal at first glance variant of technocratic governance, in practice can lead to dictatorship and the exclusion of the population from making government decisions and the infringement of human rights. In conclusion, the author notes that the main task for the state is to find a balance, otherwise any options for the democracy manifestation lead to an equally bad result.

Keywords: democracy, ochlocracy, technocracy, people's power, dictatorship, state (political) regime.

For citation: Bredikhin A.L. Democracy-Ochlocracy-Technocracy: in Search of Balance. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 13–22 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.1.

Введение. В современной политической реальности нет более распространенного термина, чем «демократия». Демократия (в идеальном значении) выступает как образец, с которым соизмеряют политическую власть и управленческие механизмы; демократия, понимаемая как «власть народа», предусматривает механизмы влияния населения на принимаемые властные решения и прежде всего посредством выборов; демократия, воспринимаемая как некий «фетиш», становится движущей силой социальных потрясений и даже отодвигает права человека на второй план. Демократия может пониматься во множестве смыслов и в каждом из них служит оправданием тех или иных действий, несущих значимые последствия для общества (и не всегда положительные).

Демократия или охлократия? Проблема взаимоотношений общества и власти всегда занимала умы мыслителей, политическая практика издревле складывалась таким образом, что власть концентрировалась либо у одного правителя (монархия), либо распределялась между несколькими центрами власти (аристократия), либо была передана народу (республика, демократия). Безусловно, для современного человека наиболее приемлемым вариантом является ситуация, при которой власть учитывает именно его личные интересы, что может реализоваться только в демократической республике. Но правильно ли мы понимаем демократию?

Демократия в переводе с греческого означает «власть народа», то есть народ признается субъектом, который принимает властные решения и назначает высших должностных лиц, уполномоченных принимать решения от имени и в интересах населения.

Подобная идея реализована в конституционной практике большинства государств, даже в современных европейских монархиях. В Конституции РФ 1993 г. многонациональный народ России также назван «носителем суверенитета и единственным источником власти».

Юридически процесс осуществления власти народа реализован через институт гражданства (то есть гражданство определяет субъектность человека, его принадлежность к народу) и избирательные процедуры (выборы и референдум). В этой связи, современное понимание демократии не только соответствует дословному переводу этого термина («власть народа»), но и опирается на юридическую формализацию такой демократии.

Вместе с тем, для понимания сути демократии нужно исследовать первоначальные условия формирования демократии. Демократия – слово древнегреческое и впервые такая форма политического режима реализована именно в эпоху Древней Греции. Древнегреческая демократическая республика сложилась в Афинах в V веке до н.э. и здесь равными правами были наделены афинские граждане, они же принимали участие в политической

жизни. Основными органами Афинского государства были: Народное собрание, Совет пятисот, гелиэя [1, с. 113–117].

Вместе с тем, далеко не все проживающие на территории греческих земель были гражданами. Афины являлись рабовладельческой республикой и рабы (а также метеки) не наделялись правами граждан. Как отмечает В.Г. Графский, рабы «в 4 раза превосходили своей численностью свободных граждан» [2, с. 152]. Таким образом, власть народа в древнегреческом варианте предполагала только участие полноправных граждан в управлении государством. Помимо этого, женщины также не могли участвовать в политических процессах, поэтому демократическое управление осуществлялось только полноправными мужчинами. В такой интерпретации, афинская демократия не выглядит образцом для подражания, т.к. не была всеобщей. Вместе с тем, укрепилась основная демократическая идея, заключающаяся в наделении полноправных граждан возможностью участвовать в формировании органов власти и принятии общезначимых государственных решений.

С течением времени категория полноправных граждан расширялась, в XX в. политические права в большинстве стран получили почти все граждане. Кроме того, гражданами становились все люди по праву рождения, поэтому избирательными правами (правом избирать и быть избранными) наделялось практически все совершеннолетнее дееспособное население (с учетом особенностей каждой страны).

Таким образом, если в древнегреческом варианте демократии к государственному управлению привлекался определенный узкий слой населения, то для современного общества характерно формальное равенство всех людей вне зависимости от их социальных, имущественных статусов и ролей. Очевидно, что разнообразие интересов общественных групп в современном обществе гораздо больше и согласование общих решений крайне проблематично.

Наиболее очевидной целью демократических процедур является выявление воли большинства населения посредством арифметических подсчетов голосов. То есть, побеждает то решение или кандидатура, которое поддержано простым большинством голосов. Таким образом, если представить, что демократические выборы в соответствии с современным законодательством были бы проведены в древнегреческом обществе, победила бы политическая сила, поддерживающая интересы рабов (ввиду их преобладающей численности). Очевидно, что такой вариант был невозможен, так как общественное устройство определялось исключительно гражданами Афин, в том числе и порядок формирования органов управления.

В то же время даже при такой модели демократии эффективность управления нельзя абсолютизировать. Уже в V в. до н.э. Аристотель отмечал

возможность деформации демократии, когда к власти приходит «чернь», то есть описывает то, что мы называем «охлократией». Также охлократия описывается в трудах древнегреческих мыслителей Демосфена и Полибия [3, с. 107–109], но научной разработкой данного феномена серьезно начали заниматься лишь в новое время.

Родоначальником теории толпы в конце XIX в. стал Г. Лебон, который рассматривал толпу как феномен, возникающий при непосредственном взаимодействии индивидов независимо от их социального положения, национальности, профессии и даже повода, вызвавшего ее образование [4, с. 132].

Определений данному термину множество [5]. Так, Ж.Т. Тощенко предлагает понимать под охлократией следующие проявления: «извращенная форма государственного устройства, которая возникает в результате неупорядоченного развития и доведения до абсурда демократических тенденций; стихия мятежей, погромов, уличных беспорядков, в которых толпа выступает хозяином положения; одна из характеристик массового общества» [6, с. 23].

Не вдаваясь в споры относительно понятия этого феномена, важно отметить, что проявлением охлократии является отстранение большинства населения от решения государственно-значимых вопросов, отсутствие его вовлеченности и интереса к значимым политическим процессам, потребительское отношение к государству. Государство по отношению к личности воспринимается как обязанный субъект, а личность – как имеющая абсолютные права. В итоге, завоеванное кровью в период народных революций право народа быть «единственным источником власти и носителем государственного суверенитета» обесценено, личность не воспринимает себя таковым с точки зрения ответственности за судьбу своей страны.

Современное государство, казалось бы, воплотило мечту многих поколений наделить всех людей равными правами, но возведенная в абсолют идея демократии выродилась, стала похожа на охлократию, власть толпы [7]. Толпа внушаема и управляема. Как замечает А.И. Панов: «Демократия заигрывает с охлосом, давая ему возможность поиграть в «детские» игры: повыбирать себе лидера, пообсуждать какие-то открытые политические вопросы. Самое главное для демократии – это подготовить толпу к выборам подготовленного лидера» [8, с. 85–86]. Высказывание названного ученого излишне резкое, но имеет определенную долю справедливости. Под демократией он имеет в виду видимо политические структуры, элиты, которые обладают реальной властью, то есть условно говоря «государство».

Вместе с тем, обвинение условного «государства» в ущемлении демократии на первый взгляд справедливы и обоснованы. Нередко такие случаи «антидемократической» деятельности противоречат закону или его принципам. Множество критики мы видим и в отношении проведения выборов

в России, где избирательные технологии могут искажать действительное волеизъявление граждан и иногда приводят к отмене результатов голосования¹. Вместе с тем, в условиях господства избирательных технологий и так называемой «социальной инженерии» ценность демократического выбора искажается и обесценивается. С одной стороны, ситуативные, эмоциональные и невзвешенные решения и технические подтасовки не позволяют выявить реальную политическую волю населения, а с другой – даже учет действительного мнения населения не всегда соответствует интересам государства. Сложные вопросы организации государственной жизни не всегда могут осознаваться населением, а очевидные и простые решения – часто приводят к фатальным последствиям для будущего общества и государства.

Таким образом, мы можем констатировать кризис идеи демократии и утраты легитимности демократических процедур. Это объективная ситуация, возникшая эволюционно и закономерно, поэтому борьба с нею малоэффективна. Современная демократия более походит на охлократию, которую издревле же называли формой вырождения демократии.

От «охлократии» к технократии. Демократия, преподносившаяся как лучший способ управления, и во многом подтверждавшая этот довод, в своем «вырожденном» состоянии перестала эффективно выполнять свои функции. Современное общество стало более рациональным, на помощь человеку во многих областях пришла техника и информационные технологии, которые позволяют решать управленческие вопросы и принимать управленческие решения гораздо эффективнее человека. Человек становится как бы «приложением» системы, своеобразным «оператором», от которого требуется специальная профессиональная подготовка, а не просто доверие народа.

Формируется то, что получило название «технократией». Технократия явление не новое и его научная разработка ведется достаточно давно разными науками [9]. Понятие технократии многогранно и неоднозначно, мы же будем понимать под ней политический режим, опирающийся на профессиональных управленцев (ученых, специалистов), основанный на использовании в управленческой деятельности последних достижений науки и техники.

С одной стороны, в этом определении нет ничего нового, т.к. социальное управление всегда опиралась на рационализм, профессионализм, целеполагание. Уже в феодальном обществе от государственных чиновников требовалась специальная подготовка, постепенно усложнялась управленческая структура. Даже так называемые «петровские реформы» начала XIX века можно назвать технократическими, ведь в это время формируется сбалансированная структура органов государственного управления, дворянство

¹ См., например: В Приморье отменены результаты выборов губернатора [Электронный ресурс]. URL: https://www.1tv.ru/news/2018-09-20/352608-v_primorie_otmeneny_rezultaty_vyborov_gubernatora (дата обращения: 23.01.2025 г.).

становится служилым сословием, а государственная служба – профессиональной отраслью. Технократическая система управления, созданная в петровские времена, обеспечила устойчивость Российской империи на десятилетия.

Советский период, в целом, также стал эпохой технократии [10], несмотря на провозглашение особой формы демократии, опирающейся на рабочий класс. Партийная номенклатура фактически заместила политические демократические процессы, сделав политику делом избранных. Впрочем, кризис технократии в начале 1980-х годов призвано было «лечить» демократизацией «перестройки», что в конечном итоге и привело к развалу системы.

В начале 1990-х годов российское общество и политическая элита избрало для себя образец традиционной и во многом наивной формы демократии, что в итоге вело к нарушению связей внутри политических и общественных институтов, создавало риск развала страны. Отсюда реформы периода правления В.В. Путина в направлении «укрепления вертикали власти» ущемляли действующие демократические институты и были технократическими по своей сути. В том же ключе произошла реформа регионального управления, где демократические выборы глав регионов приобрели вид технократической процедуры, где «случайному» кандидату стало сложно одержать победу [11]. Следует констатировать, что технократические тенденции доминируют в государственном управлении России и на текущий момент. Технократия позволила в свое время сгладить последствия установившейся охлократии по итогам 1990-х годов, но очевидно, что и она имеет свои недостатки.

Результаты технократии. Как показал опыт многих стран, в кризисные периоды именно технократические методы управления позволяют не только восстановить экономику и стабилизировать политическую ситуацию в стране, но и во многом преуспеть. Взять пример России, которая по итогу реформ стала мощной империей уже в 20-х годах XVIII века. Так нельзя ли сказать, что технократия – идеальный стиль и форма управления?

Если мы вернемся с традиционным подходом к классификации политических режимов, то выделяют демократический и антидемократический, в состав последнего при этом включают тоталитаризм и авторитаризм. Если мы приведем примеры тоталитарных или авторитарных режимов, то это будут именно технократические режимы (нацистская Германия [12], Фашистская Италия, Советский Союз в определенные периоды и т. п.). Очевидно, что ни один из них не может удовлетворить простого человека, так как следствием развития технократии становится отстранение человека от государственного управления, лишение его политических и иных прав, и даже обесценивание жизни человека как таковой.

Таким образом, на любом историческом этапе перед обществом и государством стоит задача выработки сбалансированной системы управления. Абсолютизируя те или иные подходы, неминуемо достигается прямо

противоположный результат. Стремление передачи власти народу превращается во власть толпы, а профессионализация государственного управления может оборвать связь с народом, превратить власть в диктатуру.

Список источников

1. История государства и права зарубежных стран : учебник для студентов юрид. вузов и фак. Ч. 1 / О.А. Жидков, Н.А. Крашенинникова, В.А. Савельев и др.; под общ. ред. О.А. Жидкова, Н.А. Крашенинниковой. – Москва : ИНФРА-М-НОРМА, 1997. – 461 с.
2. Графский В.Г. Всеобщая история права и государства : учебник для вузов / В.Г. Графский. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма, 2007. – 752 с.
3. Тощенко Ж.Т. Охлократия: возрождающийся феномен? / Ж.Т. Тощенко // Вестник РГНФ. – 2009. – № 4. – С. 107–114.
4. Вельмакин М. В. Толпа как инструмент охлократических устремлений / М.В. Вельмакин // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. – 2010. – № 3. – С. 131–143.
5. Тартыгашева Г.В. Классификация определений охлократии в общественных науках / Г.В. Тартыгашева, А.В. Комбаев // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 6. – С. 96–102.
6. Тощенко Ж.Т. Охлократия: сущность и современные особенности / Ж.Т. Тощенко // Философские науки. – 2011. – № 5. – С. 22–35.
7. Байбакова Л.В. Демократия или охлократия в США: издержки избирательной системы в условиях индустриального общества / Л.В. Байбакова // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. – 2009. – № 2. – С. 36–46.
8. Панов А.И. Взаимоотношения властей в современной России. (Политологический анализ) / А.И. Панов. – 2-е изд., исп. и перераб. – Москва : Изд-во «Эйдос», 2013. – 454 с.
9. Азимли А.Ш.О. Технократия как мировоззрение / А.Ш.О. Азимли // Гуманитарный вектор. – 2021. – Т. 16, № 2. – С. 39–45.
10. Костерев А.Г. Феномен советского технократизма: к постановке проблемы (политико-идеологическое и социально-культурное измерения) / А.Г. Костерев // Вестник Томского государственного университета. История. – 2019. – № 58. – С. 41–47.
11. Слатинов В.Б. Губернаторы – «технократы» во главе российских регионов: промежуточные эффекты новой кадровой стратегии федерального центра / В.Б. Слатинов // Россия: Тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 15. Ч. 2. Отв. ред. В.И. Герасимов. – Москва : РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества, 2020. – С. 484–488.

12. Седельников М.В. Технократия как модель политического режима (на примере нацистской Германии) / М.В. Седельников // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов : Грамота, 2016. – № 1. – С. 155–159.

References

1. Zhidkova O.A., Krashenninnikov N.A. (eds.). History of the State and Law of Foreign Countries : a Textbook for Students of Law. Moscow, INFRA–M–NORMA, 1997. 461 p. (In Russian).
2. Grafsky V.G. The History of Law and State : a Textbook for Universities. 2nd ed., Moscow, Norma, 2007. 752 p. (In Russian).
3. Toshchenko J.T. Is Ochlocracy a Reviving Phenomenon? *Vestnik Rossijskogo gumanitarnogo nauchnogo fonda = Bulletin Russian Foundation for the Humanities*, 2009, no. 4, pp.107–114. (In Russian).
4. Velmakin M. V. V. Crowd as a Tool of Ochlocratic Aspirations. *Vestnik RGGU. Seriya: Filosofiya. Sociologiya. Iskustvovedenie = RSUH /RGGU Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Art Studies*, 2010, no. 3, pp.131–143. (In Russian).
5. Tartygasheva G.V., Kombaeв A.V. Classification of “Ochlocracy” Definitions in the Social Sciences. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta = Buryat State University Bulletin*, 2015, no. 6, pp. 96–102. (In Russian).
6. Toshchenko Zh. T. Essence and Modern Characteristics of Ochlocracy. *Filosofskiye nauki = Russian Journal of Philosophical Sciences*, 2011, no.5, pp. 22–35. (In Russian).
7. Baybakova L.V. Democracy or Ochlocracy in the USA: the Costs of the Electoral System in the Conditions of Industrial Society. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obshchestvennyye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences*, 2009, no. 2, pp. 36–46. (In Russian).
8. Panov A. I. The Authorities’ Relationship in Modern Russia. (Political Analysis). 2nd ed., Moscow, Eydos Publ., 2011. 454p. (In Russian).
9. Azimli A.SH.O. Technocracy as the Ideology. *Gumanitarnyy vector = Humanitarian Vector*, 2021, vol. 16, no.2, pp. 39–45. (In Russian).
10. Kosterev A.G. The Phenomenon of Soviet Technocratism: to the Formulation of the Problem (Political–ideological and Socio–Cultural Dimensions). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2019, no. 58, pp. 41–47. (In Russian).
11. Slatinov V.B. Governors – ‘Technocrats’ at the Head of Russian Regions: Intermediate Effects of the New Personnel Strategy of the Federal Centre. *Russia: Trends and Prospects of Development*. Annual Publ. 15, part 2, Moscow, Russian Academy of Sciences. INION, 2020, pp. 484–488. (In Russian).

12. Sedelnikov M.V. Technocracy as a Model of Political Regime (by the Example of Nazi Germany). *Istoricheskiye, filosofskiyе, politicheskiye i yuridicheskiye nauki, kul'turologiya i iskusstvovedeniye. Voprosy teorii i praktiki* = *Historical, Philosophical, Political and Law Sciences, Culturology and Study of Art. Issues of Theory and Practice*, 2016, no.1, pp. 155–159. (In Russian).

Информация об авторе

Бредихин Алексей Леонидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права

Information about the Author

Bredikhin Alexey Leonidovich – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of History of State and Law

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 26.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 26.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Научная статья

УДК 342.951

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.2

Нагимова Зарина Фаварисовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

zarrina.sabirova@yandex.ru

КАТЕГОРИЯ «ПРАВОВАЯ ПОЛИТИКА» КАК СОСТАВНАЯ ЧАСТЬ РОССИЙСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОБЛАСТИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА

Аннотация. Актуальная российская модель социально-экономического развития предполагает наличие активного государственного вмешательства при одновременном сохранении в большей степени советской модели социального обеспечения граждан. Современные реалии также указывают на необходимость учитывать тенденции модернизации общественных отношений и государственных институтов, складывающихся вследствие широкой информатизации и цифровизации. Такого рода реальная политика не может обеспечиваться без эффективной правовой политики, которая по своей природе должна наполнять реальную политику идейным смыслообразованием, обозначать принципиальные правовые ценности и поддерживать надлежащую модель поведения всех участников политики государства в области социально-экономического развития. С точки зрения автора, такая политика не может формироваться и реализовываться без должного научно-идейного наполнения, в связи с чем актуальность теоретических изысканий в рассматриваемой области продолжает сохраняться.

Ключевые слова: правовая политика, социально-экономическое развитие, стратегическое планирование, социальное государство, устойчивое развитие

Для цитирования: Нагимова З.Ф. Категория «правовая политика» как составная часть российской концепции правовой политики в области социально-экономического развития общества / З.Ф. Нагимова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 23–34.

Nagimova Zarina FavarisovnaUfa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
zarrina.sabirova@yandex.ru**THE CATEGORY “LEGAL POLICY” AS A PART OF THE RUSSIAN
CONCEPT OF LEGAL POLICY IN THE FIELD OF SOCIAL
AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF SOCIETY**

Abstract. The current Russian model of social and economic development assumes the presence of active state intervention, while at the same time preserving to a greater extent the Soviet model of social security of citizens. Modern realities also point the need to take into account trends in the public relations and government institutions’ modernisation, emerging as a result of widespread information and digitalisation. This kind of real policy cannot be ensured without an effective legal policy, which by its very nature should fill real policy with ideological meaning-making, designate fundamental legal values and support an appropriate model of behaviour of all participants of the state policy in the field of social and economic development. From the author’s point of view, such a policy cannot be formed and implemented without proper scientific and ideological content, and therefore the relevance of theoretical research in the field under consideration continues to persist.

Keywords: legal policy, social and economic development, strategic planning, welfare state, sustainable development

For citation: Nagimova Z.F. The Category “Legal Policy” as a Part of the Russian Concept of Legal Policy in the Field of Social and Economic Development of Society. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 23–34 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.2.

Безусловно, определяющую роль в жизни любого государства играет политика. Она детерминируется в свою очередь экономической конъюнктурой, складывающейся как непосредственно в государстве, так и за его пределами. С нашей точки зрения, политика и экономика являются своего рода сообщающимися сосудами, поскольку от политических решений зачастую зависит состояние и функционирование экономических институтов, а способность проведения определенной политики публичными институтами зависит от состояния институтов экономических. Эта взаимозависимость в особенности проявляется при реализации социально-экономической политики, которая является составной частью внутренней политики государства. Такая политика, будучи элементом общественных отношений в своей сфере, поддается регулированию нор-

мами права. При таких обстоятельствах, имеются основания для объективации сферы правового регулирования как обособленного блока общественных отношений и, следовательно, правовой политики как особого специфичного явления в области государственной деятельности [1, с. 4].

Современная политико-правовая история России характеризуется частым употреблением конструкции «правовая политика», в связи с чем мы можем говорить, что правовая политика как особая категория современной отечественной юридической доктрины и законодательной практики является вполне устоявшейся. По своей правовой природе правовая политика представляет собой специфическую деятельность специально на то уполномоченных государственных органов по разработке и претворению в жизнь правовых идей стратегического характера, которые формализуются в нормативных правовых актах и находят реальную объективацию в деятельности органов власти.

Нам видится, что формирование и реализация государственной правовой политики в такой важной и чувствительной к внешним раздражителям сфере как социально-экономическое развитие, сопряжено с необходимостью научного обоснования содержания рассматриваемого вида правовой политики с точки зрения ценностно-нормативного (аксиологического) и предметно-функционального подходов. При таких обстоятельствах, данным подходам вполне соответствуют определения правовой политики, сформированные на признании правовой политики как основанной на праве и как осуществляемой в сфере права. Безусловно, что правовая политика в данном смысле осуществляется исключительно при помощи права. Мы склонны конкретизировать данный подход и рассматривать правовую политику с позитивистских позиций, гласящих, что правовая политика выражается исключительно в соответствующих нормах права, содержащихся в определенных нормативных правовых актах.

Важным для понимания сущности и содержания правовой политики в социально-экономической сфере, с нашей точки зрения, является подход В.А. Рудковского, который указывает следующее: «Предлагается разграничивать государственно-правовой и социально-политический аспекты в трактовке правовой политики. В государственно-правовом измерении правовая политика выступает в виде обусловленной общим политическим курсом стратегии (тактики) деятельности государства в правовой сфере... В социально-политическом контексте правовая политика предстает в виде системы общественных отношений, складывающихся между различными субъектами политической системы (государством, социальными классами, профессиональными и иными стратами, партиями и т. д.) по поводу государственного признания и официального обеспечения тех или иных социальных интересов в качестве юридически значимых» [2, с. 401].

Относительно содержания категории «правовая политика» в юридической литературе присутствует определенная полярность мнений. Так, Н.В. Исаков в своем определении правовой политики придерживается дуалистической

модели, при которой автором правовая политика понимается, с одной стороны, как социальная деятельность в области права, а с другой – как политика любого вида, осуществляемая правовыми методами: «Правовая политика – это разновидность социальной практики, своеобразный социальный феномен, под которым, как нам представляется, понимается комплекс политико-правовых мер стратегического характера, осуществляемых как в сфере непосредственного действия права, так и посредством права и направленных на: 1) выработку механизма правового регулирования социально-значимых сторон жизни общества; 2) гарантированное достижение стратегических целей и тактических задач государства; 3) возможность обратного воздействия на политику, не допускающего выхода ее за рамки правового поля» [3, с. 23].

В свою очередь, О.Ю. Рыбаков рассматривает правовую политику в широком и узком смыслах. Так, в первом случае правовая политика представляет собой выработку и реализацию тактики и стратегии в области создания и применения права на общих принципах гуманизма, а во втором – как деятельность государственных и муниципальных органов, включающая в себя идеи, цели, меры и способы обеспечения функционирования и воспроизводства правового механизма [4, с. 30].

С.Н. Комаров и Г.М. Азнагулова отмечают, что «методологически и практически более продуктивно понимать под правовой политикой особый вид социальной практики, направленной на формирование и развитие механизма правового регулирования общественных отношений и формирование правосознания, отвечающего интересам субъекта правовой политики» [5, с. 8].

Согласно точке зрения А.Л. Бредихина и Н.П. Парфенова, правовая политика анализируется как теоретическая категория, предполагающая системную деятельность государства и институтов гражданского общества по оптимизации правового регулирования. Авторами подчеркивается также отсутствие единого научного подхода к определению, что обусловлено разнообразием трактовок. Особое внимание справедливо уделено тому обстоятельству, что происхождение термина «правовая политика» из советской юриспруденции отражает ее практико-ориентированный характер в советской правовой мысли. Современные интерпретации же требуют адаптации к демократическим принципам, включая разделение властей и народовластие [6, с. 11].

С нашей точки зрения, правовая политика не может быть атрибутом государства в целом, так как реализуется преимущественно исполнительными органами государственной власти. Кроме того, современные подходы к сущности правовой политики часто сводятся к реформам законодательства, что обедняет ее теоретическую значимость и фактически обедняет ее содержание.

Необходимо разграничить политику права и правовую политику как смежные и одни из самых важных категорий политико-правовой науки. Если политика права представляет собой совокупность представлений о целях и

средствах преобразования права для достижения правового идеала регулирования общественных отношений, то правовая политика, в самом общем виде, представляет собой специфическую правовую деятельность по практической реализации государственной политики в той или иной сфере с целью должного и эффективного регулирования общественных отношений через призму такой политики. Как видно, политика права представляет собой более широкую категорию и объединяет в себя, по мнению А.С. Шабурова, правовую политику. Так, согласно подходу автора, эффективность правового регулирования возможна только при синтезе политики права (теоретический аспект) и правовой политики (практический инструментарий) [7].

Следует отметить, что теоретическая категория «правовая политика» стала исследоваться в отечественной правовой доктрине в начале 1990-х годов. Родоначальником современной отечественной концепции правовой политики считается А.В. Малько, согласно которому правовая политика представляет собой «систему научно-обоснованной последовательной деятельности органов государства и институтов гражданского общества по оптимизации правового регулирования и правовой системы в целом» [8, с. 143]. Схожее с концептуальной точкой зрения понятие правовой политики демонстрирует Д.А. Авдеев, согласно которому правовая политика представляет собой «системообразующую концептуальную деятельность органов публичной власти, в основе которой лежит научно-обоснованная векторная направленность развития социально значимых сфер общества» [8, с. 145].

Недостатком вышеуказанных определений, с нашей точки зрения, является их чрезвычайная обобщенность и терминологическая неточность. Не вызывает сомнения, что правовая политика, как и политика вообще, является деятельностью последовательной и векторной. В то же время мы не находим верным участие гражданского общества в формировании правовой политики, поскольку политико-правовая история не всегда показывает, что общество в действительности принимает участие в формировании правовой политики. С формальной точки зрения, государства с республиканской формой правления и демократическим режимом в действительности позволяют обществу и отдельным его субъектам участвовать в разработке правовой политики посредством выборов высших органов власти и должностных лиц государства. С другой стороны, за фасадом республиканизма и демократии зачастую скрываются авторитарные режимы, фактически не допускающие демократических институтов (к примеру – КНДР, Камбоджа, Туркменистан и др.). При таких обстоятельствах, говорить о реальном участии гражданского общества (как, впрочем, и о его наличии в западноевропейском понимании) в формировании правовой политики не приходится. Тем не менее, указанные определения правовой политики заслуживают внимания и не содержат серьезных изъянов с концептуальной точки зрения.

Анализируя сущностные признаки правовой политики, А.В. Малько в соавторстве с В.А. Затонским указывает, что заслуживают внимание такие свойства правовой политики, как ее «деятельность в правовой жизни, направленность на повышение качества правовой жизни и выражение отношения субъектов правовой политики к важнейшим проблемам развития правовой жизни общества» [9, с. 24]. Но наиболее точное и предметное, с нашей точки зрения, определение правовой политики в отечественной юридической литературе было сформулировано О.Ю. Рыбаковым, согласно которому правовая политика представляет собой «деятельность, прежде всего, государственных и муниципальных органов, а также общественных объединений, граждан, включающая систему идей, целей, мер и способов, обеспечивающих функционирование и воспроизводство правовых механизмов, перспектив развития законодательства, создание, поддержание и развитие условий для осуществления интересов, прав и свобод личности во взаимодействии с ее обязанностями» [10, с. 23]. Однако отметим, что в указанном определении не приводится специфика содержания правовой политики.

Правовая политика как специфическая правовая деятельность должна основываться исключительно на праве, поскольку данное обстоятельство является ключевым элементом содержания правовой политики как такового и определяет ее содержание. Между тем, реальный политический процесс далеко не всегда отвечает данным критериям, и в особенности – далеко не всегда соотносится с представлениями субъектов права о должном и сущем. В этом, если можно сказать, заключается «этическая дилемма» правовой политики. Нам представляется, что в особенности такое положение дел деструктивно для социально-экономической политики, особенно в условиях экономической турбулентности. Так, к примеру, едва ли отвечает коллективным представлениям о справедливости решение публичной власти о заморозке пенсионных накоплений граждан в связи с тяжелой экономической ситуацией в стране. В таких условиях следует говорить о балансе частных и публичных интересов. Нам видится, что «поиск справедливого решения» в данном вопросе находится вне правовой науки. Однако с законодательной точки зрения, думается, что вполне возможно предусмотреть такие правовые механизмы, которые обеспечили бы социальную направленность осуществляемых в государстве политических и экономических преобразований, с целью преодоления подобной «этической проблемы» (например, путем создания особых резервных социальных фондов).

Так или иначе, вопросы социально-экономического развития являются весьма многообразными, охватывающими целый ряд разнообразных, но в то же время смежных явлений: от демографии до пенсионного обеспечения. Правовая политика в области социально-экономического развития представляет собой систему целенаправленных действий государства, направленных на создание, реализацию и совершенствование правовых норм, регулирующих

общественные отношения в социальной и экономической сферах. Она является важным инструментом государственного управления, обеспечивающим устойчивое развитие общества, повышение уровня жизни населения, создание условий для экономического роста и социальной стабильности. Правовая политика в данной области формируется на основе научных исследований, анализа текущей социально-экономической ситуации и прогнозирования будущих тенденций.

В процессе построения эффективной правовой политики вообще и правовой политики в области социально-экономического развития важное значение имеет целеполагание. Нам представляется, что корректно заданная цель позволяет не только верно сформулировать основные элементы такой политики, но и наиболее оптимально реализовать на практике ее составляющие. С нашей точки зрения, основной целью правовой политики в области социально-экономического развития должно быть создание правовых условий для эффективного функционирования экономики, обеспечения социальной справедливости, защиты прав и интересов граждан, а также стимулирования инноваций и инвестиций. В этом смысле содержание правовой политики в области социально-экономического развития диалектически связано с концепцией социального государства.

С концептуальной точки правовая политика Российской Федерации в области социально-экономического развития характеризуется следующими особенностями:

1. Ориентация на долгосрочное планирование. Государство активно использует стратегическое планирование для определения приоритетов социально-экономического развития. Примером является принятие стратегических документов, таких как национальные проекты и государственные программы.

2. Акцент на цифровизацию и инновации. В условиях глобальной цифровой трансформации правовая политика направлена на создание условий для развития цифровой экономики, внедрения новых технологий и поддержки инновационных проектов.

3. Социальная направленность. Важное место занимают меры, направленные на повышение уровня жизни населения, включая поддержку малоимущих, улучшение качества медицинских и образовательных услуг, а также развитие инфраструктуры.

4. Стимулирование экономического роста. Правовая политика включает меры по поддержке предпринимательства, улучшению инвестиционного климата и снижению административных барьеров для бизнеса.

5. Учет глобальных вызовов. В условиях санкционного давления и нестабильности мировой экономики правовая политика адаптируется к новым реалиям, включая меры по импортозамещению и укреплению экономической безопасности.

Таким образом, правовая политика Российской Федерации в области социально-экономического развития представляет собой комплекс мер, направ-

ленных на создание благоприятных условий для экономического роста, повышения уровня жизни населения и обеспечения социальной стабильности. Она реализуется через систему нормативных правовых актов, которые регулируют ключевые аспекты социальной и экономической жизни страны. В настоящее время перед Российской Федерацией стоит ряд задач по преодолению санкционного давления и вызванной в этой связи экономической турбулентности, которые в своей совокупности оказывают определенное воздействие на процессы построения сильной и независимой экономической системы. Следует отметить, что периоды нестабильности в области социально-экономического развития имели место быть в нашем государстве и ранее («перестроечный кризис» и «кризис девяностых» 1988–1995 гг., дефолт 1998 г., последствия мирового финансового кризиса 2007–2009 гг., санкционное давление 2014 г., мировой финансовый кризис, вызванный коронавирусной инфекцией 2020 г. и др.). Очевидно, что социально-экономические вопросы достаточно быстро «абсорбируют» указанные внешние раздражители. В то же время от скорости и качества реакции публичной власти на подобного рода внешние раздражители зависит в конечном итоге качественное содержание правовой политики в области социально-экономического развития.

Безусловно, данный процесс носит длительный характер, а также требует постоянного анализа проведенной работы в области формирования и реализации правовой политики. Он должен обеспечиваться не только сугубо формальными нормами, но и иными средствами с активным участием институтов гражданского общества. В этой связи, мы находим справедливыми следующие слова Р.С. Саркисова: «Высокий уровень правовой культуры – необходимое условие претворения в действительность концепции правовой политики как особого программного, доктринального документа. Процесс повышения правовой культуры общества характеризуется многогранностью и многообразием форм проявления, а также активной динамикой развития. На основе проведения эффективной правовой политики осуществляется планомерное повышение уровня правовой культуры общества, которое тесно связано с такими понятиями, как «общественное мнение», «средства массовой информации», «коммуникация общества и государства», «правовая пропаганда» [11, с. 217]. В приведенной цитате отмечен программный, доктринальный документ как форма выражения правовой политики. Взаимосвязь данных явлений исследована, в частности, Т.С. Касимовым в статье, посвященной программным документам [12].

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что правовая политика в области социально-экономического развития представляет собой сложный, многогранный инструмент государственного управления. Ее сущность определяется необходимостью сочетания стратегического планирования, нормативного регулирования и учета динамики общественных отношений. Как показано в настоящем исследовании, правовая политика не может существовать

в отрыве от научного обоснования, поскольку именно теоретические разработки задают вектор для практической реализации государственных инициатив.

Несмотря на отсутствие единой трактовки в юридической доктрине, большинство ученых сходятся в понимании правовой политики как деятельности, направленной на оптимизацию правового регулирования. При этом важно подчеркнуть роль государства как основного субъекта ее формирования, хотя в условиях демократических режимов теоретически допустимо участие институтов гражданского общества.

Особое внимание нами было уделено современным особенностям правовой политики РФ. Мы выделим пять ключевых характеристик: долгосрочное планирование (на примере национальных проектов), акцент на цифровизацию, социальную направленность, стимулирование экономического роста и адаптацию к глобальным вызовам. Эти элементы отражают попытку государства совместить традиционные подходы (сохранение социальных гарантий) с инновационными решениями (развитие цифровой экономики). Однако реализация правовой политики может столкнуться с этико-правовыми дилеммами, особенно в условиях экономической нестабильности.

Важным выводом исследования нам видится тезис о необходимости повышения правовой культуры общества. Без этого невозможно эффективное воплощение правовых норм в жизнь, особенно в условиях санкционного давления и внутренних кризисов. Кроме того, необходимо обратить внимание на значимость обратной связи между государством и обществом, которая должна обеспечиваться через средства массовой информации, правовую пропаганду и иные коммуникационные каналы.

Правовая политика в социально-экономической сфере остается динамичным явлением, требующим постоянной корректировки. Перспективы ее развития связаны с усилением научной базы, интеграцией международного опыта и созданием гибких правовых механизмов, способных реагировать на вызовы глобализации. Нам видится, что государству следует сосредоточиться на разработке резервных социальных фондов и других инструментов, минимизирующих риски для граждан в периоды экономической турбулентности и служащие целям адресной помощи. Также следует позитивно оценивать национальные проекты и иные институты стратегического планирования в социально-экономической сфере. Указанные меры и институты, наряду с укреплением доверия к публичной власти в лице государственных органов, могут стать основой для устойчивого развития России в условиях современной геополитической и экономической реальности.

Список источников

1. Коробова А.П. Правовая политика: Понятие, формы реализации, приоритеты в современной России : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / А.П. Коробова. – Москва, 2000. – 275 с.
2. Рудковский В.А. Правовая политика и осуществление права: теоретико-методологический аспект : дис. ... д-ра юрид. наук : 23.00.01 / В.А. Рудковский. – Москва, 2009. – 484 с.
3. Исаков Н.В. Правовая политика России: теоретические аспекты : монография / Н.В. Исаков. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 2003. – 295 с.
4. Рыбаков О.Ю. Понятие и признаки правовой политики / О.Ю. Рыбаков // Правовая политика субъектов Российской Федерации : материалы круглого стола, 26 сентября 2001 г. – Владивосток : РИЦ ВГУ, 2002. – С. 30–39.
5. Комаров С.Н. Правовая политика: понятие, роль и обеспечение в правовой системе общества / С.Н. Комаров, Г.М. Азнагулова // Правовая политика и правовая жизнь. – 2012. – № 3. – С. 8–16.
6. Бредихин А.Л. Правовая политика в правоведении: анализ категории / А.Л. Бредихин, Н.П. Парфенов // Аграрное и земельное право. – 2024. – № 4 (232). – С. 11–14.
7. Шабуров А.С. «Политика права» и «правовая политика» – важнейшие категории политико-правовой науки / А.С. Шабуров // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2024. – № 2 (66). – С. 421–425.
8. Малько А.В. Правовая политика в современной России: актуальные проблемы теории и практики (обзор материалов «круглого стола») / А.В. Малько, А.Н. Костюков // Правоприменение. – 2018. – Т. 2, № 3. – С. 142–152.
9. Малько А.В. Правовая политика в сфере формирования сильного государства / А.В. Малько, В.А. Затонский // Право и государство. – № 1–2 (78–79). – 2018. – С. 23–34.
10. Рыбаков О.Ю. Правовая политика в сфере прав и свобод личности: формы и виды / О.Ю. Рыбаков // Юрист-Правоведъ. – 2004. – № 4 (11). – С. 23–26.
11. Саркисов Р.С. Российская правовая политика как концепция и реальность : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Р.С. Саркисов. – Москва, 2008. – 232 с.
12. Касимов Т.С. Программные документы и перспективы Российского государства / Т.С. Касимов // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2013. – № 4 (42). – С. 250–253.

References

1. Korobova A.P. Legal policy: Concept, Forms of Implementation, Priorities in Modern Russia. *Cand. Diss.* Moscow, 2000. 275 p. (In Russian).
2. Rudkovskiy V.A. Legal Policy and Implementation of Law: Theoretical and Methodological Aspect. *Doc. Diss.* Moscow, 2009. 484 p. (In Russian).
3. Isakov N.V. Legal Policy of Russia: Theoretical Aspects: A Monograph. Saratov, Saratov University Press, 2003. 295 p. (In Russian).
4. Rybakov, O.Y. Notion and Signs of Legal Policy. *Legal Policy of the Subjects of the Russian Federation. Materials of the Round Table, Vladivostok, September 26, 2001.* Vladivostok, PPC VSU, 2002, pp. 30–39. (In Russian).
5. Komarov S.N., Aznagulova G.M. Legal Policy: Notion, Role, and Providing in Legal System of Society. *Pravovaya Politika i Pravovaya Zhizn' = Legal Policy and Legal Life*, 2012, no. 3, pp. 8–16. (In Russian).
6. Bredikhin A.L., Parfenov N.P. Legal Policy in Jurisprudence: Category Analysis. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2024, no. 4 (232), pp. 11–14. (In Russian).
7. Shaburov A.S. "Politics of Law" and "Legal Policy" Are the Most Important Categories Political and Legal Science. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj Akademii MVD Rossii = Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2024, no. 2 (66), pp. 421–425. (In Russian).
8. Malko A.V., Kostyukov A.N. Legal Policy in Modern Russia: Current Problems of Theory and Practice (Review of the Materials of the Round-Table Discussion). *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2018, vol. 2, no. 3, pp. 142–152. (In Russian).
9. Malko A.V., Zatonsky V.A. Legal Policy in Formation a Strong State of Law. *Pravo i gosudarstvo = Law and State*, 2018, no. 1–2 (78–79), pp. 23–34. (In Russian).
10. Rybakov O.Y. Legal Policy in the Sphere of Rights and Freedoms of the Individual: Forms and Types. *Yurist-pravoved = Jurist-Pravovoved*, 2004, no. 4 (11), pp. 23–26. (In Russian).
11. Sarkisov R.S. Russian Legal Policy as a Concept and Reality. *Cand. Diss.* Moscow, 2008. 232 p. (In Russian).
12. Kasimov T.S. Programmatic Documents and Prospects of the Russian State. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta = Izvestia Orenburg State Agrarian University*, 2013, no. 4 (42), pp. 250–253. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Нагимова Зарина Фаварисовна – *Nagimova Zarina Favarisovna* – *Post-graduate Student of the Chair of Theory of State and Law, Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 18.06.2025.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО; КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРОЦЕСС; МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

CONSTITUTIONAL LAW; CONSTITUTIONAL LAW PROCEEDING; MUNICIPAL LAW

Научная статья

УДК 336.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.3

Бикмаев Булат Римович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

bulatbikmaevbb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1546-4513>

ЗАЩИТА РАЗУМНЫХ ОЖИДАНИЙ КАК ЗАКОННЫЙ ИНТЕРЕС НАЛОГОПЛАТЕЛЬЩИКА

Аннотация. Актуальной задачей развития правового регулирования, в частности, регулирования налоговых отношений, является внедрение концепции защиты разумных ожиданий частного субъекта. Данная концепция способна положительно повлиять на отношения публичных и частных субъектов, повысить доверие к государству и его органам. В судебной практике защита разумных ожиданий налогоплательщика рассматривается как принцип налогового права. Полагаем, что защиту разумных ожиданий можно отнести также и к законному интересу налогоплательщика. Целью данной работы является анализ возможности отнесения защиты разумных ожиданий к законным интересам налогоплательщика. Методологию настоящей работы составляют как общенаучные, так и частнонаучные методы. Среди общенаучных можно выделить: метод описания, метод сравнения, метод аналогии. Частнонаучными методами, представленными в настоящей работе, являются: формально-юридический метод, метод сравнительно-правового анализа. В результате работы удалось выявить, что защита разумных ожиданий является законным интересом налогоплательщика.

Ключевые слова: законный интерес, разумные ожидания, субъективное право, правовая определенность, добросовестность

Для цитирования: Бикмаев Б.Р. Защита разумных ожиданий как законный интерес налогоплательщика / Б.Р. Бикмаев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 35–46.

Bikmaev Bulat Rimovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,

bulatbikmaevbb@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1546-4513>

REASONABLE EXPECTATIONS' PROTECTION AS A LEGITIMATE TAXPAYER INTEREST

Abstract. A topical task of the legal regulation's development, in particular, the tax relations, is the introduction of such concept as the reasonable expectations' protection of a private entity. This concept can play a positive role in the relations of public and private actors, increase trust to the state and its bodies. In court practice, the reasonable expectations' protection of a taxpayer is considered as a principle of tax law. We believe that the reasonable expectations' protection can also be attributed to the taxpayer legitimate interest. The purpose of this paper is to analyse the possibility of attributing the reasonable expectations' protection to the taxpayer's legitimate interests. The methodology of this paper consists of both general scientific and specific scientific methods. Among the general scientific methods, we can distinguish: method of description, method of comparison, method of analogy. The private-scientific methods we use in this paper are: formal-legal method, method of comparative legal analysis. As a result of the work, we have managed to identify that the reasonable expectations' protection is a legitimate interest of a taxpayer.

Keywords: legitimate interest, reasonable expectations, equitable right, legal certainty, good faith

For citation: Bikmaev B.R. Reasonable Expectations' Protection as a Legitimate Taxpayer Interest. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 35–46 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.3.

Введение. Правовая определенность является важным принципом права. Несмотря на отсутствие в Российском законодательстве закрепления такого принципа, Конституционный Суд РФ толкует правовую определенность и как принцип, и как общеправовое требование.

Принципу правовой определенности очевидно противоречит неясность, противоречивость правового регулирования, возможность произвольного и необоснованного изменения своей позиции органами государственной власти.

Кроме того, в новой статье Конституции РФ провозглашается создание условий для взаимного доверия государства и общества. Полагаем, что необходимым условием для установления доверия между государством и обще-

ством является защита разумных ожиданий частных субъектов, которые формируются публичной стороной.

Принцип защиты разумных ожиданий получает распространение в судебной практике. Суды рассматривают требование защиты разумных ожиданий налогоплательщика как принцип налогового права. Но возможно ли также признать защиту разумных ожиданий законным интересом налогоплательщика? Ответ на указанный вопрос является основной целью настоящей работы.

Новизна настоящей статьи заключается в рассмотрении требования о поддержании разумных ожиданий налогоплательщика как законного интереса. В настоящее время отсутствуют работы, посвященные исследованию данного вопроса.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в анализе возможности отнесения поддержания разумных ожиданий к законному интересу налогоплательщика. С практической точки зрения ответ на поставленный вопрос позволит защищать интересы налогоплательщиков путем обращения непосредственно к закреплённому в законодательстве требованию о защите законных интересов налогоплательщика.

Соотношение законного интереса и субъективного права. Тема законных интересов неоднократно исследовалась в науке. Можно отметить, что устоялось некоторое определение данного понятия, выделены свойства законных интересов. Отмечается, что теория законных интересов способна качественно изменить отношения «налогоплательщик – государство» [1, с. 342].

В законодательстве, несмотря на частое использование данной категории, определение законного интереса отсутствует. Не стало исключением и налоговое законодательство. В статье 22 НК РФ прямо гарантируется административная и судебная защита законных интересов налогоплательщиков¹. Однако определение данного понятия отсутствует.

Поэтому первоначально следует определиться с понятием законного интереса, и для лучшего понимания его сущности необходимо отграничить законный интерес от субъективного права.

В качестве ориентира возьмем определение субъективного права Н.В. Витрука. Субъективное право – это «...социально обусловленная и гарантированная мера возможного поведения личности, которая определена нормами объективного права (конституцией, законами), в целях пользования материальными, духовными и личными благами и ценностями для удовлетворения собственных потребностей и интересов» [2].

Из определения следует, что мера возможного поведения должна прямо предусматриваться нормами объективного права. Предполагается, что меры

¹ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 29.11.2024, с изм. от 21.01.2025) // Российская газета. 1998. 06 августа. № 148–149. Ст. 22. ч. 1. абз. 2.

возможного поведения известны законодателю и такие меры поведения были законодательно закреплены.

Закрепить все интересы в форме субъективного права невозможно. С одной стороны, отсутствует какой-либо исчерпывающий перечень интересов субъектов. Чтобы законодательно закрепить интерес в качестве субъективного права, законодателю должно быть известно о таком интересе и о том, что он нуждается в защите.

С другой стороны, если и представить, что такой список существует, то он не будет постоянным вследствие изменения общественных отношений с течением времени. В случае, когда какой-либо законный интерес, не закрепленный в качестве субъективного права, получит распространение в правоприменительной деятельности, это может стать стимулом для законодателя закрепить соответствующий интерес в форме субъективного права.

Поэтому следует согласиться с В.В. Субочевым, который отмечает, что субъективные права не всегда позволяют полностью удовлетворить потребности участников правоотношений [3, с. 15].

Можно указать, что статус субъективного права получают наиболее значимые и осознанные интересы. Однако сказанное не означает, что другие интересы, которые не оформлены субъективным правом, не должны защищаться.

Конституция РФ провозглашает высшей ценностью человека его права и свободы, а обязанность государства – их защищать². Формальное отсутствие закрепленного законодательно субъективного права не должно быть препятствием для защиты правомерного интереса.

Для защиты интересов, которые субъективным правом не предусмотрены, законодатель прибегает к использованию категории «законный интерес».

Наиболее подробным и удачным определением законного интереса считается определение А.В. Малько: «Законный интерес – это отраженное в субъективном праве либо вытекающее из его общего смысла и в определенной степени гарантированное государством простое юридическое дозволение, выражающееся в стремлении субъекта пользоваться конкретным социальным благом, а также в некоторых случаях обращаться за защитой к компетентным органам – в целях удовлетворения своих потребностей, не противоречащих общественным» [4, с. 62]. Аналогичные взгляды на понятие законного интереса разделяет также В.В. Субочев [3, с. 15].

Относительно соотношения понятий субъективное право и законный интерес можно отметить следующее. Определяя понятие субъективного права, М.Н. Марченко, в том числе указывает, что законные интересы могут быть за-

² Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru> 2022. 06 октября. Ст. 2.

креплены субъективным правом, но могут существовать и без такого закрепления [5, с. 587]. Схожих взглядов придерживается С.А. Ядрихинский [1, с. 344].

Согласиться с авторами возможно, но, на наш взгляд, отсутствует необходимость смешения категорий «законный интерес» и «субъективное право». В законодательстве категории законный интерес и субъективное право используются по отдельности. Например, согласно тексту Гражданского процессуального кодекса РФ, заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов³.

Если законный интерес признается путем предоставления субъективного права, то такой интерес следует называть субъективным правом. Иное приведет к ненужному смешению понятий, которые имеют разный статус. Н.В. Витрук отмечал, что законные интересы дополняют систему прав, свобод и обязанностей личности, выступая структурным элементом правового статуса [2]. Такая точка зрения представляется более обоснованной.

Исследовал законный интерес также Е.А. Крашенинников. По мнению ученого, законный интерес – это интерес, который признан путем предоставления его носителю субъективного гражданского права. Интересы, которые признаются законодателем, называются юридически значимыми интересами [6, с. 133].

Вернее, на наш взгляд, указать, что существуют интересы, которые защищаются субъективным правом – это субъективное право. Правомерные интересы, которые не защищаются субъективным правом, могут признаваться законным интересом.

Таким образом, законный интерес и субъективное право являются разными категориями. На наш взгляд верно утверждать, что интерес, который получил закрепление в форме субъективного права, является субъективным правом и не должен называться законным интересом. Если интерес не опосредован субъективным правом, но является правомерным, такой интерес следует называть законным.

Свойства законного интереса. Выделим свойства законного интереса. Первое свойство – отсутствие конкретизации. Категория законный интерес не предполагает какого-либо установленного перечня. В.В. Субочев отмечает такой признак как «доказательственная реализация». Это означает необходимость обоснования правомерности и законности своих требований, а также нахождение защиты, «способной» исходить от компетентных органов [3, с. 16; 7, с. 89–97].

Субъективные права в отличие от законных интересов прямо предусматриваются законодательством, и для их реализации не требуется доказывать, что такое право у субъекта имеется. В некоторой степени можно утверждать, что такой интерес уже был признан государством.

³ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 2002. 20 ноября. № 220. Ст. 3. ч. 1.

Однако со вторым проявлением признака доказательственной реализации по В.В. Субочеву согласиться не можем. Полагаем, что определение способа защиты является задачей суда, либо уполномоченного органа. Вернее указать, что субъект вправе обращаться за защитой законного интереса.

Второе свойство – законный интерес следует из сущности права или его принципов. В науке также можно встретить указание на то, что законный интерес должен носить непротивоправный характер. Полагаем, что это само собой подразумевается, поскольку противоправность не может следовать из сущности права или его принципов.

Третье свойство – отсутствие противопоставленной обязанности. Отмечается, что субъективное право предоставляет возможность требовать соответствующего поведения от другого обязанного лица [5, с. 588]. Например, в ранее упомянутой статье 22 Налогового кодекса Российской Федерации, в которой закреплена защита законных интересов налогоплательщиков, отмечается, что соответствующими обязанностями должностных лиц налоговых органов обеспечены права налогоплательщика.

В отличие от субъективного права, по мнению А.В. Малько, законный интерес отражает лишь разрешенность, которой противостоит общая обязанность уважать её, не нарушать [4, с. 64]. Аналогичную позицию занимает В.В. Субочев указывая, что субъективные права прямо предусматриваются законодателем, а реализация законного интереса лишь допускается [7, с. 40].

Также С.П. Гришаев и А.В. Овчинникова отмечают: «...под законным интересом понимается потребность лица, относительно обеспеченная правом, не корреспондирующая конкретной юридической обязанности в правоотношениях, имеющая материальный и (или) процессуальный характер» [8].

Заслуживает внимание и позиция С.А. Бурмистровой о том, что субъективное право – это право на действия других лиц, а законный интерес – это право на собственные действия [9].

Четвертое свойство – право обращаться за защитой в компетентные органы. В ранее упомянутой статье 22 НК РФ гарантируется защита прав и законных интересов.

По смыслу положений законодательства законный интерес не должен защищаться в меньшей степени, чем субъективное право. Поэтому С.А. Ядрихинский верно отмечает, что выражения, которые распространены в науке, «в общем виде», в «определенной степени» придают гарантиям заниженное качество, превращают их в «недогарантии» [10, с. 73].

Вероятно, точку зрения о том, что законный интерес является простым дозволением не следует понимать как меньшую гарантированность защиты такого интереса. Субъективному праву противостоит обязанность и может быть понятно, какими способами защищать нарушенное право. В случае с законными интереса-

ми такие «решения» отсутствуют. Однако законный интерес по смыслу законодательства не должен защищаться меньше, чем субъективное право.

Законные интересы в налоговом праве. Поскольку перечень законных интересов не установлен, то исследователями могут предлагаться и обосновываться разные законные интересы. Приведем некоторые примеры.

Г.А. Мосидзе выделяет интересы по минимизации налогов в целях увеличения прибыли; интерес рассчитывать на равномерное и справедливое распределение налогового бремени между всеми налогоплательщиками; интерес исполнять обязанность по исчислению и уплате налогов в условиях стабильности налогового законодательства и правоприменительной практики [11, с. 178].

Стоит отметить, что выделенный автором законный интерес в виде исполнения обязанности по исчислению и уплате налогов в условиях стабильности налогового законодательства и правоприменительной практики является частным проявлением принципа защиты разумных ожиданий налогоплательщика.

Налогоплательщик может полагаться на стабильность своего правового положения, стабильность законодательства. Необоснованное и внезапное изменение правового регулирования нарушает разумные ожидания налогоплательщика.

С.А. Ядрихинский указывает на наличие такого интереса как разумная продолжительность налоговой проверки и соблюдение процессуальных сроков [12, с. 184]. Также автор выделяет законный интерес по оптимизации налогового платежа, который понимается прежде всего как повышение рациональности и эффективности деятельности налогоплательщика [13, с. 129].

Указанные законные интересы являются частными примерами законных интересов в налоговом праве. Полагаем, что к законному интересу также может быть отнесена защита разумных ожиданий налогоплательщика.

Защита разумных ожиданий налогоплательщика как законный интерес. Защита разумных ожиданий как законный интерес не конкретизирована в законодательстве. Отсутствует понятие разумных ожиданий и в налоговом праве. Категория разумных ожиданий довольно широкая и может включать в себя как требования к органам исполнительной власти, так и к органам законодательной власти. Частные проявления защиты разумных ожиданий могут встречаться в судебной практике.

Поскольку такой законный интерес не сформулирован, ему не противостоит и конкретная обязанность. Существует лишь общая обязанность защищать законные интересы налогоплательщика.

Защита разумных ожиданий как законный интерес следует из общих принципов, а также норм российского законодательства. Попробуем обосновать данную позицию.

Во-первых, согласно Конституции Российской Федерации, каждый в Российской Федерации имеет право свободно использовать свои способности и имущество для занятия предпринимательской деятельностью⁴.

Одним из проявлений данного принципа, согласно позиции Конституционного Суда РФ, является защита от рисков, связанных с произвольными и необоснованными решениями органов государственной власти⁵.

Деятельность органов государственной власти, в частности, налоговых органов, может создавать у налогоплательщика разумные ожидания относительно неизменности своего положения, верности квалификации хозяйственных отношений с целью определения размера налога, подлежащего уплате.

Принцип защиты разумных ожиданий, который защищает налогоплательщика от произвольного и необоснованного изменения позиции налогового органа, может быть выведен из ст. 34 Конституции РФ.

Во-вторых, нарушение разумных ожиданий налогоплательщика не соотносится с конституционным принципом равенства всех перед законом и судом. Конституционный Суд РФ указывал, что данный принцип предполагает наличие предсказуемости в правовом регулировании. В частности, регулирование должно осуществляться с соблюдением принципа поддержания доверия к закону и действиям государства⁶.

Например, при решении вопроса о целесообразности ведения определенной хозяйственной деятельности налогоплательщик может учитывать налоговую нагрузку, действующие ставки налога, а также установленные льготы.

Налогоплательщик заинтересован в неизменности своего положения. Можно указать, что налогоплательщик «доверяет» государству, рассчитывает на то, что действующее правовое положение не изменится внезапно и необоснованно. А в случае изменений налогоплательщику будет предоставлено время для адаптации к предстоящим изменениям.

В данном контексте нельзя не упомянуть новую статью в Конституции РФ, в которой закреплено требование о создании условий для взаимного доверия государства и общества⁷.

Полагаем, что поддержание разумных ожиданий налогоплательщика является одним из условий для создания доверительных отношений между государством и частным субъектом.

В-третьих, можно отметить действие принципа добросовестности в налоговом праве, на которое указал Верховный Суд РФ. Принцип добросовестности

⁴ Конституция Российской Федерации. Ст. 34. ч. 1.

⁵ По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 391 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «Парус» : Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 13-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 3.

⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 28.02.2019 № 13-П.

⁷ Конституция Российской Федерации. Ст. 75.1.

означает как учет законных интересов, так и недопустимость создания условий для взимания налогов сверх того, что требуется по закону⁸.

Д.С. Кукушкин указывает: «...в основе добросовестности в публичных правоотношениях лежит конституционный принцип поддержания доверия граждан к государству» [15].

Соглашаясь с автором, отметим, что принципу добросовестности налогового администрирования также противоречит необоснованное и произвольное изменение позиции налогового органа по вопросам, связанным с налогообложением. Нарушение разумных ожиданий налогоплательщика нельзя признать добросовестным налоговым администрированием.

Таким образом, защита разумных ожиданий соответствует признакам законного интереса.

Заключение. Подводя итоги, отметим следующее. Ввиду многообразия, а также ввиду изменений интересов с течением времени закрепить все интересы граждан и юридических лиц в форме субъективного права не представляется возможным.

Категория законных интересов позволяет в некоторой степени смягчить данную проблему. В случае, если какой-либо интерес не защищается субъективным правом, субъект вправе защищать его как законный интерес.

Основным свойством категории законного интереса, в отличие от субъективного права, является доказательственная реализация. Заинтересованное лицо должно доказать наличие такого интереса, который следует из принципов права или его сущности.

Принцип защиты разумных ожиданий налогоплательщика не получил своего нормативного закрепления, однако в настоящее время одним из способов защиты разумных ожиданий в налоговом праве является их защита как законных интересов.

Законный интерес по защите разумных ожиданий налогоплательщика следует из норм Конституции РФ, а также из принципа добросовестности налогового администрирования.

⁸ Определение Верховного Суда РФ от 16.02.2018 по делу № 302-КГ17-16602. [Электронный ресурс]. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/fd0244f9-8892-476b-8ef4-dd879d501a7e/2e459381-7c23-4762-b969-cb92e402b56d/A33-17038-2015_20180216_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 08.09.2024).

Список источников

1. Ядрихинский С.А. О формах существования законного интереса налогоплательщика / С.А. Ядрихинский // Вестник Омской юридической академии. – 2018. – Том 15, № 3. – С. 341–345.
2. Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности / Н.В. Витрук. – Москва : НОРМА, 2008. – 448 с.
3. Субочев В.В. Законные интересы: основы теории / В.В. Субочев // Государство и право. – 2009. – № 5. – С. 15–22.
4. Малько А.В. Субъективное право и законный интерес / А.В. Малько // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1998. – № 4 (223). – С. 58–70.
5. Марченко М.Н. Теория государства и права : учебник / М.Н. Марченко. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Проспект, 2024. – 648 с.
6. Крашенинников Е.А. Интерес и субъективное гражданское право / Е.А. Крашенинников // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 2000. – № 3 (230). – С. 133–141.
7. Субочев В.В. Сущность законных интересов / В.В. Субочев // Ленинградский юридический журнал. – 2007. – № 2. – С. 35–55.
8. Гришаев С.П. Эволюция правового регулирования института банкротства / С.П. Гришаев, А.В. Овчинникова // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.09.2024).
9. Бурмистрова С.А. Субъективные права и законные интересы: каким должен быть результат судебной защиты / С.А. Бурмистрова // Арбитражный и гражданский процесс. – 2022. – № 1. – С. 7–10.
10. Ядрихинский С. А. Гарантии защиты законного интереса налогоплательщика: смена парадигмы / С. А. Ядрихинский // Правоприменение. – 2019. – Т. 3, № 3. – С. 71–79.
11. Мосидзе Г.А. Категория «законный интерес» в налоговом законодательстве Российской Федерации / Г.А. Мосидзе // Юридическая наука. – 2017. – № 6. – С. 174–179.
12. Ядрихинский С.А. Разумная продолжительность налоговой проверки как законный интерес налогоплательщика / С.А. Ядрихинский // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 11 (96). – С. 176–185.
13. Ядрихинский С.А. Оптимизация налогового платежа как законный интерес налогоплательщика / С.А. Ядрихинский // Государство и право. – 2019. – № 7. – С. 123–131.
14. Кукушкин Д.С. Генезис принципа добросовестности в налоговом праве / Д.С. Кукушкин // Финансовое право. – 2022. – № 8. – С. 31–35. // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.11.2024).

References

1. Yadrikhinsky S.A. About the Forms of Existence of the Legal Interest of the Taxpayer. *Vestnik omskoj yuridicheskoy Akademii = Bulletin of the Omsk Law Academy*, 2018, vol. 15, no. 3, pp. 341–345. (In Russian).
2. Vitruk N. V. General Theory of the Legal Status of an Individual. Moscow, NORMA, 2008. 448 p.
3. Subochev V.V. Legitimate Interests: Fundamentals of Theory. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2009, no. 5, pp. 15–22. (In Russian).
4. Malko A.V. The Right and Legal Interest. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1998, no. 4 (223), pp. 58–70. (In Russian).
5. Marchenko M.N. Theory of State and Law: Textbook. 2nd ed., Moscow, Prospect, 2024. 648 p. (In Russian).
6. Krashennnikov E.A. Interest and Legal Right. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 2000, no. 3 (230), pp. 133–141. (In Russian).
7. Subochev V.V. The Nature of Legitimate Interests. *Leningradskij yuridicheskij zhurnal = Leningrad Legal Journal*, 2007, no. 2, pp. 35–55. (In Russian).
8. Grishaev S.P., Ovchinnikova A.V. Evolution of Legal Regulation of the Institution of Bankruptcy. Available at: *Consultant Plus* (accessed: 25.09.2024). (In Russian).
9. Burmistrova S.A. Subjective Rights and Legal Interests: What Should the Result of Judicial Protection Be Like. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2022, no. 1, pp. 7–10. (In Russian).
10. Yadrikhinsky S.A. Guarantees for the Protection of the Taxpayer's Legitimate Interest: a Paradigm Shift. *Pravoprimerenie = Law Enforcement Review*, 2019, vol. 3, no. 3, pp. 71–79. (In Russian).
11. Mosidze G.A. The Category of "Legitimate Interest" in the Tax Legislation of the Russian Federation. *Yuridicheskaya nauka = Legal Science*, 2017, no. 6, pp. 174–179. (In Russian).
12. Yadrikhinsky S.A. Reasonable Duration of Tax Audit as Taxpayer's Legitimate Interest. *Aktual'nye problemy Rossijskogo prava = Actual Problems of the Russian Law*, 2018, no. 11 (96), 176–185. (In Russian).
13. Yadrikhinsky S.A. Optimisation of Tax Payment as a Legitimate Interest of the Taxpayer. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2019, no. 7, 123–131. (In Russian).
14. Kukushkin D.S. Genesis of the Principle of Good Faith in Tax Law. *Finansovoe pravo = Financial Law*, 2022, no. 8, pp. 31–35. (In Russian).

Информация об авторе

Бикмаев Булат Римович – аспирант
Института права

Information about the Author

Bikmaev Bulat Rimovich –Postgraduate
Student, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 02.06.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 02.06.2025; accepted for publication 17.06.2025.

Научная статья

УДК 349.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.4

Жужгина Александра Андреевна

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,

a.a.zhuzhgina@utmn.ru, <https://orcid.org/0009-0005-0924-7602>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЦИФРОВОГО ПРОФИЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ С ПОМОЩЬЮ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования цифрового профиля преподавателя с применением технологий искусственного интеллекта. Основное внимание уделяется правовым, организационным и этическим аспектам, в том числе вопросам конфиденциальности персональных данных, рискам предвзятости алгоритмов и снижению роли человеческого фактора в кадровых решениях. Приводится опыт Тюменского государственного университета, в котором осуществляется внедрение цифровых решений на базе платформы «1С:Документооборот». Пристальное внимание уделено проблемам, связанным с приоритетом количественных показателей, избирательной оценкой качества научных публикаций и ограничениями автоматизированных систем. Анализируются перспективы и вызовы, связанные с использованием ИИ в образовательной среде. Цель: проанализировать правовые и прикладные аспекты формирования цифрового профиля педагогических работников с использованием технологий искусственного интеллекта. Методы: общенаучные методы анализа, синтеза, индукции и дедукции; сравнительно-правовой и формально-юридический методы; интерпретация правовых норм. Результаты: выявлены ключевые проблемы, возникающие при использовании искусственного интеллекта в анализе профессиональных данных преподавателей. Сделан акцент на необходимости соблюдения законности, транспарентности и этики при цифровизации трудовых процессов в образовательных организациях.

Ключевые слова: цифровой профиль, искусственный интеллект, трудовое право, преподаватель, персональные данные

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации в рамках проекта «Фундаментальные проблемы методики разработки и связанного с ней правового и этического регулирования в сфере применения систем и моделей искусственного интеллекта» (FEWZ-2024-0052).

Для цитирования: Жужгина А.А. Особенности формирования цифрового профиля педагогических работников с помощью искусственного интеллекта / Жужгина А.А. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 47–56.

Original article

Zhuzhgina Aleksandra Andreevna

Tyumen State University, Tyumen, Russia, a.a.zhuzhgina@utmn.ru,
<https://orcid.org/0009-0005-0924-7602>

THE DIGITAL PROFILE OF TEACHING STAFF FORMATION WITH THE HELP OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

Abstract. This article explores the specifics of forming a teaching staff's digital profile with the use of artificial intelligence technologies. Special attention is paid to legal, ethical, and organisational aspects, including issues of personal data confidentiality, algorithmic bias and the reduction of the human role in education. The paper presents the Tyumen State University's experience in implementing digital solutions based on the «1C» platform. The close attention is paid to the problems related to the priority of quantitative indicators, the selective assessment of the scientific publications' quality and the limitations of automation systems. The article analyses the prospects and constraints of AI in the educational environment. Objective: to analyse the legal and practical aspects of forming a digital profile of teaching staff using artificial intelligence technologies. Methods: general scientific methods of analysis, synthesis, induction, and deduction; comparative legal and formal legal methods; legal norm interpretation. Results: the study identifies key issues arising from the use of AI in evaluating teachers' professional data. Emphasis is placed on the importance of legality, transparency and ethics in the digitalisation of workflow in educational institutions.

Keywords: digital profile, artificial intelligence, labour law, teacher, personal data.

Financing. The study was carried out with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the framework of the project "Fundamental Problems of Methodology Development and Related Legal and Ethical Regulation in the Field of Artificial Intelligence Systems and Models Application" (FEWZ-2024-0052).

For citation: Zhuzhgina A.A. The Digital Profile of Teaching Staff Formation with the Help of Artificial Intelligence. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 47–56 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.4.

Цифровой профиль преподавателя в Российской Федерации. Современное образование переживает этап активной цифровой трансформации, которая затрагивает все аспекты профессиональной деятельности педагогических работников¹. Одним из ключевых инструментов этой трансформации является формирование их цифрового профиля, что позволяет систематизировать данные о профессиональных достижениях, компетенциях и научной деятельности. Искусственный интеллект (далее – ИИ) играет важную роль в этом процессе, предоставляя новые возможности для автоматизации и анализа данных, однако внедрение таких технологий сопряжено с рядом особенностей, преимуществ и рисков.

При анализе понятия «цифровой профиль преподавателя» как отдельной категории работников важно учитывать специфику правового статуса педагогов. «С одной стороны, учителя и преподаватели – это наёмные работники образовательных организаций, на них в полной мере распространяются нормы ТК РФ и законодательства о персональных данных, но с другой стороны, их деятельность носит публично значимый характер: реализуя право граждан на образование, педагоги выполняют особую социальную функцию, де-факто преподаватели также являются представителями организации перед обучающимися и обществом, а потому к ним предъявляются повышенные требования, в том числе требования публичной отчетности и этического поведения» [1, с. 154].

Понятия «цифровой профиль», «цифровой профиль работника», «цифровой профиль преподавателя». Для целей настоящего исследования целесообразно начать с определения понятий. В настоящее время не существует определения «цифровой профиль», но существует «цифровой профиль гражданина». Согласно приказу Минцифры России от 30.06.2022 №505 (ред. от 29.12.2023) «Об утверждении методик расчёта показателей федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» под цифровым профилем гражданина понимается совокупность всех данных о гражданине, которые имеются в распоряжении государственных органов и государственных информационных систем, а также совокупность технических средств, которые позволяют управлять этими данными, в том числе предоставлять их третьим лицам с согласия и в интересах самого гражданина².

Главная цель внедрения цифрового профиля – упростить и ускорить доступ граждан к государственным и коммерческим услугам. Благодаря цифровому профилю отпадает необходимость собирать бумажные справки и лично посещать ведомства: все необходимые сведения предоставляются автоматиче-

¹ В контексте данной статьи термины «педагогический работник», «преподаватель» и «педагог» являются равнозначными.

² Об утверждении методик расчёта показателей федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации": Приказ Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации от 30.06.2022 № 505 (ред. от 29.12.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ски, с согласия гражданина. Это не только экономит время, но и снижает риск ошибок, связанных с ручной обработкой данных.

Кроме того, цифровой профиль обеспечивает юридически значимый обмен информацией между гражданами, государством и бизнесом. Передача данных возможна только после подтверждения согласия пользователя, что гарантирует защиту персональных данных. Такой подход способствует развитию цифровой экономики, формированию единого электронного архива документов и созданию эффективной системы электронного взаимодействия в масштабах всей страны.

В научной доктрине под «цифровым профилем работника» понимается структурированная совокупность цифровых данных, отражающая профессиональные навыки, достижения, рабочую активность и личные качества сотрудника в контексте его профессиональной деятельности [2, с. 342]. Существует также более широкая трактовка. Жарова А.К. понимает под цифровым профилем работника сложную, иерархически организованную систему, создаваемую за счёт анализа содержащейся в телекоммуникационных сетях и информационных системах информации [3, с. 56].

В контексте трудового и гражданского статуса работника, согласно статье 66.1 ТК РФ, осуществляется электронный учет трудовой деятельности. Такой учет охватывает персональные данные, сведения о месте работы, трудовой истории и стаже, а также информацию о заключении и прекращении трудовых договоров с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи. Данная система способствует формированию персонифицированного цифрового профиля работника, который используется, в том числе, в целях обязательного социального страхования³.

Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования» создал правовые и организационные основы для ведения индивидуального учета сведений о гражданах, включая их трудовую деятельность и страховые взносы. Данные, аккумулируемые в индивидуальном лицевом счёте и идентифицируемые с помощью СНИЛС, легли в основу формирования цифрового профиля гражданина в государственных информационных системах⁴.

Также в практике работодателей цифровой профиль принято понимать ещё уже, а именно:

³ Трудовой кодекс Российской Федерации : от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 24.04.2020) // Собрание законодательства РФ. 07.01.2002. № 1 (ч. 1). Ст. 3.

⁴ Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системах обязательного пенсионного страхования и обязательного социального страхования : Федеральный закон от 01.04.1996 № 27-ФЗ (ред. от 25.12.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 14. Ст. 1494.

а) как цифровой двойник человека, который представляет собой набор аналитических интерфейсов, позволяющих предсказывать треки его развития и управлять ими⁵;

б) как инструмент, помогающий принимать правильные решения, ориентируясь на данные сквозной аналитики, разрабатывать и применять на практике эффективные, действенные методики в таких направлениях, как управление персоналом, развитие сотрудников⁶;

в) способ формирования личного дела работника с использованием электронных средств и информационных систем информации о работнике, фиксация юридически значимых фактов, иных сведений с надлежащей аналитической обработкой⁷.

Таким образом, внедрение цифровых двойников, сквозной аналитики и электронного кадрового делопроизводства открывает новые горизонты для управления персоналом в современных организациях. Эти инструменты позволяют не только объективно отслеживать и управлять профессиональным развитием сотрудников, но и принимать решения на основе комплексных данных, повышая эффективность и прозрачность HR-процессов. Формирование электронных личных дел с юридически значимой фиксацией событий обеспечивает надежность и соответствие законодательству, а аналитические возможности помогают выявлять тенденции, прогнозировать потребности и своевременно реагировать на изменения. В результате цифровая трансформация кадрового администрирования становится фундаментом для устойчивого роста, инноваций и конкурентоспособности компании.

В 2019 году предлагалось закрепить отдельное понятие «цифровой профиль», который определялся как набор данных о гражданах и юридических лицах, которые хранятся в информационных системах государственных органов, местного самоуправления и организаций, выполняющих публичные функции на основании федеральных законов, а также в единой системе идентификации и аутентификации⁸.

⁵ Цифровой профиль сотрудника: что это, зачем нужен и как внедрить [Электронный ресурс] // Блог Potok.io : сайт. URL: <https://potok.io/blog/hr-howto/digital-profile-of-employee/> (дата обращения: 18.04.2025).

⁶ Что такое цифровой профиль сотрудника? [Электронный ресурс] // Блог Goodt : сайт. URL: https://goodt.me/blog_info/cto_takoe_cifrovoi_profil_sotrudnika/ (дата обращения: 18.04.2025).

⁷ Личное дело сотрудника: что это, как правильно оформить и вести [Электронный ресурс] // Ассистентус : сайт. URL: <https://assistentus.ru/sotrudniki/lichnoye-delo/> (дата обращения: 18.04.2025).

⁸ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации (в части уточнения процедур идентификации и аутентификации) : проект федерального закона № 747513-7 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/747513-7> (дата обращения: 18.04.2025).

Находим, что данное в законопроекте определение является слишком широким и для определения «цифрового профиля педагога» предлагаем использовать в качестве основы определение из доктрины, данное для «цифрового профиля работника». Так, цифровой профиль педагога – структурированная база данных, включающая информацию о квалификации преподавателя, опыте его работы, научных публикациях, методических разработках и цифровых компетенциях.

Вызовы и перспективы внедрения цифрового профиля преподавателя.

Хотя концепция цифрового профиля применима к разным категориям работников, наибольшую актуальность и развитие она получила именно в сфере образования и науки. В том же разделе XII ТК РФ представлены и другие категории работников: сезонные, надомники, работники транспорта, вахтовики, сотрудники, работающие у физических лиц и так далее. Для этих категорий ключевыми являются иные аспекты трудовой деятельности, например, соблюдение режима труда и отдыха, условия оплаты, охрана труда, специфика графика работы. Для них не требуется постоянное подтверждение квалификации, публикационной активности или участия в научных проектах. Их профессиональные достижения, как правило, не нуждаются в публичной демонстрации и систематизации в цифровом виде.

Развитие технологий ИИ ставит новые вызовы в области защиты персональных данных всех работников. Согласно статье 86 ТК РФ обработка персональных данных работников допускается только в целях соблюдения законов, содействия трудоустройству, обучению, продвижению по службе, обеспечения безопасности и контроля качества работы. Использование ИИ для анализа данных преподавателей должно соответствовать этим целям, то есть алгоритмы не могут использоваться для оценки вне контекста профессиональной деятельности.

Предположим, ИИ используется для мониторинга активности преподавателей в социальных сетях, чтобы оценить их политические взгляды, личные интересы или привычки. Например, алгоритмы могут собирать данные о том, какие посты они «одобряют», какие группы посещают или с кем взаимодействуют. Эти данные затем используются для создания профилей преподавателей, которые могут быть применены для принятия решений о трудоустройстве или продвижении по службе на основе личных предпочтений, а не профессиональных качеств. Такой подход выходит за рамки профессиональной деятельности и нарушает права на неприкосновенность частной жизни.

В рамках проекта «Снежинка» компания МТС уже с конца 2019 года реализует комплексный подход к формированию цифровых профилей сотрудников на основе анализа их коммуникационной активности, включая методы анализа социальных сетей (Social Network Analysis). Данная система аккумулирует информацию о взаимодействиях внутри корпоративной среды, что позволяет

выявлять ключевые паттерны коммуникаций и формировать структурированные цифровые профили работников. Аналитические данные, полученные в результате такого мониторинга, используются для прогнозирования профессиональных интересов сотрудников, оценки их потенциальной готовности к внутренней мобильности, а также для подбора индивидуальных систем мотивации и поддержки баланса между личной и профессиональной жизнью. В ходе пилотного внедрения проекта было зафиксировано увеличение доли внутреннего найма на открытые позиции на 17%, что свидетельствует о росте эффективности управления человеческим капиталом и повышении уровня удержания и развития персонала внутри организации⁹.

Одним из ключевых вызовов при формировании цифровых профилей педагогических работников выступает обеспечение конфиденциальности и безопасности персональных данных. Масштабный сбор и обработка информации требуют внедрения комплексных правовых, организационных и технических мер, направленных на предотвращение несанкционированного доступа, утраты или неправомерного использования данных. В соответствии с ч. 1 п. 7 ст. 86 ТК РФ, работодатель обязан за счет собственных средств обеспечить защиту персональных данных работников, принимая необходимые и достаточные меры для соблюдения требований законодательства в данной сфере.

К таким мерам относятся назначение ответственных лиц, разработка локальных нормативных актов, внедрение процедур внутреннего контроля и аудита, а также регулярное информирование и обучение сотрудников, участвующих в обработке персональных данных. Нарушение этих требований может привести не только к утечке информации, но и к существенным юридическим и репутационным рискам для организации. Таким образом, эффективная защита персональных данных – неотъемлемое условие цифровизации кадровых процессов в образовательной среде, прямо закреплённое в трудовом законодательстве Российской Федерации.

Автоматическая выгрузка больших объемов информации о преподавателях, включая их личные данные, профессиональные достижения и даже психологические особенности, делает их уязвимыми перед кибератаками. В 2022 году образовательные учреждения стали одними из главных целей хакеров, что подтверждает актуальность проблемы. Утечка данных может не только нанести вред репутации педагога, но и привести к неправомерному использованию информации, например, для дискриминации или манипуляций.

Например, после утечки данных группа студентов (через такие приложения, как «Глаз бога» и пр.) получила доступ к конфиденциальной информации одного из преподавателей через сервисы, собирающие данные из публичных

⁹ МТС взял сотрудников под тотальный цифровой контроль [Электронный ресурс] // CNews. 2019. 4 дек. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2019-12-04_mts_vzyl_sotrudnikov_pod (дата обращения: 18.04.2025).

утечек данных и анализирующие их с помощью ИИ. Они обнаружили компрометирующие сведения, например, финансовые задолженности или медицинские записи и решили использовать их для шантажа. Студенты могут раскрыть эту информацию перед администрацией университета и коллегами преподавателя, требуя улучшения оценок или особого отношения.

Такой инцидент уже произошёл с одной из платформ в США, PowerSchool, которая используется для управления информацией о студентах и преподавателях. В результате кибератаки были раскрыты персональные данные, включая имена, адреса, номера социального страхования, контактную информацию, медицинские и финансовые сведения, а также данные об успеваемости студентов и информацию о трудоустройстве преподавателей¹⁰.

Коммерциализация персональных данных прямо не пропагандируется, но на практике противоправный или в соответствии с законом оборот персональных данных происходит. Это вызвано большой ценностью персональных данных. В юридической литературе существует позиция, согласно которой коммерциализация персональных данных не является посягательством на неприкосновенность частной жизни личности при четкой организации условий ее осуществления [4, с. 14].

Еще одной проблемой является предвзятость алгоритмов. Если ИИ обучается на ограниченных или некорректных данных, он может выдавать необъективные результаты анализа. Например, алгоритм может недооценивать достижения педагога из-за отсутствия определенных метрик или учитывать только те параметры, которые заложены разработчиками [5, с. 7].

Опыт Тюменского государственного университета по введению Цифрового профиля преподавателя. В ТюмГУ Приказом ректора Тюменского государственного университета от 08.02.2024 № 53-1 утвержден Порядок реализации проекта «Цифровой профиль научно-педагогических работников» на базе 1С:Документооборот, модуль KPI. В данную систему пока ещё не интегрирован ИИ, но можно уже проследить ряд проблем. Так, при формировании заявки на конкурс на должности профессорско-преподавательского состава при формировании заявки акцент смещён на количественные показатели. Система не проверяет «качество», то есть не проверяет, где именно размещена статья, какова цитируемость журнала, каков личный вклад конкретного преподавателя в ту или иную работу. Также неочевиден приоритет статей по отношению к участию преподавателя в конференциях.

Если для анализа эффективности преподавателей применяются алгоритмы ИИ, то оценка их работы может основываться на данных об успеваемости

¹⁰ PowerSchool data breach possibly exposed student, staff data [Электронный ресурс] // Cybersecurity Dive. 2025. 10 янв. URL: <https://www.cybersecuritydive.com/news/powerschool-data-breach/737024/> (дата обращения: 18.04.2025).

студентов, посещаемости занятий и отзывах учащихся. В ТюмГУ эту задачу выполняет цифровая платформа с интегрированным ИИ «Отзывус», которая автоматически оценивает авторские курсы преподавателей на основе комментариев студентов. Однако субъективность отзывов и их ограниченное количество могут искажать реальную картину, а данные о посещаемости и успеваемости предоставляются самими преподавателями, что также влияет на объективность анализа.

Кроме того, чрезмерная автоматизация процессов может привести к снижению роли человеческого фактора в образовании. Педагогическая деятельность не ограничивается только фактами и цифрами – она включает эмоциональное взаимодействие с учениками и коллегами. Замена человеческого подхода алгоритмами может негативно сказаться на качестве образования.

Таким образом, при внедрении технологий искусственного интеллекта для создания цифрового профиля в образовательных учреждениях важно не только соблюдать законодательство о персональных данных и информировать работников о целях использования таких технологий, но и объяснять принципы их работы, обеспечивая прозрачность, как это предусмотрено, например, Кодексом этики ИИ, грамотно подходить к балансу в оценке тех или иных метрик. Педагоги должны быть информированы о том, как собираются и обрабатываются их данные, а также должны понимать логику решений ИИ и иметь возможность корректировать результаты анализа, а также иметь право отказаться от технологических методов обработки без риска для своей трудовой деятельности.

Формирование цифрового профиля педагогических работников с помощью ИИ открывает новые горизонты для развития образования. Этот процесс позволяет систематизировать данные о профессиональной деятельности учителей, повысить их конкурентоспособность на рынке труда и улучшить качество образовательного процесса. Однако успешное внедрение таких технологий требует комплексного подхода с учетом правовых, технических, организационных и этических аспектов.

Внедрение ИИ для формирования цифрового профиля преподавателей открывает новые возможности для развития образования, но требует баланса между автоматизацией и сохранением человеческого подхода. Важно учитывать не только количественные, но и качественные показатели, обеспечивать прозрачность работы алгоритмов и защищать права педагогов, чтобы технологии действительно способствовали улучшению качества образования.

Список источников

1. Болотова Е.Л. Правовой статус педагога / Е.Л. Болотова // Народное образование. – 2010. – № 1. – С. 152–159.

2. Самарина П.И. Цифровой профиль работника / П.И. Самарина // *Law Afterknown: право за гранью обыденного : материалы III Международного молодежного юридического форума*, г. Тюмень, 16–18 мая 2024 г. / глав. ред. С.С. Зенин ; отв. ред. Л.В. Иванова ; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Тюменский государственный университет, Институт государства и права. – Тюмень : ТюмГУ-Press, 2024. – С. 340–345.

3. Жарова А.К. Вопросы обеспечения безопасности цифрового профиля человека / А.К. Жарова // *Юрист*. – 2020. – № 3. – С. 55–61.

4. Малеева М.Н. Современные тенденции осуществления и защиты личных неимущественных прав граждан / М.Н. Малеева // *Lex Russica*. – 2023. – Т. 76, № 12 (205). – С. 9–20.

5. Смирнова А.И. Предвзятость как проблема алгоритмов ИИ: этические аспекты / А.И. Смирнова // *Философия и общество*. – 2023. – № 3. – С. 118–126.

References

1. Bolotova E.L. Legal Status of the Teacher. *Narodnoe obrazovanie = Public Education*, 2010, no. 1, pp. 152–159. (In Russian).

2. Samarina P.I. Digital Employee Profile. *Law Afterknown: Law beyond the Ordinary. Materials of the III International Youth Legal Forum, Tyumen, May 16–18, 2024*. Tyumen, TyumSU-Press, 2024, pp. 340–345. (In Russian).

3. Zharova A.K. Issues of Ensuring the Security of a Person's Digital Profile. *YUrist = Jurist*, 2020, no. 3, pp. 55–61. (In Russian).

4. Maleeva M.N. Modern Trends in Implementation and Protection of Personal Non-Property rights. *Lex Russica (Russkij zakon) = Lex Russica*, 2023, vol. 76, no. 12 (205), pp. 9–20. (In Russian).

5. Smirnova A.I. Bias as a Problem of AI Algorithms: Ethical Aspects. *Filosofiya i obshchestvo = Philosophy and Society*, 2023, no. 3, pp. 118–126. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Жужгина Александра Андреевна – Zhuzhgina Alexandra Andreevna – ассистент кафедры гражданско- Teaching Assistant of the Chair of Civil правовых дисциплин, аспирант 2 го- Law Disciplines, Postgraduate Student да обучения

Статья поступила в редакцию 05.05.2025; одобрена после рецензирования 07.05.2025; принята к публикации 12.05.2025.

The article was submitted 05.05.2025; approved after reviewing 07.05.2025; accepted for publication 12.05.2025.

Научная статья

УДК 349.3

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.5

Сайфутдинова Венера Максutowна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

venera-svm@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9769-9729>

ЗАЩИТА ТРУДОВЫХ ПРАВ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ РАБОТНИКОВ

Аннотация. Трудовая деятельность педагогического работника определена той ролью, которую он играет в обществе. Это, прежде всего, особое предназначение педагога в жизни общества, проявляющееся в выполнении образовательной, воспитательной, развивающей функций. В процессе осуществления этой деятельности педагог несет повышенные трудовые затраты, физические и психологические нагрузки. Статус педагогического работника всегда вызывает особый научный интерес и в силу специфики правового регулирования, а именно действующих норм, дифференцирующих этот статус, и в силу постоянного изменения содержания и структуры педагогической деятельности, что требует внесения изменений и дополнений в образовательное и трудовое законодательство. При этом традиционные охраняемые и защищаемые трудовые права и законные интересы педагогических работников под влиянием современных информационных технологий и «запросов общества» содержательно расширяются и наполняются новыми функциями педагогического работника, которые также требуют отдельного рассмотрения и соответствующего правового регулирования. Цель: исследование проблем защиты трудовых прав и законных интересов педагогических работников. Методы: системно-структурный, сравнительный, диалектический, формально-юридический. Результаты: автор приходит к выводу, что в современном обществе защита прав педагогических работников содержательно включает в себя разные направления и усложняется как в силу нерешенности традиционных проблем, например, таких как низкий уровень заработной платы, так и появлением новых, таких как влияние информационных технологий и информационного пространства на деятельность педагога.

Ключевые слова: педагогический работник, способы защиты трудовых прав и законных интересов, дистанционные технологии, профсоюзы, право на неприкосновенность частной жизни и достоинство личности, социальные сети, информационное общество

Для цитирования: Сайфутдинова В.М. Защита трудовых прав педагогических работников / В.М. Сайфутдинова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 57–67.

Original article

Saifutdinova Venera Maksutovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
venera-svm@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9769-9729>

THE PROTECTION OF TEACHING STAFF'S LABOUR RIGHTS

Abstract. The teacher's labour activity is determined by the role he plays in society. This is, first of all, the special mission of a teacher in the society life where he serves such functions as educational, instructional and developmental. In the process of carrying out this activity, the teacher has increased labour costs, physical and psychological stress. The status of a pedagogical worker is always of special scientific interest because of the specific legal regulation, namely the current norms that differentiate this status, and due to the constant change in the content and structure of pedagogical activity, it requires changes and additions to educational and labour laws. At the same time, the traditional protected and defended labour rights and legal interests of pedagogical workers under the influence of modern information technologies and 'demands of society' are substantially expanded and filled with new functions of a pedagogical worker, which also require separate consideration and appropriate legal regulation. Purpose: to study the problems of protecting the labour rights and legal interests of teaching staff. Methods: system-structural, comparative, dialectical, formal-legal. Results: the author comes to the conclusion that in modern society, the protection of the teaching staff rights includes different directions and is complicated both due to the unresolved traditional problems, such as low wages, and the emergence of new ones, such as the influence of information technology and the information space on the teacher's activities.

Keywords: teaching staff, ways to protect labour rights and legal interests, remote technologies, trade unions, the right to privacy and personal dignity, social networks, information society

For citation: Saifutdinova V.M. The Protection of Teaching Staff's Labour Rights. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 57–67 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.5.

Статус педагогического работника. Основное нормативное регулирование педагогической деятельности осуществляется как трудовым законодательством, в частности, Трудовой кодекс РФ (далее – ТК РФ)¹ наряду с общими нормами, регулирующими труд работников, содержит нормы, дифференцирующие труд педагогов в главе 52, так и нормами образовательного права, к примеру, Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (далее – Закон об образовании)².

Особое положение педагогического работника проявляется также в легально определенном статусе: им может быть физическое лицо в образовательной организации (педагоги, профессорско-преподавательский состав, научные работники), кроме того, при трудоустройстве к таким лицам предъявляются как общие, так и специальные требования. Также определена номенклатура должностей педагогических работников, определены особенности режима рабочего времени и времени отдыха, включая работу в качестве совместителя, общие и дополнительные основания прекращения трудовых отношений и установлена возможность досрочного выхода на пенсию при наличии соответствующих оснований.

Закон об образовании в п. 1 ст. 47 под правовым статусом педагогического работника понимает совокупность прав и свобод (в том числе академических прав и свобод), трудовых прав, социальных гарантий и компенсаций, ограничений, обязанностей и ответственности, которые установлены законодательством Российской Федерации и законодательством субъектов Российской Федерации, а также дополнительных мер государственной поддержки и социальных гарантий. П. 2 данного закона устанавливает особый статус педагогических работников в обществе в целях соблюдения которого должны создаваться условия для осуществления профессиональной деятельности, для эффективного выполнения профессиональных задач, защищаться права и свободы, предоставляться меры социальной поддержки, направленные на обеспечение их высокого профессионального уровня, повышение социальной значимости, престижа педагогического труда.

Конституционным Судом РФ в Постановлении от 18 июля 2013 года № 19-П³ также подчеркивается особая ответственность педагогических работников, чья профессиональная деятельность связана с реализацией провозгла-

¹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 07.04.2025 г.) // Российская газета. 2001. 31 декабря.

² Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12. 2012 № 273-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 28.02.2025 г.) // Российская газета. 2012. 31 декабря.

³ По делу о проверке конституционности пункта 13 части первой статьи 83, абзаца третьего части второй статьи 331 и статьи 351.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан В.К. Барабаш, А.Н. Бекасова и других и запросом Мурманской областной Думы : Постановление Конституционного Суда РФ от 18.07.2013 № 19-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2014. № 1.

шенного в статье 43 Конституции РФ права каждого на образование и с обеспечением благополучного и защищенного детства как конституционно признаваемой обязанности государства, вытекающей из ее статей 7 (часть 2) и 38 (часть 1). А вопросы защиты детства напрямую связаны и с защитой материнства, отцовства, семьи [1]. И в том числе влияют на содержание семейного благополучия [2]. Между тем, в современном обществе педагоги сталкиваются с серьезными проблемами как при осуществлении трудовых функций, так и при завершении педагогической карьеры. В таких условиях соблюдение и защита трудовых прав и законных интересов педагогических работников требует особого внимания.

По данным опроса НИУ ВШЭ⁴ 76,2% педагогов отметили ухудшение отношения к учителю в обществе, а также ухудшение ситуации с материальным положением, дефицитом времени, трудовой мотивацией и общей удовлетворенностью результатами своего труда. Глубинные причины такой ситуации кроются в низком уровне заработной платы и высокой загруженности не только собственно преподаванием учебных дисциплин, но и иными видами деятельности, в том числе не связанными с учебной, которые педагогам приходится осуществлять в поисках новых источников улучшения материального положения.

В связи с этим рассмотрим некоторые основные права педагогических работников и их защиту.

Право на справедливую оплату труда. Право на оплату труда, справедливую оплату труда – это ключевое право педагогического работника. Данные Информационно-аналитической системы «Индикаторы образования» НИУ ВШЭ показывают, что реальная заработная плата в общеобразовательных организациях с 2020 года имела тенденцию к снижению⁵. В результате непрестижность профессии растет и труд педагога не привлекает молодых специалистов. Это приводит к сохранению высокой доли учителей старшей возрастной группы, так в начале 2023/2024 учебного года учителей старше 60 лет было 15,5% от общего числа лиц, занятых в профессии.

Для защиты этого права педагоги используют разные способы, в том числе судебную защиту своих прав. Показательным явилось дело учителя начальных классов Е.Н. Харюшевой, обнаружившей, что руководство школы включает компенсации за часы переработки в заработную плату, не превышающую минимального размера оплаты труда (МРОТ), тем самым фактически делает их

⁴ Школьное образование в контексте национальных целей и приоритетных проектов : аналитический доклад / Т. А. Мерцалова, С. Г. Косарецкий, К. М. Анчиков и др. М. : НИУ ВШЭ, 2022. 96 с.

⁵ Данные Информационно-аналитической системы «Индикаторы образования» НИУ ВШЭ [Электронный ресурс]. URL: <https://pedagog-prof.org/oplata-truda/samoe-vazhnoe-o-problemah-obrazovaniya-dannye-statistiki/> (дата обращения: 02.03.2025).

доплатой до минимального размера оплаты труда, а значит не оплачивает дополнительную работу. Педагог обратилась в суд, разбирательство дошло до Конституционного суда РФ. Перед обращением в Конституционный суд Е.Н. Харюшевой несколько раз отказывали в выполнении ее требований оплачивать дополнительную работу отдельно. В результате Конституционный Суд РФ⁶ запретил включать плату за переработанные часы в заработные платы учителей с окладом ниже минимального размера оплаты труда, за педагогическую работу, выполняемую работником с его письменного согласия сверх установленной нормы, а также виды работ, связанные с образовательной деятельностью, но не предусмотренные квалификационными характеристиками (классное руководство, проверка письменных работ, заведование учебными кабинетами и т.п.). Так как данные виды работ являются дополнительной работой, оплачиваемой отдельно, и не предполагают включения в состав заработной платы учителя, не превышающей МРОТ.

Безусловно, такое принятое решение в количественном и качественном отношении улучшит положение в сфере оплаты труда школьных педагогов. Однако считаем, что, учитывая особую роль педагогических работников, более справедливым будет увеличение заработной платы до уровня не менее двух размеров МРОТ. Установление такого уровня заработной платы позволит учителям освободиться от нагрузки сверх установленной ставки, а чаще всего это нагрузка в размере полутора ставки и не искать получения дополнительных доходов в виде преподавания в качестве репетитора в свободное от работы время. Все это в совокупности позволит повысить качество образования, уровень подготовленности обучающихся и улучшить положение педагогических работников.

Дистанционные технологии и право на отдых. Право на отдых педагогического работника тесно связано с предоставлением работы, обусловленной трудовым договором. А в современном обществе, когда педагогические работники разрабатывают и применяют в своей работе информационные технологии, в том числе с использованием искусственного интеллекта, объем такой нагрузки увеличивается и сочетается с традиционной работой над требуемой документацией. Таким образом объем выполняемой работы увеличивается, содержание усложняется, а оплата труда остается на прежнем уровне.

Некоторое уменьшение нагрузки педагогических работников школ, детских садов, колледжей, а также классных руководителей и кураторов прогнозируется со вступлением в силу с 1 марта 2025 г. приказа Министерства просвещения РФ от 6 ноября 2024 г. № 779 «Об утверждении перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реали-

⁶ По делу о проверке конституционности статьи 129, частей первой и третьей статьи 133, частей первой – четвертой и одиннадцатой статьи 133.1 Трудового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Е.Н. Харюшевой : Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2024 № 40-П // Российская газета. 2024. 02 октября.

зации основных общеобразовательных программ, образовательных программ среднего профессионального образования»⁷. Приказ принят с целью сокращения количества заполняемой педагогическими работниками отчетной документации и предусматривает установленный перечень такой документации.

В тоже время необходимо говорить не только о защите традиционных трудовых прав и законных интересах работников, но и о правах и интересах складывающихся под влиянием информационных технологий, развития информационного общества.

Как было сказано выше, в системе высшего образования профессорско-преподавательский состав выполняет значительный объем учебно-методической работы, ведь здесь при преподавании учебных дисциплин часто применяются информационные технологии, в том числе переход на дистанционный формат обучения, что значительно увеличивает нагрузку преподавателей. Отметим, что дистанционный формат реализации образовательных программ количественно и качественно более трудоемок.

ТК РФ в ст. 312.1 дает понятие дистанционной работы, к числу признаков которой относятся: исполнение трудовых обязанностей не на территории работодателя и использование информационно-телекоммуникационных сетей общего пользования, в том числе сети Интернет. Работник приобретает статус дистанционного в случае заключения соответствующего трудового договора (дополнительного соглашения) или в исключительных ситуациях в соответствии с локальным нормативным актом.

Е.М. Машукова отмечает, что для выполнения обязанностей, связанных с научно-исследовательской и творческой деятельностью, иных внеучебных видов работ педагогическим работникам не требуется информационно-телекоммуникационного взаимодействия с работодателем, что не позволяет отнести работу рассматриваемых работников к дистанционной [3, с. 45]. Е.М. Машукова предлагает ввести в ТК РФ ст. 103.1, которая будет определять понятие «Работа в дистанционном режиме»: «это выполнение полностью или частично трудовой функции под контролем работодателя вне места его нахождения».

И.Я. Белицкая и Т.Ю. Коршунова считают, что реализация трудовой функции дистанционно не влечет изменения ее содержания, поэтому не является дистанционной, а наиболее приемлемым понятием в данной ситуации будет понятие «выполнение трудовой функции дистанционно», то есть работа, вы-

⁷ Об утверждении перечня документов, подготовка которых осуществляется педагогическими работниками при реализации основных общеобразовательных программ, образовательных программ среднего профессионального образования : Приказ Министерства просвещения РФ от 06.11.2024 № 779 (Зарегистрировано в Минюсте России 04.12.2024 № 80454) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации : сайт. URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 02.03.2025).

полняемая под контролем работодателя, но вне места его нахождения. При этом они считают целесообразным выделить выполнение трудовой функции дистанционно как разновидность режима рабочего времени и ввести в раздел «Рабочее время» наряду со сменной работой, ненормированным рабочим днем и др. [4, с. 22-23].

В.В. Ревина справедливо отмечает, что при традиционном формате обучения нет длительного и непрерывного нахождения педагогического работника за компьютером и предлагает рассмотреть вопрос о дополнении главы 52 ТК РФ самостоятельной статьей, предусматривающей компенсации педагогическим работникам, осуществляющим трудовую деятельность в дистанционном формате. Кроме того, этот автор относит работу в дистанционном формате к работе в условиях, отклоняющихся от нормальных, которая также требует введения дополнительных перерывов при преподавании в дистанционном формате [5, с. 34].

С вышеуказанными позициями можно и нужно согласиться. Действительно, педагогические работники формально дистанционными работниками не признаются, а на практике выполняют достаточно большой объем работы в дистанционном формате. Поэтому вопрос о регулировании выполнения труда в дистанционном формате – это вопрос, требующий обязательного рассмотрения. Работа преподавателя имеет свою специфику, отличающую ее, например, от работы офисного сотрудника, она предполагает сочетание работы компьютерной и учебно-методической, преподавательской с соответствующей энергетической и эмоциональной нагрузкой. Подготовка к такому формату проведения занятий и само его проведение также отличаются дополнительными трудовыми затратами.

Форматы дистанционного обучения могут быть разными: чат-занятия, веб-занятия, онлайн-конференции и т.п. Чаще всего звучит такой формат обучения как онлайн-курс, а саму такую систему получения знаний обозначают как онлайн-образование, развитие которого является важной частью государственной политики в сфере образования. На практике часто онлайн-образование постепенно становится одной из форм заочной формы обучения.

Решением данного вопроса, на наш взгляд, будет введение норм и в Закон об образовании, и в ТК РФ. Так, Закон об образовании целесообразно дополнить отдельным подпунктом в п. 5 ст. 47: «право на выполнение трудовой функции в дистанционном формате в порядке, установленном трудовым законодательством». А в ТК РФ ввести статью 333.1 «Выполнение педагогическим работником трудовой функции в дистанционном формате», в которой указать ключевые признаки такой работы, а именно те, что были указаны выше целям рядом исследователей: дистанционно, под контролем работодателя, но вне места его нахождения с информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети «Интернет», и сетей связи общего пользования. Еще раз подчеркнем, что прямого взаимодействия с работодателем при этом не происходит.

В предложенном варианте статьи также следует урегулировать вопросы о применении по аналогии с нормами ст. 312.6 ТК РФ, устанавливающей обяза-

тельность обеспечения работодателем дистанционного работника необходимыми для выполнения им трудовой функции оборудованием, программно-техническими средствами, средствами защиты информации и иными средствами, либо выплаты компенсации при использовании своего или арендованного оборудования. Вопрос стоит в факте такого обеспечения или выплаты компенсации, в том числе оплаты за интернет-трафик. На практике чаще всего преподаватели проводят занятия в дистанционном формате не в учебном заведении, а из своего жилого или иного помещения. Также возникают вопросы о проблемах с несоответствием жилищных условий педагогов для проведения онлайн-занятий, соблюдении правил охраны труда при проведении таких занятий, увеличении частоты и продолжительности перерывов для отдыха. Отметим, что работа за компьютером в настоящее время исключена как вредный фактор из Санитарно-эпидемиологических правил и нормативов (СанПиН 2.2.2/2.4.1340-03 утратили силу с 1 января 2021 года).

Все вышесказанное связано и с вопросами защиты результатов интеллектуальной собственности, создаваемой работниками образовательных учреждений. А в условиях применения искусственного интеллекта – это также и защита прав на голос, образ и изображение педагогического работника. Искусственный интеллект заменяет постепенно людей там, где это возможно. И хотя на сегодняшний день мы говорим о нехватке педагогических работников, в недалекой перспективе педагогов могут заменить с помощью технологий искусственного интеллекта. Такая практика уже имеется в киноиндустрии и телевизионном вещании, где используются дипфейки телеведущих и известных людей.

Право на досрочную пенсию. В числе наиболее нарушаемых прав педагогических работников числятся и отказы в назначении пенсии по основаниям для ее досрочного назначения, что связано с отказом во включении тех или иных периодов в стаж для назначения пенсионного обеспечения. Условия для установления досрочной страховой пенсии по старости в связи с педагогической деятельностью закреплены в п. 19 п. 1 ст. 30 Федерального закона от 28 декабря 2013 г. 400-ФЗ «О страховых пенсиях»⁸.

Защиту права на пенсионное обеспечение педагогические работники осуществляют как посредством самозащиты, судебной защиты, так и обращаясь в профсоюзные органы. Следует отметить активную и достаточно эффективную роль профсоюзных инспекторов в решении вопросов данной категории. Например, в 2024 г. профсоюзные юристы Башкирской республиканской организации профсоюзов работников образования подготовили более 190 исковых заявлений, апелляций, кассаций и административных жалоб, а также участвовали в шести судебных заседаниях при решении вопросов назначения пенсий и в спорах относительно отнесения педагогов к категории «предпенсионер».

⁸ О страховых пенсиях : Федеральный закон от 28.12.2013 № 400-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 28.02.2025 г.) // Российская газета. 2013. 31 декабря.

Для сравнения в 2023 году было подготовлено свыше 150 исковых заявлений, апелляционных, кассационных и административных жалоб, участвовали в 12 судебных заседаниях.

В частности, для регионов, где кроме установленных ТК РФ федеральных праздников празднуются и такие свои традиционные исторические, национальные, например, как Курбан-байрам, Ураза-байрам, День республики, актуальным становится вопрос о включении этих праздничных дней в стаж для назначения досрочной пенсии педагога. Суммарно с 2002 по 2024 год это насчитывает более двух месяцев. С позиции включения этих дней в стаж, они не должны исключаться при исчислении стажа работы, дающей право на пенсию. Профсоюзные юристы активно отстаивают права на включение таких праздничных дней в стаж⁹: в 2024 году в судебном и досудебном порядке включили в льготный педагогический стаж суммарно по всем выигранным делам 94 года 2 месяца работы.

Проблемными периодами для включения в стаж на практике становятся и такие как включение периодов нахождения на курсах повышения квалификации, в командировках, время простоя, ремонта учреждений, учебные отпуска (заочное обучение), работа с неполной учебной нагрузкой в сельской школе, в том числе на условиях совместительства, отказы в назначении пенсии без выполнения нагрузки по полной ставке и т.п. То есть и в вопросах назначения досрочной пенсии также существуют проблемы с защитой прав педагогических работников.

Таким образом несмотря на то, что педагогические работники имеют значительное количество прав и гарантий в сфере труда и социального обеспечения, остаются нерешенными многие вопросы и проблемы в сфере правового регулирования труда данной категории работников, а также под влиянием развития информационных, дистанционных технологий возникают новые. Представляется, что четкое исполнение действующих норм законодательства и своевременное принятие новых норм, регулирующих постоянно усложняющуюся структуру педагогической работы, являются наиболее действенными способами и механизмами защиты прав педагогов.

Список источников

1. Аминев Ф.Г. Уважаемые читатели! / Ф.Г. Аминев // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 4 (24). – С. 11–12.

⁹ Решение Чекмагушевского межрайонного суда РБ дело № 2-22/2024; Решение Стерлитамакского городского суда РБ № 2-825/2024; Решение Кировского районного суда г. Уфы РБ №2-2651/2024; Решение Нефтекамского городского суда РБ № 2-206/2024; Решение Бирского межрайонного суда РБ № 2-156/2024.

2. Лифанова М.В. Семейное неблагополучие: криминологический анализ / М.В. Лифанова // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1 (21). – С. 77–84.

3. Машукова Е.М. Дистанционный режим труда работников из числа профессорско-преподавательского состава / Е.М. Машукова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2022. – № 4. – С. 42–45.

4. Белицкая И.Я., Коршунова Т.Ю. Хотели как лучше, а получились новые правила дистанционной работы / И.Я. Белицкая, Т.Ю. Коршунова // Трудовое право в России и за рубежом. – 2021. – № 3. – С. 20–23.

5. Ревина В.В. Актуальные проблемы защиты трудовых прав педагогов и пути их решения / В.В. Ревина // Юность и Знания – гарантия Успеха – 2022 : сборник научных статей 9-й Международной молодежной научной конференции, Курск, 15–16 сентября 2022 года : в 3 т. – Курск: Юго-Западный государственный университет, 2022. – Т. 2. – С. 31–35.

References

1. Aminev F. G. Dear Readers! *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 4 (24), pp. 11–12. (In Russian).

2. Lifanova M. V. Family Problems: Criminological Analysis. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 1(21), pp. 77–84. (In Russian).

3. Mashukova E.M. Remote Labour Regime of Faculty Members. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*, 2022, no. 4, pp. 42–45. (In Russian).

4. Belitskaya I.Ya., Korshunova T.Yu. We Wanted the Best but Got New Remote Work Rules. *Trudovoe pravo v Rossii i za rubezhom = Labor Law in Russia and Abroad*, 2021, no. 3, pp. 20–23. (In Russian).

5. Revina V. V. Actual Problems of Protecting Teachers' Labour Rights and Ways to Solve Them. *Youth and Knowledge Is a Success Guarantee – 2022: Collection of Scientific Articles of the 9th International Youth Scientific Conference*. 3 vol., Kursk, September 15-16, 2022. Kursk, Southwestern State University, 2022, pp. 31-35. (In Russian).

Информация об авторе***Сайфутдинова Венера******Максutowна*** – старший преподаватель кафедры экологического и трудового права Института права**Information about the Author*****Saifutdinova Venera Maksutovna*** –***Senior Instructor of the Chair of Environmental and Labour Law, Institute of Law***

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 22.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 22.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО,
СЕМЕЙНОЕ ПРАВО; МЕЖДУНАРОДНОЕ ЧАСТНОЕ ПРАВО

CIVIL LAW; BUSINESS LAW; FAMILY LAW;
PRIVATE INTERNATIONAL LAW

Original article

УДК 341.1/8

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.6

Abadikhah Mostafa

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,

dr.mostafaabadikhah@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3520-9309>

HOW ISLAMIC COMMERCIAL CONTRACTS BRING ISLAM INTO
THE INTERNATIONAL INVESTMENT LAW?

Abstract. Today, international investments have increased using Islamic commercial contracts. These contracts can be divided into five areas, including 1. Contracts based on purchase and sale, 2. Contracts based on partnership, 3. Contracts based on lease, 4. Contracts based on payment, and 5. Other contracts. The thing is that these contracts have brought Islam into the field of international investment law. Purpose: the main purpose of the article is to answer this question, how have Islamic commercial contracts brought Islam into international investment law? Research Methods: In this study, quantitative and qualitative methods have been used to examine how Islamic commercial contracts play role in investment process. Conclusion: In response to the main question, the current article has concluded that Islamic commercial contracts, given their nature, bring Islam into international investment law in three steps: first, in the direction of concluding a contract, second, in line with the using the opinions of international Islamic councils, and third, in connection with the arising international investment disputes.

Keywords: Islamic contracts, Islam, international, investment law

For citation: Abadikhah M. How Islamic Commercial Contracts Bring Islam into the International Investment Law? *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 68–77 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.6.

Научная статья

Абадиха Мостафа

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

dr.mostafaabadikhah@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3520-9309>

КАК ИСЛАМСКИЕ КОММЕРЧЕСКИЕ КОНТРАКТЫ ПРИВНОСЯТ ИСЛАМ В МЕЖДУНАРОДНОЕ ИНВЕСТИЦИОННОЕ ПРАВО?

Аннотация. Сегодня международные инвестиции увеличиваются за счет исламских коммерческих контрактов. Эти контракты можно разделить на пять видов: договоры, основанные на купле–продаже; договоры, основанные на партнерстве; договоры, основанные на аренде; договоры, основанные на платежах и прочие договоры. Следует отметить, что все эти договоры привнесли ислам в сферу международного инвестиционного права. Цель: ответить на вопрос, каким образом исламские коммерческие контракты привносят ислам в международное инвестиционное право. Метод исследования: в статье были использованы количественные и качественные методы для изучения роли исламских коммерческих контрактов в инвестиционном процессе. Выводы: исламские коммерческие контракты, учитывая их природу, привносят ислам в международное инвестиционное право на трех этапах: во-первых, в направлении заключения контракта, во-вторых, в соответствии с использованием мнений международных исламских советов, и, в-третьих, в связи с возникающими международными инвестиционными спорами.

Ключевые слова: исламские контракты, ислам, международное право, инвестиционное право

Для цитирования: Абадиха М. Как исламские коммерческие контракты привносят ислам в международное инвестиционное право? / М. Абадиха. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 68–77.

Introduction. According to the Organization of Islamic Cooperation, there are about 57 Islamic countries in the world today¹. The relations of these states in the international community have shown that today, investors or economic operators of them are paying more attention to Islamic commercial contracts than ever before [1]. This has caused international investment law to connect with Islam today through Islamic commercial contracts [2], including financial and banking contracts. Islamic commercial contracts can be divided into five groups: 1. Contracts based on

¹ Members of Islamic cooperation organization in March 2025 [Electronic resource]. URL: <https://www.oic-oci.org/> (accessed: March 3, 2025).

purchase and sale; 2. Contracts based on partnership; 3. Contracts based on lease; 4. Contracts based on payment; 5. Other contracts.

Muslim and non-Muslim investors use these contracts in an international investment process in an Islamic country due to the usefulness of Islamic commercial contracts in two ways: First, an Islamic commercial contract such as an *Istisna* contract is concluded as the main investment contract between the investor and the host country. Second, Islamic commercial contracts such as *Tawarruq* or *Mudaraba* are concluded in line with a main investment contract². The main point is that Islamic commercial contracts, whether concluded as a main contract or as a secondary contract in line with the main contract, ensure the presence of Sharia rules in the international investment process [3]. In this article, in order to answer the main question of how Islamic contracts introduce Sharia rules into international investment law, there are three hypotheses: 1. When international investors, both Muslim and non-Muslim, refer to Islamic commercial contracts for an international investment, they should conclude these contracts taking into account Sharia principles. 2. If international investors do not pay attention to the rules and principles of Sharia when concluding international commercial contracts, this can undoubtedly lead to international investment disputes. 3. Today, the Islamic world has established Islamic or Sharia councils to reduce future disputes in international economic relations, which can guide investors in concluding accurate commercial contracts based on Sharia principles.

In line with the questions and hypotheses raised, present article consists of five parts: The first part describes the types of Islamic commercial contracts that investors can use in the international investment process. The second part describes the principles of Sharia in two axes: prohibited and permitted ones, which international investors must apply to new Islamic contracts. The third part focuses on the role of Islamic councils in international investment. the fourth part states that if Sharia principles are not taken into account under Islamic contracts, international investment disputes can be raised in international arbitration centers. Finally, the fifth part concludes.

Types of Islamic commercial contracts. International investors can use Islamic commercial contracts within the international investment process in two ways: first, investors conclude Islamic contracts as the main investment contracts and second, sometimes they turn to Islamic investment contracts to advance the main investment contract, such as concluding an Islamic insurance contract (*Takaful*) with an Islamic insurer to guarantee international investment process [4]. The noteworthy point about Islamic contracts is that although Islamic contracts are based on a religious system, non-Muslim investors can also use this Islamic financial and commer-

² Nicholas HD Foster. Islamic Commercial Law: An Overview [Electronic resource]. URL: https://indret.com/wp-content/themes/indret/pdf/384_en.pdf (accessed: March 3, 2025).

cial system [5]. In this section, I will divide these contracts in the following table (see, table 1).

Table 1

Types of Islamic commercial contracts in Investment process
(Source: author's investigation)

Types of Islamic commercial contracts	1. Islamic contracts based on sell and purchase	Murabaha (cost plus) Istisna (construction) Salam (deferral of delivery) Tawarruq (monetization) Urbun (earnest money) Inah (reverse purchase and sale) Sarf (currency exchange)
	2. Islamic contracts based on the partnership	Mudarabah (Profit Sharing) Musharaka (Profit and Loss Sharing)
	3. Islamic contracts based on the lease	Ijara (leasing) Ijara bi shart Tamlik (rent with subsequent sale)
	4. Islamic contracts based on the payment	Wadiya (storage) Wakala (agency)
	5. Other Islamic contracts	Qard (interest-free loan) Kafala (guarantee) Hiba (gift) Ibra' (discount) Mukasa (offset) Rakhnu (pawn shop)

Principles of Shariah under international investment law. International investors should pay attention to the principles of Shariah when concluding Islamic commercial contracts, because Islamic contracts are based on the principles of Shariah [6]. Although these contracts have their own specificities and characteristics, in general, two basic principles are considered by Shariah for all these contracts: first, negative principles and second, positive principles [7]. Negative principles mean principles that international investors should not follow them in concluding Islamic contracts. If an Islamic contract is concluded without paying attention to the negative principles, it will undoubtedly create challenges for the investment process. Positive principles also mean principles that investors should follow in concluding an Islamic contract. I divide these principles in the following table (see, table 2).

Table 2

Common principles within Islamic commercial contracts
(Source: author's investigation)

Common principles in Islamic commercial contracts	Negative principles	Prohibition of Riba (Interest): This is the cornerstone. Instead of receiving fixed interest on loans, Islamic finance uses structures based on profit sharing, rent or other permitted arrangements [8].
		Prohibition of Gharar (undue uncertainty): Contracts must be clear, transparent and free from ambiguity. Excessive uncertainty regarding price, quantity or delivery time is not allowed [9].
		Prohibition of Maysir (speculative activities): Islamic finance prohibits gambling and excessive speculation, focusing on real economic activities and asset-related transactions [10].
	Positive principles	Compliance with Shariah Principles: All financial transactions must be reviewed by the Shariah Supervisory Board to ensure compliance [11].
		Risk Sharing: Islamic finance promotes the sharing of both profits and losses. This contrasts with conventional finance, where the lender generally bears no risk other than the risk of default by the borrower. This leads to a more equitable distribution of wealth and discourages reckless behavior.

Role of Islamic councils in international investment process. Today, Islamic councils play an important role in international economic relations. As I have stated, international investors must conclude Islamic contracts in accordance with the principles of Islamic law, but the point is that in many cases these investors have little or no information about the principles of Sharia. Therefore, to prevent future international disputes, Islamic councils have been established in the international community to guide economic operators or investors in concluding Islamic contracts in corrects framework. Currently, Islamic councils are present in the international community at three levels. The following table shows the different levels of these councils (see, table 3).

Table 3

The levels of International Islamic councils (Source: author's investigation)

International Islamic councils	International level, such as the Islamic Fiqh Academy of the Organization of Islamic Cooperation ³ and the Accounting Organization for Islamic Financial Institutions Shariah Board ⁴ .
	National level, such as the Shariah Advisory Council of the Securities Commission of Malaysia, established in 1993 ⁵ .
	Banking Level – The Shariah Advisory Council of Bank Negara Malaysia was established in May 1997 as the highest Shariah body for Islamic financial institutions in Malaysia ⁶ .

International investors can seek advice from Islamic councils at any stage of the international investment process. The most well-known of these councils are currently the Islamic Fiqh Academy of the Organization of Islamic Cooperation and the Shariah advisory council of Bank Negara Malaysia, which actively advise economic operators, businessmen and international investors.

Islamic commercial contracts and international investment disputes. As I have stated, the strict implementation of Sharia principles in Islamic contracts is very important, and for this reason, Sharia councils play an active role in international investment relations today [12]. However, the lack of attention to Sharia principles can lead to international disputes. As in recent years, with the increasing use of Islamic commercial contracts by international investors and the lack of careful attention to the framework of Sharia principles in these contracts, international investment disputes have been referred to international arbitration centers. I will present four prominent examples that have been raised in recent years in line with Islamic contracts in the table below (see, table 4).

³ The International Islamic Fiqh Academy, 2025 [Electronic resource]. URL: <https://iifa-aifi.org/en> (accessed: March 3, 2025).

⁴ For more information about this organization refer to, URL: <https://www.iasplus.com/en/resources/topics/islamic-accounting> (accessed: March 3, 2025).

⁵ For more information about the council see, URL: <https://www.sc.com.my/development/icm/shariah/members-of-the-shariah-advisory-council> (accessed: March 3, 2025).

⁶ Bank Negara. Summary of The Shariah Advisory Council of Bank Negara Malaysia (SAC) Ruling on Implementation of New Features of Sell and Buy Back Agreement (SBBA), 16 July 2024 [Electronic resource]. URL: <https://www.bnm.gov.my/-/sacbnm-239-mtg-ruling> (accessed: March 3, 2025).

Table 4

International investment disputes based on Islamic commercial contracts
(Source: author's investigation)

International investment disputes	Islamic contract	Parties to dispute	Arbitration centers	Year
	Murabaha Financing Dispute	Middle East Bank v Asian Conglomerate	Dubai International Arbitration Centre (DIAC)	2020
	Sukuk Default Case	Persian Gulf co-operation council Sovereign Wealth Fund v. European Investors	London Court of International Arbitration (LCIA)	2021
	Istiasna Construction Contract	Saudi Arabian developer vs Turkish contractor Arbitration Centre	Saudi Centre for Commercial Arbitration (SCCA)	2022
	Takaful Insurance Dispute	UAE Insured vs. Omani Corporate Client	Abu Dhabi Global Market Arbitration Centre	2023

The common point among these international investment disputes is that they are all based on a lack of attention to Islamic principles. In effect, one party to the investment process has claimed that the other party has not adhered to the principles of Sharia under the relevant commercial contract [13]. In other words, one of the parties has violated the Islamic principles incorporated in the Islamic commercial contract.

Conclusion. Today, the use of Islamic commercial contracts in the international investment process has increased. International investors, especially in Islamic states such as the Arab countries of the Persian Gulf (Saudi Arabia, the United Arab Emirates, Qatar, Kuwait, Oman and Bahrain) or Southeast Asian states such as Malaysia and Indonesia, use Islamic contracts as the main investment contract or a secondary one. In economic and investment relations between the host state and international investors, Islamic contracts bring Islam into international investment law in three common ways. First, when international investors and the host state conclude an Islamic commercial contract. In this regard, the parties to international investment must pay attention to Islamic principles, including negative principles,

namely the prohibition of Riba, the prohibition of Gharar and the prohibition of Maysir, as well as positive principles, namely the compliance of the contract with the dimensions of Sharia and the principle of risk sharing in the investment process. Second, when international investors refer to international Islamic councils to conclude international commercial contracts in correct framework. In fact, international investors want to know how to consider a logical framework based on the Sharia principles for Islamic commercial contracts. In this direction, Islamic councils play a very important role in the international investment process. The third is when the parties to an international investment process have not paid attention to the Islamic dimensions or Sharia principles in the Islamic commercial contract and an investment dispute has arisen. The parties refer this dispute to the dispute resolution centers. In this regard, to resolve the dispute, the arbitrator refers to the Islamic principles to see on what basis a valid Islamic contract is concluded or may also use the opinions of international Islamic councils such as the Academy of Fiqh of the Organization of Islamic Cooperation. Therefore, given the situation, the arbitrator in an international investment dispute also refers to Islamic principles.

References

1. Abadikhah M. Pre-Investment Protection in Connection with Shariah Law under International Investment Law. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 4(78), pp. 202–211. (In English).
2. Abadikha M. Is There Any Contrast between Fair and Equitable Treatment and Public Interests under International Investment Agreements and Investor-State Arbitration? *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2021, no. 4(66), pp. 230–246. (In English).
3. Tareq Moqbel, Habib Ah. Flexibility and Sharī'ah Compliance of Islamic Financial Contracts: An Evaluative Framework. *Arab Law Quarterly*, vol. 35, no. 1–2, pp. 92–115. Available at: https://brill.com/view/journals/alq/35/1-2/article-p92_5.xml (accessed: 03.03.2025). (In English).
4. Abadikhah M. Islamic Insurance and Foreign Investment Process: a Basic Analysis Regarding Takaful Laws of the Arab states of the Persian Gulf. *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, vol.7, no. 4 (24), pp. 11–19. (In English).
5. Layli Nurnayaty. Why Non-Muslims Become Customers of Islamic Banking? *Journal of Studies and Applied Economics*, 2021, vol. 39–12. Available at: <https://ojs.ual.es/ojs/index.php/eea/article/view/6336/5673> (accessed 03.03.2025).

6. Abadikhah M. Mediation as an Amicable Means within the Investor–State Dispute Settlement Clause: A Basic Survey of Russian Bilateral Investment Treaties. *The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no.1, pp.203–213. (In English).

7. Mumtaz Hussain, Asghar Shahmoradi, Rima Turk. An Overview of Islamic Finance. IMF Working Paper, 2015, 35 p. Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/wp/2015/wp15120.pdf> (accessed: 03.03.2025). (In English).

8. Abu Umar Faruq Ahmad. Riba and Islamic Banking. *Journal of Islamic Economics, Banking and Finance*, vol.2, 2015. Available at: https://ibtra.com/pdf/journal/v3_n1_article1.pdf (accessed: 03.03.2025). (In English).

9. Abd–Arahim, A–Saati. The Permissible Gharar (Risk) in Classical Islamic Jurisprudence. *J.KAU: Islamic Economy*, vol. 16, no. 2, pp. 3–19. Available at: https://www.kau.edu.sa/Files/121/Files/68212_162-Al-Saati-5.pdf (accessed:03.03.2025). (In English).

10. Uddin, Md Akther. Principles of Islamic Finance: Prohibition of Riba, Gharar and Maysir. Munich University personal archive, 2015. Available at: https://mpira.ub.uni-muenchen.de/67711/1/MPRA_paper_67711.pdf (accessed: 03.03.2025). (In English).

11. Fitriani Mansur, Afrizal, Achmad Hizazi, Sri Rahayu. Sharia Principle Compliance Model between Islamic Financial Performance and Social Performance Evidence from Indonesia. *International Journal of Recent Technology and Engineering*, 2021, vol.10, no.4, pp.148–153. Available at: <https://www.ijrte.org/wp-content/uploads/papers/v10i4/D65601110421.pdf> (accessed: 03.03.2025). (In English).

12. Mohd Izzat Amsyar Mohd Arif, Ruzian Markom, Faezy Adenan, Suhaizad Saifuddin. Enhancing the Statutory Roles of the Shariah Advisory Council of Bank Negara Malaysia through Technological Advancement: A Way Forward. *The 4th International Conference on Law Reform*, 2024, pp. 928–940. DOI: 10.18502/kss.v8i21.14808. (In English).

13. Elgari M. A. Some Recurring Shariah Violations in Islamic Investment Agreements Used by International Banking Institutions. *Proceedings of the Second Harvard University Forum on Islamic Finance: Islamic Finance into the 21st Century Cambridge, Massachusetts*, 2011. Massachusetts, Center for Middle Eastern Studies, Harvard University, pp.151–154. Available at: <https://ibir-api.hbku.edu.qa/sites/default/files/2019-10/Some-Recurring-Shari%E2%80%98ah-Violations-in-Islamic-Investment-Agreements-Used-by-International-Banking-Institutions.pdf> (accessed: 03.03.2025). (In English).

Information about the Author**Информация об авторе**

Abadikhah Mostafa – PhD in Law, Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law, Institute of Law

Абадиха Мостафа – кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Института права

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 28.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 28.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Научная статья

УДК 347.22

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.7

Аминева Айгуль Юлаевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

aigulbika@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0061-0963>

НЕКОТОРЫЕ ВЕЩНО-ПРАВОВЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ ПРАВ СОСЕДЕЙ

Аннотация. Хотя реформу гражданского законодательства по широко-масштабному внесению изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации считают завершённой, не разрешёнными остались некоторые вопросы, прежде всего в области вещного права, в том числе связанные с определением правовой природы, а также самого понятия термина «соседское право», вопросов защиты прав и интересов соседей. Цель: анализ проблем, связанных с определением видов и особенностей способов вещно-правовой защиты такого специфического института гражданского права как соседское право. Методы: для достижения цели исследования использовалась совокупность общенаучных и частнонаучных методов познания, в их числе: методы сравнения, описания, интерпретации, диалектический, системно-структурный и формально-юридический. Результаты: проведённое исследование позволило определить какие из вещно-правовых способов защиты прав и интересов соседей на сегодняшний день применимы при разрешении споров между соседями. Наиболее распространёнными способами защиты соседских прав являются негативный иск, иск о признании вещного права, а также иск об установлении сервитута. В статье определено, что, поскольку соседские права связаны преимущественно с установлением взаимных обязанностей и запретов на использование имущества одним владельцем в ущерб другому, необходимость истребования имущества из чужого незаконного владения отсутствует.

Ключевые слова: соседское право, негативный иск, иск о признании вещного права, иск об установлении сервитута

Для цитирования: Аминева А.Ю. Некоторые вещно-правовые способы защиты прав соседей / А.Ю. Аминева. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 78–88.

Amineva Aigul Yulaevna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
aigulbika@mail.ru, [https://orcid.org/ 0000-0002-0061-0963](https://orcid.org/0000-0002-0061-0963)

SOME PROPRIETARY METHODS TO PROTECT NEIGHBOURS' RIGHTS

Abstract. Although the reform in civil legislation on amendments to Part One of the Civil Code is considered complete, but some issues remain unresolved, primarily in the area of property law, including those related to the definition of the legal nature, as well as the term “law of neighbouring tenements”, issues of protecting the rights and interests of neighbours. Objective: to analyse the problems related to the types and methods’ definition of property law protection of such a specific civil law institution as law of neighbouring tenements. Methods: we use a set of general scientific and specific scientific methods of cognition, including: methods of comparison, description, interpretation, dialectical, system-structural and formal-legal. Results: the research allowed us to determine which of the property law methods of protecting the rights and interests of neighbours are currently applicable in resolving disputes between neighbours. The most common methods of neighbours' rights protection are a negatory claim, a claim for recognition of a property right, and a claim for the right of an easement. It has been established that, due to the fact that law of neighbouring tenements is, first of all, a restriction of the right of ownership or other right to real estate in favor of neighbours, it is not aimed at reclaiming the property of one neighbour from the illegal possession of another, and a vindicatory claim is not applied.

Keywords: law of neighbouring tenements, negatory claim, claim for property rights recognition, claim for the right of easement

For citation: Amineva A.Yu. Some Proprietary Methods to Protect Neighbours' Rights. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 78–88 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.7.

Хотя бурное обсуждение необходимости реформирования раздела о вещном праве в гражданском кодексе не привело к внесению соответствующих изменений в его содержание, все же необходимо отметить необходимость осмысления такого института гражданского права как соседское право. Анализ современного состояния цивилистической науки и правоприменительной практики, позволил определить соседские права как ограничения права владения недвижимым имуществом (земельные участки, а также жилые и нежилые помещения) в пользу определенных лиц – соседей [1, с. 67].

Необходимо отметить, что добрососедские отношения представляют собой уважительное, взаимопомогающее общение соседей, которое направлено на создание комфортной среды проживания, нарушение которой является основанием применения пострадавшей стороной различных гражданско-правовых способов защиты [2, с. 230].

Исходя из юридической природы способы защиты нарушенного права можно поделить на вещно-правовые, направленные на восстановление права господства над вещью управомоченного лица, и обязательственно-правовые, направленные на обязывание должника действовать определенным образом. Вещно-правовые способы защиты – это методы, используемые для восстановления нарушенных прав собственности и защиты интересов владельцев ограниченных вещных прав на имущество.

К наиболее значимым признакам вещно-правовых способов защиты можно отнести, во-первых, абсолютность защиты, предполагающей ее осуществление против любого нарушителя, независимо от наличия отношений обязательственного характера, во-вторых, ее независимость от обязательственных отношений между участниками спора, в-третьих, специфичность объекта воздействия (объектом требования становится сама вещь, а не поведение контрагента).

К основным видам вещно-правовых способов защиты относятся негаторный и виндикационные иски, иск о признании права собственности, иск о выселении, об освобождении имущества от ареста (исключении из описи), иск о признании права или обременения отсутствующими и другие.

Виндикационный иск – это право истца на восстановление своего права собственности на имущество, которое находится во владении ответчика. Применяется в случаях, когда истец является законным владельцем объекта, а ответчик удерживает этот объект без законных оснований. Однако в ситуациях, связанных с защитой соседских прав, суть которых сводится к ограничению правомочий владельцев соседней недвижимости, виндикационный иск, как правило, не применим [1, с. 65–70].

Одним из наиболее распространенных способов защиты прав соседей, обеспечивающий баланс их интересов, является негаторный иск. Этот способ защиты направлен на предотвращение действий, которые препятствуют законному осуществлению права использования собственности или иного права по пользованию вещью [3, с. 337; 4, с. 51], когда недвижимость в результате действий ответчика перестает приносить ту пользу, которую бы извлек ее владелец, если бы его право не было нарушено (данный признак в научной литературе именуется «предельная полезность») [5, с. 36].

Негаторный иск, как уже было упомянуто, направлен на устранение препятствий, которые мешают собственнику фактически пользоваться своей недвижимостью и восстановление первоначального положения, существующего до нарушения прав [6, с. 81].

Для более полной характеристики негаторного иска необходимо рассмотреть его структуру, которую составляют стороны, предмет и основание иска.

Истцами по данному иску могут быть лица, имеющие по соседству другую недвижимость, владельцы которой (ответчики) препятствуют соседям в нормальном пользовании и распоряжении принадлежащей истцу вещью. В случаях, когда необходимо защищать публичный интерес или интерес неопределенного круга лиц, может быть подан иск о запрещении деятельности, предусмотренный статьей 1065 Гражданского кодекса РФ [6, с. 74].

Предметом негаторного иска является требование по защите прав истца через устранение длящихся нарушений прав по владению и пользованию недвижимым имуществом [7, с. 125–126].

Рассмотрим подробнее обстоятельства, составляющие основание такого иска. Юридическим обоснованием негаторного иска является наличие у истца законного титула на объект недвижимости. Основной чертой негаторного иска является отсутствие спора о праве собственности или иное законное владение на объект недвижимости, которые подтверждаются различными видами документов (свидетельство о праве собственности, договор купли-продажи, акт приема-передачи, нотариально удостоверенные договоры аренды, субаренды, залога, безвозмездного пользования, судебное решение о признании права собственности) [7, с. 125].

Фактическими обстоятельствами являются конкретные ситуации нарушения права владения и пользования объектом недвижимости третьими лицами. Эти нарушения могут выражаться в форме действия (например, в случаях незаконного строительства сооружений на земельном участке, установка ограждений, мешающих доступу к участку, захламления территории участка посторонними предметами, использования объекта без согласия собственника, создание препятствий к использованию объектов общего назначения, нарушения правил пожарной безопасности, санитарии и гигиены, градостроительных регламентов) либо бездействия (например, игнорирование требований восстановить прежнее состояние имущества).

При рассмотрении вопроса о допустимости различных форм нарушений следует учитывать следующее утверждение Т.П. Подшивалова: он подчеркивает, что первоначально возникающим нарушением считаются именно активные действия третьих лиц, тогда как последующее бездействие в виде отказа добровольно исправить ситуацию лишь усугубляет последствия первоначального неправомерного акта [8, с. 89]. Однако, когда лицо не производит текущего ремонта своего жилого помещения, например, труб отопления, которые в результате износа пропускают воду, речь идет о бездействии, которое должно быть пресечено.

Противоправность действия ответчика означает не только нарушение законодательных предписаний, но и принципов гражданского права.

Так П.А.Зелюка [9, с. 23], А.Н. Гув [10, с. 313] пишут о недопустимости предъявления негаторного иска при создании препятствий в осуществлении правомочий собственника правомерными действиями, но необходимо отметить, что даже в этом случае данные действия нередко сопряжены со злоупотреблением правом [11]. То есть в данном случае основным условием является само субъективное отношение и реакция на них со стороны управомоченного лица (собственника, титульного владельца) [12]. Так, имеется судебное решение по иску ООО к ответчику о пресечении действий, не носящих характер правонарушений, но выходящих за пределы разумности и добросовестности. Так, из материалов дела следует, что истец является собственником помещения на 4-м этаже здания. Ответчик владеет нижними этажами, центральным входом в здание и препятствует доступу истца в принадлежащее ему помещение на 4-м этаже. Иск ООО в кассационной инстанции был удовлетворен частично¹.

Цивилистическая наука и судебная практика² исходят из того, что при рассмотрении негаторного иска наличие или отсутствие вины нарушителя значения не имеет [13, с. 187].

Нарушение прав пользования при негаторном иске имеет длящийся характер, которое на момент рассмотрения иска в суде действие не прекращено. По ст. 208 ГК РФ на негаторный иск не распространяются сроки исковой давности³.

Также нарушения прав соседей могут выражаться как в виде реальных действий, так и в виде угрозы их наступления⁴, но оно не должно быть связано с лишением владения, так как в этом случае имеет место быть виндикационный иск, одновременное применение которого с негаторным иском недопустимо.

Необходимо отметить, что в случае негаторного иска нарушение должно затрагивать право на вещь непосредственно, а не косвенно. Так, в судебной практике имеется случай, когда нахождение объекта незавершенного строи-

¹ Постановлении ФАС Уральского округа от 15 октября 2000 г. № Ф09-1693/2000-ГК [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/9292037/#ixzz6y2lYoc4J> (дата обращения: 17.05.2025).

² Черепановский районный суд Новосибирской области от 24 сентября 2020 г. по делу № 2-537/2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/DlaWBNEmu3V8/> (дата обращения: 17.05.2025).

³ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав : Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10, Пленума ВАС РФ № 22 от 29.04.2010 (ред. от 23.06.2015) [Электронный ресурс] // Верховный Суд РФ : сайт. URL: <https://www.vsrp.ru/documents/arbitration/18415/?ysclid=l1x43xc0rt> (дата обращения: 17.05.2025).

⁴ Обзор судебной практики по некоторым вопросам защиты прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения : Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 15.01.2013 № 153 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 17.05.2025).

тельства в непосредственной близости от бытового корпуса истца стало причиной обращения предпринимателя в арбитражный суд с иском. По мнению истца, обеспечение правил противопожарной безопасности может быть осуществлено только посредством сноса строения, расположенного на земельном участке ответчика. Однако суд кассационной инстанции указал, что близкое расположение зданий, причиняющее неудобства истцу в отношении его вещи, еще не свидетельствует о негативном правонарушении. Нарушение должно затрагивать право на вещь непосредственно, а не косвенно⁵.

Еще одним инструментом (способом) защиты соседских прав, позволяющим урегулировать отношения между владельцами смежных земельных участков и избежать конфликтов является институт сервитута [14, с. 80], который может быть установлен для обеспечения прохода или проезда через соседний участок, прокладки коммуникаций, обеспечения водоснабжения и других нужд, без которых невозможно полноценное использование своего участка. Установление сервитута является компромиссным решением, позволяющим соблюсти баланс интересов соседствующих владельцев недвижимости.

Однако следует отметить, что сервитут должен быть установлен таким образом, чтобы он был наименее обременительным для собственника обремененного участка⁶. Условия сервитута, включая его срок действия, размер платы за пользование и другие существенные условия, должны быть четко определены и зафиксированы в соглашении об установлении сервитутов между сторонами или в решении суда. Но в настоящее время частные земельные сервитуты, устанавливаемые на основе заключения гражданско-правовых договоров, не получили широкого распространения на практике, что связано прежде всего с их недостаточным правовым регулированием.

В настоящее время актуальной проблемой является вопрос соотношения негативного иска и иска об установлении сервитута. Системный анализ норм гражданского кодекса, а также практика применения этих норм в судебных разбирательствах позволяют определить, что негативное требование может быть заявлено не только собственником вещи, но и обладателем ограниченного вещного права, в том числе сервитута. В данном контексте примечательным

⁵ Апелляционное определение Нижегородского областного суда по делу № 33-5284/2017 [Электронный ресурс]. URL: http://oblsudnn.ru/index.php/sud_delo/?G_V=3&G_case=3&H_link=33-5284/2017 (дата обращения: 17.05.2025).

⁶ Решение Нижегородского областного суда по делу № 33-4903/2015 [Электронный ресурс]. URL: http://oblsudnn.ru/index.php/sud_delo/?G_V=3&G_case=3&H_link=33-4903/2015 (дата обращения: 17.05.2025); Решение Алексеевский районный суд (Белгородская область) от 4 мая 2017 г. по делу № 2-172/2017 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/Rt3MgY1q1wJs/> (дата обращения: 17.05.2025).

является дело, рассматриваемое в п. 4 Информационного письма № 153 Президиума ВАС РФ. Здесь речь идет о ситуации, когда владелец сервитута не мог воспользоваться своим правом на проезд из-за установки шлагбаума арендатором земельного участка. Арендатор в этом случае сослался на то, что он не является собственником земли, и, следовательно, истец не может предъявить к нему негаторное требование. Тем не менее, Президиум ВАС РФ указал на необходимость защиты ограниченных вещных прав, включая сервитут, в соответствии с п. 4 ст. 216 Гражданского кодекса РФ. Это позволяет нам заключить, что защита прав сервитутария осуществляется не только через установление сервитута, но и через негаторный иск.

Ф.О. Богатырев пишет о том, что особую группу составляют иски об установлении границ между земельными участками, об устройстве межевых знаков. Иски об установлении границ и (или) об устройстве межевых знаков направлены на внесение определенности в пространственных пределах права, поэтому эти требования по своей природе близки к иску о признании права [15, с. 223–259].

Еще одним инструментом для защиты прав и законных интересов владельцев недвижимости в контексте соседских правоотношений является иск о признании права собственности или иного вещного права (сервитут, право пожизненного наследуемого владения и другие). Он позволяет устранить неопределенность в правовом статусе имущества, что особенно актуально в ситуациях, когда возникают споры о границах земельных участков, праве прохода или проезда, а также иных сервитутах. Судебное решение по иску о признании права собственности является основанием для внесения соответствующих изменений в Единый государственный реестр недвижимости (ЕГРН), что обеспечивает публичность и достоверность информации о правах на недвижимое имущество. Однако, необходимо отметить, что в российском Гражданском кодексе не предусмотрены четкие правила, регулирующие исковые требования о признании прав. Сложности усугубляются тем, что в цивилистике не имеет единого толкования само понятие «признание», что затрудняет правоприменение, поскольку суды могут расходиться в интерпретации норм и подходов к подобным делам.

К основаниям для подачи данного иска относятся, во-первых, нарушение прав, например, когда истец может утверждать, что ответчик нарушает его право на какое-либо имущество, например, путем самовольной постройки на общих границах или чрезмерного использования общих земель, во-вторых, оспаривание прав, когда ответчик может оспаривать существующие права истца, что, в свою очередь, подтолкнет последнего к обращению в суд с целью подтвердить свои правовые основания, в-третьих, неопределенность юридического статуса в случае, когда юридический статус недвижимости неясен для обеих

сторон, истец может обратиться в суд для получения официального решения о принадлежности прав.

К особенностям данного иска можно отнести следующее:

– предметом иска о признании вещного права является требование истца к ответчику о подтверждении существования у него определенного вещного права на конкретное имущество. В отличие от виндикационного или негаторного исков, иск о признании права не направлен на истребование имущества из чужого незаконного владения или на устранение препятствий в пользовании имуществом, а исключительно на констатацию факта принадлежности вещного права истцу;

– наличие договорных отношений между сторонами соседского правоотношения не является обязательным условием для подачи подобного иска;

– ответчиками по иску о признании вещного права могут выступать лица, оспаривающие права истца, а также государственные органы или органы местного самоуправления, не признающие или не регистрирующие право истца;

– данный иск может применяться только в тех случаях, когда истец владеет спорной вещью;

– на данный иск не распространяется действие исковой давности;

– данный собой способ защиты реализуется только в юрисдикционной форме, поскольку его применение подразумевает наличие спора, для разрешения которого необходимо вынесение судебного решения [16, с. 18–19].

Основанием данного иска являются обстоятельства, подтверждающие фактическое владение и пользование недвижимым имуществом. Истец должен представить доказательства того, что он фактически владеет спорным объектом, несет бремя его содержания, оплачивает коммунальные платежи, производит ремонт и т.д. (в виде квитанций об оплате, договоров с подрядчиками, свидетельских показаний и других документов). При этом в случаях, когда не представляется возможным разрешить дело на основании собранных по делу доказательств, суд может применить принцип презумпции законности фактического владения и вынести на основании этого соответствующее решение [17, с. 211].

Таким образом, защита соседских правоотношений основывается главным образом на негаторных исках, исках о признании вещных прав и установлении сервитутов, исключая применение виндикационных требований ввиду особенностей института соседского права.

Список источников

1. Аминева А.Ю. Понятие, принципы и способы защиты соседского права / А.Ю. Аминева // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2025. – № 2 (281). – С. 65–80.

2. Аминев Ф.Г. Проблемы использования специальных знаний в защите прав и законных интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность / Ф.Г. Аминев // Вестник КГУ. – 2018. – № 1. – С. 230–233.

3. Тихомирова Ю.В. Негаторный иск как способ защиты права собственности на недвижимое имущество / Ю.В. Тихомирова // Молодой ученый. – 2020. – № 49 (339). – С. 337–338.

4. Леонова Е.С. Защита прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения / Е.С. Леонова // Центральный научный вестник. – 2018. – Т. 3, № 13 (54). – С. 51–53.

5. Аминев Ф.Г. О некоторых вопросах экспертного исследования готовности и стоимости проектной документации строительных объектов / Ф.Г. Аминев, С.А. Замятин. – DOI /10.30764/1819-2785-2024-2-31-39 // Теория и практика судебной экспертизы. – 2024. – 19(2). – С. 31–39.

6. Переладов А.В. Неправильный мёд соседского права / А.В. Переладов, А.А. Личман. – DOI 10.21603/2542-1840-2020-4-1-78-87 // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2020. – Т. 4, № 1. – С. 78–87.

7. Аминева А.Ю. Негаторный иск как способ защиты соседского права / А.Ю. Аминева // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. – 2022. – № 1 (58). – С. 123–127.

8. Подшивалов Т.П. Негаторный иск: сущность и элементный состав / Т.П. Подшивалов // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия Право, Вып. 18. – 2009. – № 19 (152). – С. 87–91.

9. Зелюка П.А. Пределы осуществления и защита субъективного права пользования объектами недвижимости : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / П.А. Зелюка. – Краснодар, 2011. – 28 с.

10. Гув А.Н. Гражданское право : учебник в 3 т. Т. 1 / А.Н. Гув. – Москва : ИНФРА-М, 2003. – 457 с.

11. Хаян А.В. Защита прав собственника от нарушений, не связанных с лишением владения : автореф. дис. ...канд. юрид наук : 12.00.03/ А.В. Хаян. – Саратов, 1974. – 20 с.

12. Макаренко А.А. К вопросу о негаторном иске как способе защиты имущественных прав / А.А. Макаренко, Е.А. Зайцева, А.А. Шумских // Перспективы развития институтов права и государства : сборник научных трудов 3-й Международной научной конференции, 15 мая 2020 г. / отв. ред. А.А. Горохов. – Курск, 2020. – С. 124–128.

13. Скловский К.И. Применение законодательства о собственности: трудные вопросы / К.И. Скловский. – Москва : Статут, 2016. – 205 с.

14. Шубин Ю.П. Разрешение земельных споров, вытекающих из отношений соседского права / Ю.П. Шубин // Алтайский вестник государственной и муниципальной службы. – 2012. – № 8. – С. 78–81.

15. Право собственности: актуальные проблемы : монография / ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – Москва : Статут, 2008. – 738 с.

16. Аминева А.Ю. Иск о признании вещного права при защите соседских прав / А.Ю. Аминева // Современные проблемы и перспективы развития частноправового и публичноправового регулирования : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, посвященной 20-летию кафедры гражданского права Института права Башкирского государственного университета, Уфа, 22 апреля 2022 г. / отв. ред. Е.В. Ахтямова. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2022. – С. 18–21.

17. Ворошилова Г.Г. Иск о признании права собственности как способ защиты права собственности / Г.Г. Ворошилова // Власть Закона. – 2016. – № 4 (28). – С. 208–214.

References

1. Amineva A.Yu. Concept, Principles and Methods of Protection Neighbours Rights. *Imushchestvennyye otnosheniya v Rossiyskoy Federatsii = Property Relations in the Russian Federation*, 2025, no. 2 (281), pp. 65–80. (In Russian).

2. Aminev F.G. Problems of Use of Special Knowledge in Protection of the Rights and Legitimate Interests of Persons which Carry out an Entrepreneurial Activity. *Vestnik KGU= Bulletin of KSU*, 2018, no. 1, pp. 230–233. (In Russian).

3. Tikhomirova Yu.V. Negatory Claim as a Way to Protect the Title to Real Property. *Molodoy uchenyy = Young scientist*, 2020, no. 49 (339), pp. 337–338. (In Russian).

4. Leonova E.S. Protection of Owner`s Rights Violations not Related to Trespass. *Tsentral'nyy nauchnyy vestnik = Central Science Bulletin*, 2018, vol. 3, no. 13 (54), pp. 51–53. (In Russian).

5. Aminev F.G., Zamyatin S.A. On Some Issues of an Expert Study of the Readiness and Cost of Design Documentation for Construction Projects. *Teoria i praktika sudebnoj ekspertizy = Theory and Practice of Forensic Science*, 2024, no. 19 (2), pp. 31–39. DOI /10.30764/1819-2785-2024-2-31-39. (In Russian).

6. Pereladov A.V., Lichman A.A. The Law of Neighbouring Tenements: "the Wrong Sort of Honey". *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences*, 2020, vol. 4, no. 1, pp. 78–87. DOI 10.21603/2542-1840-2020-4-1-78-87. (In Russian).

7. Amineva A.Yu. Harm Prevention Claims in Protection of Neighborhood Rights. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 1 (58), pp. 123–127. (In Russian).

8. Podshivalov T.P. Negatory Claim: Essence and Elemental Composition. *Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the South Ural State University. Series. Law*. 2009, no. 19 (152), pp. 87–91. (In Russian).

9. Zelyuka P.A. Limits of Implementation and Protection of the Subjective Right to Use Real Estate. *Cand. Diss. Thesis*. Krasnodar, 2011. 28 p. (In Russian).
10. Guev A.N. Civil Law. In 3 vols. Moscow, INFRA-M, 2003, vol. 1. 457 p. (In Russian).
11. Khayanyan A.V. Protection of the Owner's Rights from Violations not Related to Deprivation of Possession. *Cand. Diss. Thesis*. Saratov, 1974. 20 p. (In Russian).
12. Makarenko A.A., Zaitseva E.A., Shumskikh A.A. On the Issue of a Negative Action as a Way to Protect Property Rights. *Prospects for the Development of Legal and State Institution. Collection of Scientific Papers of the III International Scientific Conference, Kursk, May 15, 2020*. Kursk, 2020, pp. 124–128. (In Russian).
13. Sklovsky K.I. Application of Property Legislation: Difficult Questions. Moscow, Statute, 2016. 205 p. (In Russian).
14. Shubin Yu.P. Resolution of Land Disputes Arising from Law of Neighbouring Tenements' Relations. *Altayskiy vestnik gosudarstvennoy i munitsipal'noy sluzhby = Altai Bulletin of the State and Municipal Service*, 2012, no. 8, pp. 78–81. (In Russian).
15. Litovkin V.N., Sukhanov E.A., Chubarov V.V. (eds.). Property Rights: Current Issues: Monograph. Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Statut, 2008. 738 p. (In Russian).
16. Amineva A.Yu. Claim for Recognition of Property Rights in the Protection of Neighboring Rights. *Modern Problems and Prospects for the Development of Private and Public Law Regulation. Collection of Materials from the V International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 20th Anniversary of the Department of Civil Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Ufa, April 22, 2022*. Ufa, 2022, pp. 18–20. (In Russian).
17. Voroshilova G.G. Claim for Recognition of Property Rights as a Way to Protection of Property Rights. *Vlast' Zakona = The Rule of Law*, 2016, no. 4 (28), pp. 208–214. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Аmineva Айгуль Юлаевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Института права

Amineva Aigul Yulaevna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair Civil Law, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 07.06.2025; принята к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 07.06.2025; accepted for publication 18.06.2025.

Научная статья

УДК 342.9; 342.7; 323.21

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.8

Мышко Федор Георгиевич

Государственный университет управления, Москва, Россия,

fg_myshko@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7578-7707>

Титор Светлана Евгеньевна

Государственный университет управления, Москва, Россия,

setitor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5930-9972>

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ, ПРАВОВОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ, КРИТЕРИИ ОЦЕНКИ

Аннотация. Указ Президента РФ, определивший политику защиты духовно-нравственных ценностей, побудил научное сообщество к дискуссии о понятиях «защита», «защищенность» и «безопасность», «духовная» и «духовно-нравственная безопасность». Цель настоящего исследования заключается в установлении схожести и различий этих понятий, а также в формировании понятия «духовно-нравственная безопасность». Авторами сформулирован вывод о том, что любая защита должна иметь логическое завершение, которое определяется понятиями «защищённость» или «безопасность». Логичным становится вывод о необходимости введения в правовой оборот термина «духовно-нравственная безопасность». В работе проанализированы имеющиеся научные труды по рассматриваемой и близкой тематике, проведен сравнительный анализ понятийного аппарата, представленного другими исследователями. Авторы разграничивают понятия «духовная» и «духовно-нравственная» безопасность. По результатам исследования сформулировано авторское понятие «духовно-нравственной безопасности». Авторами определена сущность духовно-нравственной безопасности, а также методология ее достижения. Объектом духовно-нравственной безопасности авторами определено массовое сознание как совокупность духовно-нравственных оценок и идеалов, которая характеризует его как сплоченное общество. В исследовании также предлагается авторское понимание критериев оценки духовно-нравственной безопасности, а также принципы ее достижения.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности, духовно-нравственная безопасность, духовная безопасность, безопасность, угрозы, принципы, критерии оценки

Для цитирования: Мышко Ф.Г. Духовно-нравственная безопасность в Российской Федерации: понятие, правовое обеспечение, критерии оценки / Ф.Г. Мышко, С.Е. Титор. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 89–103.

Original article

Myshko Fedor Georgievich

State University of Management, Moscow, Russia,
fg_myshko@guu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7578-7707>

Titor Svetlana Evgenievna

State University of Management, Moscow, Russia,
setitor@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5930-9972>

SPIRITUAL AND MORAL SECURITY IN THE RUSSIAN FEDERATION: CONCEPT, LEGAL SUPPORT, CRITERIA

Abstract. The Russian Federation Presidential Decree that defined the policy of spiritual and moral values' protection prompted the scientific community to discuss such concepts as 'protection', 'security' and 'safety', 'spiritual' and 'spiritual and moral security'. The purpose of this study is to establish the similarities and the differences between these concepts, as well as to form the concept of 'spiritual and moral security'. The authors conclude that it is necessary to introduce the term 'spiritual and moral security' into the legal turnover. The paper analyses the available scientific works on the similar topics and a comparative analysis of the conceptual apparatus presented by other researchers is made. The authors distinguish the concepts of 'spiritual' and 'spiritual and moral' security. According to the results of the study, the concept of "spiritual and moral security" is formulated. The essence of the spiritual and moral security, as well as the methodology of its achievement is defined. The authors also define the object of spiritual and moral security as mass consciousness as a set of spiritual and moral assessments and ideals, which characterises it as a cohesive society. The study also offers the authors' understanding of the criteria for assessing spiritual and moral security, as well as the principles of its achievement.

Keywords: spiritual and moral values, spiritual and moral security, spiritual security, security, threats, principles, criteria

For citation: Myshko F.G., Titor S.E. Spiritual and Moral Security in the Russian Federation: Concept, Legal Support, Criteria. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 89–103 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.8.

Введение. Постановка проблемы, анализ ситуации. В последние годы появилось понимание, что экономические и социально-политические кризисы сопровождаются, как правило, духовным кризисом – отсутствием понимания в обществе основных ценностей. Такой кризис, например, испытывала Россия при развале СССР. Современный наступивший социокультурный кризис, связанный, например, с распространением идей нацизма, ЛГБТ и других чуждых общепринятым морали и нравственности явлений, требует осознания обществом, политиками, социологами и, в целом, государством проблем духовно-нравственной безопасности. В мировом сообществе нарастает проблема духовной конкуренции, которая выражается в открытом или латентном соперничестве национальных культур и менталитетов, в противостоянии наций на уровне их ментальности. Духовная конкурентность обусловлена в современном мире желанием обрести большую долю материальных благ. Духовная дезориентация соперника позволяет повлиять на сознание и, как следствие, использовать в своих целях природные и экономические ресурсы. Важным в этой связи является сохранение национальной духовной культуры. Специалисты указывают, что там, где финансовая выгода является приоритетной ценностью, появляются двойные стандарты общественных взаимоотношений, теряется главное – духовность [1, с. 110]. Одна из причин кризиса национального самосознания заключается в том, что разрушенная система «советских» ценностей длительное время никакими идеологиями не была заполнена. В обществе появился духовный нигилизм. Опасность заключается в том, что в российском обществе на грани уничтожения находятся нравственные основы. После развала СССР миллионы русскоговорящих граждан остались на территории других государств [2, с. 212], где они оказались оторванными от общероссийских духовно-нравственных ценностей, и Россия практически не контролирует и не может повлиять на их духовное развитие. Специалисты наблюдают влияние массовых культур стран Запада, США на ментальность народов России, активную экспансию чуждых культур на территорию нашей страны [2, с. 212].

Сохранение духовно-нравственной стабильности имеет не только общероссийский, но и «геостратегический» характер. В этой связи следует определить, что российское духовное пространство не может ограничиваться только границами государства. Это более широкие территории, которые населяют группы людей, имеющие и поддерживающие российские духовно-нравственные ценности: общая история, культура, религиозные и национальные ценности. В состав так называемого «русского мира», т.е. исторически и культурно сложившейся общности людей, имеющих единые ментальные взгляды, специалисты включают не только Россию, но и территории, где проживает русскоговорящее население (бывшие республики СССР), а также русскоговорящие из дальнего зарубежья (соотечественники) [2, с. 212].

Как отмечал Цицерон М.Т., всякому живому существу присуще природное чувство стремления к защите [3, с. 10]. В связи с принятием Президентом РФ основных направлений государственной политики, направленной на сохранение и укрепление духовно-нравственных ценностей¹, в литературе активизировалось обсуждение вопросов защиты традиционных российских ценностей. Возникает вопрос – что же такое «защита традиционных ценностей»? Для защиты характерны качественные или количественные характеристики: менее защищен или более защищен. Соответственно, должны быть определены какие-то стандарты, нормы, уровни защищенности или безопасности.

В исследовании изучены такие фундаментальные труды о духовной безопасности, как:

– «О Концепции обеспечения духовной безопасности Российской Федерации», автора Тонконогова А.В.;

– «Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения», автора Беспаленко П.Н.;

– «Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России», коллектива авторов: Данилюк А.Я., Кондаков А.М., Тишков В.А.;

– «Духовная безопасность личности в современном Российской обществе», автора Кравцова Д.Н.

В указанных работах понятия «духовная безопасность», «духовно-нравственное развитие» исследуются в определенном ракурсе: в системе национальной безопасности или в качестве безопасности личности [4, с. 6]. Встречаются работы, где исследователи обосновывают необходимость введения понятия «духовно-нравственная безопасность», но не дают ее определение [5, с. 57]. В настоящем исследовании духовно-нравственная безопасность исследована как дефиниция в широком ее понимании.

Основная часть. Понятие духовно-нравственной безопасности. Обратимся за разрешением этого вопроса к толковым словарям. Под защитой понимается процесс, совокупность действий, средств и приемов, ограждающих объект от опасности²; или совокупность действий, обеспечивающих уменьшение или устранение причин, угрожающих целостности объекта³; или сознательная или бессознательная деятельность человека, направленная на сохранение его жизни или обеспечивающая внутри психическое состояние сохран-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Электронные словари русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://herzena.ru/index.php/words/show/6250> (дата обращения: 28.11.2024).

³ Инсай – вертикальное развитие [Электронный ресурс]. URL: <https://www.insai.ru/slovar/zashchita-0> (дата обращения: 28.11.2024).

ности⁴. Защита как процесс должна иметь какую-либо завершенность. И такой можно считать ступени защищенности. Защищенность предлагается понимать в зависимости от свойства или состояния объекта, к которому это понятие применяется: правовая защищенность, техническая защищенность и т.д.⁵ Защищенность еще понимают как определенный, заранее заданный уровень безопасности⁶, т.е. через дефиницию «безопасности» защищенность понимается как состояние надежной безопасности⁷. Специалисты полагают, что понятие «защищенность» не обладает четким, конкретным содержанием [6, с. 26].

Понимание безопасности вытекает из смыслового слова опасность. Опасность – это угроза причинения вреда с проявлением страха к этому вреду. Когда нет таких угроз, то есть отсутствует опасность, то наступает безмятежный покой, чувство защищенности, чувство радости и веселья⁸.

До 2011 года действующее законодательство о безопасности причисляло к объектам безопасности духовные ценности (ст. 1 Закона о безопасности⁹). Принятый в декабре 2010 года новый закон о безопасности¹⁰ такую формулировку утратил. Под безопасностью в целом понимается «защищенность жизненно важных интересов человека, общества и государства от внутренних и внешних угроз»¹¹, так определял закон о безопасности 1992 г.

Понятие «безопасность» по-разному трактуется в действующем законодательстве [7, с. 361]:

– через объект безопасности, например, в законах о промышленной безопасности¹², о безопасности гидротехнической¹³;

⁴ Wordhelp.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://wordhelp.ru/word/защита> (дата обращения: 28.11.2024).

⁵ Sinonim.org [Электронный ресурс]. URL: <https://sinonim.org/t/защищенность> (дата обращения: 28.11.2024).

⁶ Термин МЧС [Электронный ресурс]. URL: <https://mchs.gov.ru/ministerstvo/o-ministerstve/terminy-mchs-rossii/term/3137?ysclid=m3snye1x50642687805> (дата обращения: 28.11.2024).

⁷ Современный толковый словарь русского языка Ефремовой [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/efremova/168046/Защищенность?ysclid=m3sek2aupj111153224> (дата обращения: 28.11.2024).

⁸ Концепция духовной безопасности России и Евразийского Союза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/206146> (дата обращения: 28.11.2024).

⁹ О безопасности : Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (утратил силу) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ О безопасности : Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ О безопасности : Закон РФ от 05.03.1992 № 2446-1 (утратил силу) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² О промышленной безопасности опасных производственных объектов : Федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ О безопасности гидротехнических сооружений : Федеральный закон от 21.07.1997 № 117-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– через угрозы безопасности, например, в законе о безопасности дорожного движения¹⁴;

– через объект и угрозы одновременно, например, в законе о радиационной безопасности¹⁵. Понимание «безопасности» через дефиниции объекта и угрозы одновременно характерно для комплексной безопасности, когда безопасность складывается из целого комплекса отраслевых видов.

Безопасность обеспечивается как внутренним содержанием объекта (например, для технических устройств – это степень изношенности или новизны деталей, механизмов), так и внешними воздействиями (например, инструктивное обращение с техническим объектом).

Говоря о безопасности через призму защищенности, следует понимать положение объекта, при котором:

- отсутствует угроза его существованию или
- путем активных действий, волевых вмешательств такая угроза минимизирована.

Говоря о внешнем воздействии (или охране), направленном на обеспечение безопасности, следует говорить о разработке соответствующих стандартов, мер измерения уровней безопасности.

Внешняя среда защиты объекта – это не единственный фактор его безопасности. Внутреннее качество, свойство, ресурсы объекта так же влияют на уровень безопасности этого объекта. Например, радиационная опасность может по-разному влиять на работников радиационных объектов, на обычных граждан или на людей с ослабленным здоровьем. Очевидно, что одни и те же радиоактивные угрозы могут по-разному отразиться на этих людях. Из недавних примеров истории вспомним пандемию Ковид-19, когда один и тот же вирус совершенно по-разному воздействовал на здоровье людей. К летальному исходу заболевание приводило, как правило, ослабленных другими недугами людей, причем независимо от возраста. В то же время, детский организм в большинстве своем достаточно легко справлялся с этим вирусом.

Подводя итог, следует констатировать, что безопасность или защищенность должна обеспечиваться:

- внешними факторами, условиями, обеспечивающими защищенность объекта, которая позволяет ему благополучно существовать, развиваться, сохранять целостность, быстро восстанавливаться в случае отклонения от норматива безопасности;

¹⁴ О безопасности дорожного движения : Федеральный закон от 10.12.1995 № 196-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ О радиационной безопасности населения : Федеральный закон от 09.01.1996 № 3-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

– внутренними факторами – свойствами самого объекта, его способностью отразить внешние негативные воздействия, направленные на его целостность, его благополучие, его способностью активно функционировать, его способностью сохранить свои положительные качества без внешнего воздействия, его способностью к самовосстановлению при наличии внешних угроз.

В литературе встречаются понятия «духовность», «духовная безопасность» и «духовно-нравственная безопасность». Некоторые исследователи не усматривают разницы между «духовной» и «духовно-нравственной» безопасностью [8, с. 135]. Нам эти понятия представляются разными.

Под духовностью понимают идеологическую направленность развития социума [1, с. 212], которая формируется на основе исторических, национальных, социокультурных, этнических, интеллектуальных особенностей нации. Духовным человеком признается тот, кто освоил высшие культурные ценности, проявляет творческую активность.

Сохранение общероссийской ментальности и духовности является одной из задач обеспечения *духовной безопасности*.

Само понятие духовной безопасности не определено и находится в постоянном процессе исследования, обсуждения, концептуализации. Безусловно, духовная безопасность связана с состоянием духовной сферы личности и общества. В научной литературе дефиниция «духовная безопасность» исследована с точки зрения философии, политологии, социологии. Понятие «духовной безопасности» понимается исследователями по-разному.

Под духовностью понимается психологическое состояние освоения человеком высших ценностей, связанных с жизнью, деятельностью, культурой, научных истин, эстетических и этических образов, нравственных норм [8, с. 137]. Духовная безопасность – это не что иное, как психологическая среда радости и веселья, счастья, покоя и защищенности¹⁶.

Под духовной безопасностью понимают состояние «защищенности духовной жизни личности от деструктивных процессов» [9, с. 7; 8, с. 140], т.е. она понимается через дефиницию «бытия» человека, его гармоничное развитие, сохранность его традиций и идеалов, культуры и менталитета.

При этом, авторы [9, с. 9] определяют несколько составляющих частей духовной безопасности, выделяя:

- духовно-нравственную безопасность;
- политико-идеологическую безопасность;
- информационную безопасность;
- психологическую и религиозную безопасности.

Другие авторы понимают [1, с. 110] духовную безопасность шире, как защищенность духовных ценностей, духовной сферы общества, которая вклю-

¹⁶ Концепция духовной безопасности России и Евразийского Союза [Электронный ресурс]. URL: <https://www.business-gazeta.ru/blog/206146> (дата обращения: 28.11.2024).

чает в себя, кроме названных выше, еще защищенность культурных, научных, образовательных, исторических ценностей. Духовная безопасность – это способность индивидуального и массового сознания противостоять внешним и внутренним угрозам.

Иные исследователи под духовной безопасностью понимают качественную характеристику общества, его социально-политическую стабильность, обеспечивающую его устойчивое и гармоничное развитие и состояние духовной жизни [10, с. 44]. Духовная безопасность понимается как аспект духовно-нравственного состояния общества. Духовную безопасность понимают также в традиционном, социологическом и религиозном аспекте.

В традиционном понимании духовная безопасность представляет собой защищенность жизненно важных интересов личности, общества, государства в духовной сфере от внешних и внутренних угроз [11, с. 150], сохранение и укрепление традиционных ценностей [12, с. 12]. В социологическом понимании духовная безопасность – это система защитных мер от рисков, вызовов, угроз, способствующая сбалансированному взаимодействию всей системы государства и общества. В религиозном аспекте духовная безопасность понимается как защищенность личности, общества и государства в религиозной сфере [13, с. 15].

Обычно не относят к духовным такие ценности, как свобода, демократия, уважение прав человека, верховенство закона, экономические и межэтнические ценности. Однако такие приоритеты можно отнести к ценностям, но они увязаны не с естеством человека, а скорее с государственным устоем его места проживания. Учитывая, что современный человек не может существовать обособленно от государства, эти ценности становятся традиционными и именуются как духовно-нравственные.

Духовно-нравственные ценности представляют собой идеалы, идеологические взгляды, а также нормы и правила поведения, которые сложились исторически и сохранили свое первоначальное значение с древних времен до настоящего времени. Эти ценности отражают традиционные представления народа, устойчивые во времени, несмотря на изменения государственного строя или политической конъюнктуры. Традиционные ценности являются универсальными и присущи человеку вне зависимости от его вероисповедания, материального положения или политических взглядов, поскольку формировались под влиянием культуры и исторического развития общества.

К духовно-нравственным ценностям относят все то, что связано непосредственно:

- с жизнью человека (жизнь, здоровье);
- с его взаимоотношением в обществе (созидательный труд, гуманизм, коллективизм, приоритет духовного над материальным);
- с его внутренним духовным миром (нравственность, милосердие, справедливость, взаимопонимание, взаимоуважение);

– с его жизненным или семейным укладом (крепкая традиционная семья, преемственность поколений);

– с его отношением к Родине (патриотизм, гражданственность, служение Отечеству, историческая преемственность, единство народов).

Процесс постоянного противостояния угрозам, обеспечивающий защиту духовно-нравственных ценностей, представляет собой обеспечение духовно-нравственной безопасности. В этот процесс должны быть включены государственные, общественные, неформальные, религиозные структуры, индивидуально граждане, институты гражданского общества.

Авторы рассматривают [10, с. 150] духовную безопасность как состояние жизнеспособности традиционных ценностей. Полагаем, что именно в этом состоит ключевое отличие духовной от духовно-нравственной безопасности.

Духовная безопасность от духовно-нравственной отличается тем, что первая заключается, скорее всего, в материально-психологическом комфорте личности и общества, в котором они эффективно развиваются и самореализуются.

Сущность обеспечения духовно-нравственной безопасности заключается в системной защите гражданского сознания российской нации от деструктивного идеологического влияния оппонентов России, осуществляемого с применением современных технологий, или борьба на поле информационно-психологической войны [14, с. 44].

Духовно-нравственная безопасность – это, прежде всего, доверие к государству и обществу, правоохранительным структурам и суду, защищенный социальный порядок. Такая защищенность выражается в любви к Родине, патриотизме, уважении истории и созидательном труде, межнациональной и межконфессиональных гармонии, в коллективизме и милосердии, в крепких семейных отношениях, в здоровых детях и преемственности поколений.

Объектом духовно-нравственной безопасности является массовое сознание. Массовое сознание – это совокупность духовно-нравственных оценок, критериев, идеалов, которая характеризует общество как сплоченное, патристическое, гражданско-идентичное, толерантное и созидательное.

Методология достижения духовно-нравственной безопасности должна основываться на взаимном сотрудничестве всех структур общества: личности и семьи, государства и общества в целом, институтов воспитания, образования и культуры, религиозных объединений.

Обеспечение духовно-нравственной безопасности. Построение системы духовно-нравственной безопасности следует осуществлять на базе основополагающих принципов прав и свобод человека, закрепленных в международных актах и Конституции РФ:

– признание и соблюдение равенства прав и свобод всех граждан, недопустимость дискриминации по полу, возрасту, вероисповеданию, национальности, религиозным убеждениям;

- признание права и свободы на объединения граждан, включая религиозные объединения;
- сохранение духовной целостности и общероссийской идентичности;
- сотрудничество с религиозными организациями по недопущению распространения чуждых россиянам религиозных течений, сект и иных группировок;
- поддержка национально-культурных, религиозных организаций, пропагандирующих общероссийские духовные ценности, в России и за рубежом;
- защита русского языка в России и за рубежом;
- адаптация добровольно переселившихся иностранных граждан, оказание им помощи по освоению понимания общероссийских духовно-нравственных ценностей;
- поддержка и пропаганда общероссийских духовно-нравственных ценностей среди соотечественников, проживающих за рубежом.

Объединяющее начало для многонационального народа России, дающее основание для формирования единой гражданской идентичности – это общая история, русский язык, как связующий язык между разноязычными народностями, единые культурные и коммуникационные ценности, единые семейные и нравственные ценности.

Духовное состояние нации увязано с ее ментальностью. Ментальность признают «генетической» духовностью. Ментальность – это то, что передается из поколения в поколение, как говорят, «с молоком матери». Это «дух нации», который формируется «родной землей». Это неосознанное, подсознательное понимание социальной ситуации. Это естественно сложившиеся духовные особенности. Ментальность складывается исторически, длительное время. Однако она может быть разрушена в кратчайшее по меркам истории время – в течение двух-трех поколений. В настоящий момент наблюдается глобальная деформация ментальности. Особенно такая ситуация наблюдается в странах, ранее входивших в состав СССР.

Ментальность русской нации всегда отличалась высокой нравственностью. Достоевский Ф.М. писал, что «гений» русского народа заключается в его всечеловеческом единстве, братской любви, нравственности [15, с. 122].

Менталитет страны – это ее историческое прошлое. Забвение исторического прошлого неизбежно ведет к утрате национальной гражданской идентичности.

Ментальность деформируется с помощью:

- «унификации» языка или глобального целенаправленного вкрапления иностранных слов в родной язык;
- навязывания новых форматов поведения (например, ЛГБТ);
- деформации стереотипов мышления (например, деньги).

Современное мировоззрение россиян должно строиться на сложившемся еще в советское время мировоззрении, христианском мировоззрении, направленном на защиту высших ценностей: любви, братства, семьи, справедливости.

Отказ от исторически сложившихся ценностей может привести к разъединению нации. Основная угроза единению народов – духовная разобщенность. Религиозное понимание ценностей не может претендовать на первенство, поскольку за годы советской власти религиозность россиян значительно упала. Однако, в основе общероссийских ценностей лежат религиозные ментальные особенности несмотря на то, что Россия многоконфессиональная страна.

Духовно-нравственная безопасность должна строиться на национальных интересах России. Отчасти, эти интересы в качестве целей определены в Указе Президента РФ о государственной политике по сохранению духовно-нравственных ценностей. Их можно классифицировать по направлениям реализации на внутренние и внешние. К внутренним интересам следует отнести: сохранение, укрепление и преемственность традиционных общероссийских ценностей. К внешним следует отнести: противодействие деструктивной идеологии и формирование Российского идеала на международном уровне.

Полагаем, что в ранг национальных интересов в сфере духовно-нравственной безопасности следует возвести следующие постулаты:

- сохранение и защита духовно-нравственных ценностей и формирование, укрепление на их базе общероссийской гражданской идентичности;
- сохранение и развитие национальных культур и этнической идентичности.

Русская нация всегда была приверженцем постулата о приоритете государственных интересов над личными. Интересы государства и общества исторически ставились выше интересов отдельно взятого индивидуума как в Российской империи, так и в советский период развития нашей страны. Исходя из этого, одной из ценностных черт русской нации, отличающей ее от других западных цивилизаций, является «патриотическая жертвенность» [1, с. 123]. В отличие от этого, западный мир трактует, что государство должно существовать ради личности, а не наоборот.

Духовно-нравственная безопасность включает в себя культурно-идеологические, нравственные, информационные, психологические, идеологические, научные, образовательные критерии [1, с. 123].

Критерии оценки духовно-нравственной безопасности. Критериями оценки духовно-нравственной безопасности должны стать следующие оценочные показатели:

- становление гражданской идентичности или единого национального духовного пространства, основанного на уважении истории и преемственности поколений;
- сохранение этнической идентичности, национальных традиций, культур, ментальности и самобытности этносов;
- наличие благоприятной политической, социальной, психологической, культурной среды для всестороннего развития личности, общества;
- патриотическое настроение общества, проявление любви к Родине, дающее возможность стабильного развития государства;

- защищенность русского языка, в т.ч. за рубежом;
- здоровые дети и здоровая семья, решение демографических проблем;
- рост экономической стабильности государства на основе созидательного труда и проявления коллективизма;
- снижение уровня преступности и правонарушений среди молодежи, а также основанных на деструктивной идеологии.

Заключение. Исследование показало, что защита является оценочным показателем, который требует завершенности. Завершенность защиты должна приводить к защищенности или к безопасности. Эти два понятия являются идентичными.

Духовная безопасность отличается от духовно-нравственной безопасности. Духовная безопасность в большей степени характеризует внутренний и внешний мир личности, а духовно-нравственная безопасность характеризует защищенность личности, и общества, и государства одновременно.

Духовно-нравственную безопасность необходимо возвести в статус стратегических направлений государства, для чего предлагается разработать Стратегию духовно-нравственной безопасности, где определить угрозы, принципы обеспечения, критерии оценки.

Список источников

1. Тонконогов А.В. Духовная геостратегия современной России : монография / А.В. Тонконогов. – Москва : Изд-во РГАУ – МСХА им. К.А. Тимирязева, 2010. – 204 с.
2. Панарин А.С. Стратегическая стабильность в XXI веке / А.С. Панарин. – Москва : Алгоритм (ГУП Общего регионального типа им. В.И. Смирнова), 2003. – 558 с.
3. Цицерон М.Т. О старости; О дружбе; Об обязанностях / М.Т. Цицерон ; пер. и ком. В.О. Горенштейна ; под ред. В.О. Горенштейна и др. – Переизд. – Москва : Наука, 1993. – 245 с.
4. Данилюк А.Я. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в сфере общего образования: проект / А.Я. Данилюк, А.М. Кондаков, В.А. Тишков. – Москва : Просвещение, 2009. – 29 с.
5. Новоселова Н.П. Духовно-нравственная безопасность общества в мире социальных технологий / Н.П. Новоселова, И.С. Рамазанов // Совет ректоров. – 2015. – № 2. – С. 57–63.
6. Кашаева Т.В. Роль молитвы в воспитании души. Проблема преподавания темы «Молитва» / Т.В. Кашаева // Нравственные ценности и будущее человечества : материалы Пятых региональных Рождественских образовательных чтений. – Пенза : Пензенская духовная семинария, 2017. – С. 26–32.

7. Мартиросян Т.А. К вопросу о содержании понятия «безопасность» / Т.А. Мартиросян // Стратегия гражданской защиты: проблемы и исследования. – 2013. – Т. 3, № 2 (5). – С. 359–362.
8. Гафиятуллина Н.Х. Духовно-нравственная безопасность российской молодежи: социологический анализ основных угроз / Н.Х. Гафиятуллина // Вестник Института истории, археологии и этнографии РАН. – 2017. – № 1 (49). – С. 134–144.
9. Кравцов Д.Н. Духовная безопасность личности в современном российском обществе : автореф. дис. ... канд. филос. наук : 09.00.13 / Д.Н. Кравцов. – Луганск, 2023. – 27 с.
10. Беспаленко П.Н. Духовная безопасность в системе национальной безопасности современной России: проблемы институционализации и модели решения : автореф. дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 / П.Н. Беспаленко. – Ростов-на-Дону, 2009. – 54 с.
11. Возьмитель А.А. Духовная безопасность: социологический анализ / А.А. Возьмитель // Мир России. – 2006. – Т. 15, № 2. – С. 147–159.
12. Возьмитель А.А. Духовная безопасность России (актуальные теоретические, методологические и практические проблемы духовной безопасности) : научно-методическое пособие / А.А. Возьмитель, А.И. Хвыля-Олинтер; – 2-е изд., подправл. – Москва, 2022. – 86 с.
13. Гадаев В.Ю. Религиозная безопасность в контексте безопасности духовной / В.Ю. Гадаев // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 10. – С. 13–16.
14. Голобородько А.Ю. Дискурс «мягкой силы» в контексте конструирования образа современной России: факторы и технологии формирования конкурентоспособной идентичности / А.Ю. Голобородько, А.В. Сериков // Гуманитарные науки Юга России. – 2015. – № 4. – С. 43–50.
15. Достоевский Ф.М. Дневник писателя за август 1880 г. Август / Ф.М. Достоевский // Русская идея : сборник произведений русских мыслителей / сост. Е.А. Васильев ; предисл. А.В. Гулыга ; коммент. И.С. Андреева. – Москва : Айрис Пресс, 2002. – С. 154–189.

References

1. Tonkonogov A.V. Spiritual Geostrategy of Modern Russia: a monograph. Moscow, Publ. House of Russian State Agrarian University, Moscow, Moscow Timiryazev Agricultural Academy, 2010. 204 p. (In Russian).
2. Panarin A.S. Strategic Stability in the XXI Century. Moscow, Algorithm, 2003. 558 p. (In Russian).
3. Gorenstein V.O. (ed.). Cicero Marcus Tullius. Treatises on Friendship and Old Age. Moscow, Nauka, 1993. 245 p. (In Russian).

4. Danilyuk A.Ya. Concept of Spiritual and Moral Development and Education of the Russian Citizen in the Sphere of General Education: a Project. Moscow, Prosveshchenie, 2009. 29 p. (In Russian).
5. Novoselova N.P. Spiritual and Moral Security of Society in the World of Social Technologies. *Sovet rektorov = Council of Rectors*, 2015, no. 2, pp. 57–63. (In Russian).
6. Kashaeva T.V. The Role of Prayer in the Soul Upbringing Problems of Teaching the Topic "Prayer". *Moral Values and the Future of Humanity: Materials of the Fifth Regional Christmas Educational Readings. Penza, November 20–26, 2017*. Penza, Penza Theological Seminary, 2017, pp. 26–32. (In Russian).
7. Martirosyan T.A. To the Issue of the Concept 'Security'. *Strategiya grazhdanskoj zashchity: problemy i issledovaniya = Civil Protection Strategy: Issues and Research*, 2013, vol. 3, no. 2 (5), pp. 359–362. (In Russian).
8. Gafiyatullina N.H. Spiritual and Moral Safety of Young People in Russia: Sociological Analysis of Major Threats. *Vestnik instituta istorii, arheologii i etnografii = Herald of the Institute of History, Archaeology and Ethnography*, 2017, no. 1 (49), pp. 134–144. (In Russian).
9. Kravtsov D.N. Spiritual Security of the Individual in the Modern Russian Society. *Cand. Diss. Thesis*. Lugansk, 2023. 27 p. (In Russian).
10. Bspalenko P.N. Spiritual Security in the System of National Security of Modern Russia: Problems of Institutionalisation and Models of Solution. *Doct. Diss. Thesis*. Rostov-on-Don, 2009. 54 p. (In Russian).
11. Vozmitel A.A. Spiritual Security: A Sociological Analysis. *Mir Rossii. Sociologiya. Etnologiya = Universe of Russia. Sociology. Ethnology*, 2006, vol. 15, no. 2, pp. 147–159. (In Russian).
12. Vozmitel A.A., Khvylia-Olinter A.I. Spiritual Security of Russia (Actual Theoretical, Methodological and Practical Problems of Spiritual Security): a Scientific and Methodological Manual. 2nd ed., Moscow, 2022. 86 p. (In Russian).
13. Gadaev V.Y. Religious Security in the Context of Spiritual Security. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and Practice of Social Development*, 2014, no. 10, pp.13–16. (In Russian).
14. Goloborodko A.Yu., Serikov A.V. The Discourse of "Soft Power" in the Context of Image Making for Modern Russia: Factors and Methods of Creating of Competitive Identity. *Gumanitarnij Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia*, 2015, no. 4, pp. 43–50. (In Russian).
15. Vasiliev E.A. (ed.) Dostoevsky F.M. Diary of a Writer for August 1880. August. *Russian Idea: A Collection of Works of Russian Thinkers*. Moscow, Iris Press, 2002, pp. 154–189.

Информация об авторах**Information about the Authors**

Мышко Федор Георгиевич – доктор юридических наук, доцент, директор Института государственного управления и права;

Myshko Fedor Georgievich – Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Public Administration and Law;

Титор Светлана Евгеньевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры частного права

Titor Svetlana Evgenievna – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Private Law

Статья поступила в редакцию 19.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was submitted 19.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 17.06.2025.

Научная статья

УДК 341.018.

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.9

Максуров Алексей Анатольевич

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова,

Ярославль, Россия, maxurov78@yandex.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5781-6524>

КООРДИНАЦИЯ ДЕЙСТВИЙ СУБЪЕКТОВ ПРАВА В РАМКАХ САНКЦИОННОГО ПРАВООТНОШЕНИЯ

Аннотация. В отечественной правовой доктрине в настоящее время растет интерес к исследованию проблем международного санкционного права, однако методология соответствующих исследований отсутствует. Автором предложено собственное понимание структурирования основных элементов санкционного правоотношения, что обуславливает актуальность темы исследования. Цель: анализ элементов логической структуры санкционного правоотношения с точки зрения координационного подхода к познанию правовых явлений. Методы: в основе исследования положен метод системного анализа, который дополнен методами формальной логики (в части индукции и дедукции), а также специально-юридическими приемами толкования норм права. Результаты: исследование позволило выявить проблемы определения предпосылок возникновения санкционных правоотношений, проблеме неопределенности санкционных действий и операций субъектов и участников данных правоотношений, недостатки в определении результатов санкционного воздействия. Автором также представлены соответствующие характеристики антисанкционного правоотношения как отношения, возникающего в области применения ответных государственно-правовых мер.

Ключевые слова: санкции, ограничения, рестрикции, антисанкции, санкционное правоотношение, структура, координация

Для цитирования: Максуров А.А. Координация действий субъектов права в рамках санкционного правоотношения / А.А. Максуров. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 104–118.

Maksurov Alexey Anatolyevich

Yaroslavl State University Named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russia,
maxurov78@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5781-6524>

THE LEGAL SUBJECTS' ACTIONS COORDINATION WITHIN THE SANCTIONAL LEGAL RELATIONS

Abstract. In the domestic legal doctrine, there is currently a growing interest to study problems of international sanctions law, but the methodology of relevant studies is lacking. The author offers his own understanding of the main elements of sanctional legal relations' structure, which determines the relevance of the research. Objective: to analyse the elements of the sanctional legal relations' logical structure from the point of view of the coordination approach to the cognition of legal phenomena. Methods: the study is based on the method of system analysis, which is supplemented by methods of formal logic (in terms of induction and deduction), as well as special legal techniques for interpreting legal norms. Results: the study revealed problems in determining the prerequisites for the emergence of sanctions legal relations, the problem of uncertainty of sanctions actions and the subjects' operations and participants of these legal relations, deficiencies in determining the results of sanctions legal relations. The author also presents the relevant characteristics of anti-sanction legal relations as relations arising in the field of application of retaliatory state and legal measures.

Keywords: sanctions, restrictions, anti-sanctions, sanctional legal relation, structure, coordination

For citation: Maksurov A.A. The Legal Subjects' Actions Coordination within the Sanctional Legal Relations. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 104–118 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.9.

Введение. В настоящее время ввиду особенностей геополитической обстановки и по другим заслуживающим внимания причинам очевиден интерес в правовой науке и практике к механизму санкционного права. Увеличение санкционного давления на Российскую Федерацию наблюдается с 2014 года, особенно оно усилилось с 2022 года, хотя анализ актов международного права показывает, что начиная с 1991 г. Россия ни одного года не находилась вне тех или иных санкций, часть которых она «унаследовала» от Советского Союза. Просто в последнее десятилетие повысилась актуальность санкционного воздействия, что и вызвало интерес к этой теме.

Между тем, еще в начале XXI века в юридической литературе появились работы, так или иначе касающиеся вопросов санкций и антисанкций, представляющие некоторую начальную методологическую основу для современных исследований, например, связывающие вопросы санкций с проблематикой координации действий национальных субъектов права [1, с. 85], особенностями механизма правового регулирования в данном случае [2, с. 22], спецификой организации процедур медиации и переговорного процесса в целях разрешения конфликта, ставшего причиной применения санкций и антисанкций [3].

В настоящее время результаты данных исследований вновь оказались востребованными применительно к санкционному правоотношению. Представляется, что понимание вопросов действий субъектов санкционного правоотношения с позиций их координации правовыми средствами будет сегодня актуальным и значимым с теоретической точки зрения, поскольку обогатит науку международного санкционного права новыми данными о ее основных понятиях, исходя из дидактических значений полученных знаний, а также с позиций правоприменительной практики.

Методологической основой исследования стал метод системного анализа, который был дополнен методами формальной логики (в части индукции и дедукции), а также специально-юридическими приемами толкования норм права.

Координационный подход к исследованию. Принципы координационного подхода к исследованию санкционного правоотношения заключаются в следующем.

Прежде всего, по всей видимости, можно рассматривать санкционные (антисанкционные) правоотношения как сложные комплексные логические конструкции, в которых тесно переплетены международные и национальные публично-правовые и частноправовые элементы. Санкционное правоотношение, как и любое правоотношение, представляет собой систему. Для этой системы характерна полиструктурность, например, в части выделения пространственной и временной, генетической, стохастической, вертикальной и горизонтальной, циклической, психологической и любой иной его структур. Однако наиболее теоретически и практически важной остается выделение логической (логико-философской) структуры санкционных правоотношений, основу которых составляют действия и операции субъектов правоотношения относительно их объектов (предметов). По сути, конструирование логической структуры санкционного правоотношения означает разновидность юридического проектирования процесса координации своих интересов субъектами права [4, с. 82].

В рамках санкционного правоотношения наблюдается координация действий и операций его субъектов и участников. Субъектами и участниками санкционного правоотношения используется та или иная юридическая тактика, в том числе, направленная и на достижение некоторых согласованных позиций [5, с. 53]. Благодаря их действиям в процессе координации реализуются неко-

торые общесоциальные функции права [6, с. 122]. Их действия прямо влияют на общую эффективность правового воздействия [7, с. 92], а недостаточная эффективность взаимодействия (например, в части согласования органами власти ответных мер в рамках реализации норм антисанкционного законодательства) может привести к значимым неблагоприятным последствиям [8, с. 12].

Изложенные соображения позволят рассмотреть элементы санкционного правоотношения, включая его предпосылки и результаты на качественно новом уровне.

Предпосылки возникновения санкционных правоотношений. Предпосылкой возникновения санкционных правоотношений выступает совершение государством (органами власти и высшими должностными лицами государства) некоторых действий, которые мировое сообщество или отдельные государства рассматривают в качестве международного публичного правонарушения.

Указанные действия на практике выражаются, например, в агрессивной внешней политике государства (захват и оккупация территорий других государств, угрозы применения оружия при разрешении конфликтов с другими государствами), массовом нарушении прав человека (преследование по религиозному или национальному признаку, ущемление прав национальных (этнических), сексуальных и иных меньшинств, геноцид собственного или другого народа, коренного народа), создании дополнительных угроз для мира и человечества (вроде разработки ядерного оружия государствами, не входящими в «ядерный клуб» или иного запрещенного международными нормами оружия массового поражения), нелегитимной смене власти или, напротив, незаконном удержании власти в конкретном государстве (узурпации власти) группой лиц, этносом и т.п.

В данном случае крайне важным видится вопрос оценки указанных действий государства именно в качестве международно-противоправных. Таким образом, мы вынужденно обращаемся к категории ценностного отношения, в рамках которого возможно выделить субъекта оценки (мировое сообщество, союз независимых государств, иностранное государство), объект оценки (действия конкретного государства) и критерии оценки (принятые в международном сообществе или в государстве-субъекте принципы оценки осуществления государственной внешней и внутренней политики).

Вообще, процесс познания всегда сопряжен с оценками, на основе которых формируется ценностное восприятие действительности. Ценностный же подход представляет конкретизацию диалектического и системного методов познания юридической практики в целом. В целом такой подход представляется правильным и для предлагаемой нами характеристики отдельных сторон деятельности (действий) субъектов международного права.

Показательно, что данные действия, хотя и являются объектом оценки, тем не менее, должны быть логически формализованы и обоснованы: они должны

нарушать 1) общепризнанные принципы и нормы международного права и (или) 2) принятые на себя государством международные обязательства.

Исследователи международного права сегодня не имеют единства мнения относительно того, что считать именно *международным* принципом права. Очевидно, что, даже на первый взгляд, здесь возникает масса начальных вопросов: должен ли такой принцип обязательно исходить от некоего международного органа, быть согласованным большинством членов мирового сообщества [9, с. 62] и присутствовать в том или ином международном акте [10, с. 55]; должно ли его существование признавать большинство государств; необходимо ли отражение (а лучше – закрепление) конкретного принципа международного права в большинстве национальных правовых систем; должна ли в принципах права (в соотношении принципов международного права и принципов национальных правовых систем) присутствовать некоторая иерархичность, вытекание одного принципа из другого, более «крупного» и важного, национального принципа из международного и т.п. [11].

Возникает и такой вопрос: является ли любой принцип международного права общепризнанным в силу своей «международности» или же это не обязательно так и среди принципов международного права следует выделять общепризнанные и иные? Существует немало принципов права, которые мы не задумываясь, признаем некими «прогрессивными» и общераспространенными среди «развитых» политически, экономически и социально государств, как, например, принцип демократизма в формировании и реализации права, принцип законности, принцип национального равноправия, принцип гуманизма, принцип справедливости и т.д. Но являются ли такие принципы именно принципами международного права, тем более, общеизвестными? Однозначный положительный ответ на такой вопрос явно будет неправильным [12].

В юридической науке отсутствует и единство мнений по поводу понятия принципов международного права, не говоря уж об «общепризнанности» как свойстве части из них. Скорее всего, общепризнанные принципы международного права – это особые, наиболее фундаментальные и значимые принципы международного права, признанные обязательными для себя и в общении с другими государствами большинством развитых стран с различными историко-культурными традициями, отраженные в наиболее важных международных документах правового характера [13, с. 119].

Таким образом, предпосылки санкционного правоотношения лежат в области международного публичного права, но формально они определены недостаточно четко.

В качестве *юридического факта* следует рассматривать принятие международным сообществом в целом, например, под эгидой ООН (что, согласимся, крайне редкое явление) или же непосредственно «государствами-судьями» в отношении «государства-нарушителя», его физических и юридических лиц, а

также иных лиц, в том числе, национальных, в том числе, государств, сотрудничающих с «государством-нарушителем» правовых актов, предполагающих для указанных лиц некоторые неблагоприятные последствия (санкции и ограничения), чаще всего, имущественного или же общественно-политического (запрет на участие представителей «государства-нарушителя» в международных спортивных соревнованиях) характера по признаку принадлежности (даже «близости») конкретного лица к органам власти (должностным лицам) попавшего под санкции «государства-нарушителя».

В данном случае юридический факт обычно имеет не только лишь международно-публичные элементы, но и элементы частного права, причем, права национального [14, с. 110].

Как видим, основным юридическим фактом, в том числе, элементом сложного фактического состава, являются *действия* мирового сообщества или государства, вводящего санкции, однако им предшествует некоторое *событие* – нарушение тем или иным государством норм международного права и невыполнением им принятых на себя обязательств, которое мы все-таки предлагаем рассматривать как предпосылку для юридического факта, а не элемент сложного фактического состава ввиду сугубой оценочности самого факта международно-противоправного поведения государства-нарушителя. Иными словами, сложно во всех случаях объективно утверждать о наличии некоего нарушения именно как *части* фактического состава с точки зрения различия в целях и устремлениях государств – субъектов международного права – при введении санкций. При отсутствии существенного влияния фактора оценочности допущенного нарушения теоретически, конечно, правильнее было бы говорить о единстве фактического состава, включающего в себя два неразрывно связанных элемента: наличия международного правонарушения со стороны конкретного государства и принятия другим государством (государствами, международным сообществом в целом) правового акта о введении санкций и ограничений, однако существующая международно-правовая практика не позволяет нам прийти к таким выводам, кроме крайне редких случаев вроде введения санкций под эгидой ООН международным сообществом в целом.

Субъекты и участники санкционных правоотношений. Как правило, санкционные правоотношения имеют *субъектов* и *участников*.

Субъекты санкционного правоотношения – это его стороны.

В современной отечественной философии «субъект» определяется в качестве источника целенаправленной активности, носителя предметно-практической деятельности, оценки, познания, преобразования и т.д. [15, с. 550]. Субъект – это то, что само по себе является источником санкционной активности или пассивности. Субъект в данной деятельности заинтересован, более того, он в ней объективно нуждается. Субъект неоднороден; специфика самой санкционной (антисанкционной) деятельности здесь обуславливает и специфику субъекта.

Стороны санкционного правоотношения можно рассматривать в виде основных (обязательных) и вспомогательных (дополнительных); последние в конкретном санкционном правоотношении могут и отсутствовать.

К основным сторонам санкционного правоотношения мы относим «государства-судей» и «государство-нарушителя», в том числе, связанных с этим государством физических и юридических лиц.

«Классическое» начальное санкционное правоотношение находится в области международного публичного права и опосредует «противостояние» государства, вводящего санкции (либо международного сообщества в целом), и государства, в отношении которого санкции вводятся.

Включение «государством-судьей» (международного сообщества в целом) в число подсанкционных субъектов также физических и юридических лиц, связанных с «государством-нарушителем», привносит в санкционное правоотношение частноправовой элемент, который, тем не менее, иногда находится в достаточно тесной связи с органами государственной власти. Сам по себе частноправовой элемент в силу, например, психологических факторов, может значительно исказить оценку поведения сторон [16, с. 92].

Вспомогательные (дополнительные) субъекты санкционных правоотношений – это его факультативные стороны, такие как национальные физические и юридические лица государства, вводящего санкции, третьи государства, их физические или юридические лица, от которых нормы права требуют активного поведения по претворению санкций и ограничений в жизнь, например, в виде ухода с рынка «государства-нарушителя», расторжения договоров на поставку в «государство-нарушитель» товаров и технологий и т.д. Отметим, что действия национальных физических и юридических лиц государства, вводящего санкции, опосредуются уже нормами национального (внутреннего) права, при этом за нарушение такого рода норм частного права вполне может иметь место публично-правовая ответственность (например, в рамках налогового законодательства, законодательства о противодействии легализации доходов, добытых преступным путем, законодательства о финансировании терроризма и экстремизма и т.п.).

Участники санкционного правоотношения – любые лица, призванные соблюдать принятые в отношении «государства-нарушителя» и связанных с ним лиц санкции и ограничения. Активного поведения в отношении подсанкционного государства, его физических и (или) юридических лиц от участников не требуется; обращенное к ним требование состоит в соблюдении запрета на то или иное взаимодействие с «государством-нарушителем», его физическими и юридическими лицами, например, в виде отказа от приобретения товаров и сырья, имеющих источником происхождения попавшее под санкции государство, и проч. Их действия регулируются нормами национального права государства, которое ввело санкции.

Главным отличием субъекта санкционного правоотношения от его участника является то, что последние только лишь способствуют реализации санкций, их введению, обжалованию, снятию. Они не имеют собственного «санкционного» интереса в данном процессе: они не вводят и не снимают какие-либо санкции и не подвергаются вызванными санкциями ограничениям.

Исходя из самых различных комбинаций сторон и участников санкционного правоотношения, с учетом специфики их фактических и юридических действий и пассивных обязанностей можно говорить о множественности таких отношений. В то же время, все они включаются в единое сложное комплексное санкционное правоотношение как его составные части.

Объект санкционного правоотношения. К элементам санкционного правоотношения относится также ее объект, который коррелирует понятию «субъект» [17, с. 501], в том смысле, что субъект санкционного правоотношения – его активная сторона, тогда как объект – сторона относительно пассивная. Считается, что в качестве объекта выступает та часть объективной и субъективной реальности, которая находится во взаимодействии с субъектом [18, с. 661], что справедливо и для характеристики санкционного правоотношения.

Таким образом, объект санкционного правоотношения – это то, на что направлена активность ее субъектов и участников, то есть те или иные блага (антиблага). Такими благами (антиблагами) и выступают сами санкции (ограничения) как 1) установленные законодательством запреты и 2) как установленные законодательством обязанности по осуществлению активных действий (предписания).

Действия и операции сторон (участников). *Юридические и фактические действия* сторон и участников санкционного правоотношения представляют собой активную, динамичную сторону юридической санкционной технологии и выражаются в виде интеллектуальных и актуализированных вовне действий и операций. Действия – выраженные вовне, нацеленные на выполнение целей санкций волевые акты субъектов и участников санкционной деятельности, тогда как санкционные операции – объединенные локальной целью совокупности взаимосвязанных действий в рамках данного санкционного процесса.

Действия и операции в санкционном праве могут иметь различную, как активную, так и пассивную природу.

В частности, уход с национального рынка находящегося под санкциями государства, очевидно, подразумевает активные действия, тогда как соблюдение запрета на продажу физическим и юридическим лицам «государств-нарушителя» той или иной продукции – пассивное воздержание от заключения договоров и фактической поставки.

Обычно здесь имеют место юридические действия (воздержание от действий, бездействие), однако могут быть и действия (бездействие) фактические, такие, например, как физическое изъятие тех или иных ценностей, не допуск на территорию иностранного государства и проч.

Результат санкционного правоотношения. К компонентам санкционного правоотношения относится также его результат как предвосхищение степени реализации ее цели. Результат санкционного правоотношения – это итог санкционной активности, то есть осуществления соответствующих санкционных действий и операций субъектами и участниками правоотношения.

Как исторически, так и в современных мировых реалиях можно говорить об *общих* и *частных* результатах введения санкций.

Прежде всего, налицо действие охранительной функции права, представляющей собой единство карательной, превентивной и восстановительной подфункций. Предполагается, что «государство-нарушитель» как бы «наказывается» за совершенное им международное правонарушение. Одновременно такого рода «наказание» играет роль общей (когда другие государства воздержатся от соответствующего противоправного поведения на мировой арене) и частной (когда данное «государство-нарушитель» в будущем откажется от совершения осуждаемых противоправных действий) превенции. «Государство-нарушитель» одновременно «призывается» к восстановлению нарушенного положения дел (ухода с захваченной у другого государства территории, восстановлении прав этносов на собственной территории, соблюдении прав человека) в будущем.

По этой причине основным *общим* результатом санкционного правоотношения предполагается изменение внешней и внутренней политики государства в направлении, требуемом международным сообществом, иностранным государством, группой государств или их союзом.

Вместе с тем, сегодня усматривается и ожидание от санкций (ограничений) *частных* результатов их введения. Эти результаты состоят в реализации компенсационной функции права, когда на «государство-нарушитель» возлагается обязанность компенсации причиненного им вреда, например, в виде выплаты репараций. Именно такая мысль западных юристов лежит сегодня в обосновании арестованных за рубежом активов российского государства и даже его юридических и физических лиц: по их мнению, данные активы могут послужить материальной базой для компенсаций подобного рода.

Изменение и прекращение санкционных правоотношений. Изменение конкретных санкционных правоотношений и их прекращение происходит, как по воле государства (международного сообщества в целом, в лице, например, ООН), решившего изменить те или иные санкционные ограничения или вовсе отменить их, так и по объективным причинам, таким, как смерть физического лица или ликвидация юридического лица, попавших в санкционные списки, истечением, в том числе, ввиду физической гибели (автомобиль, морское или речное судно, воздушное судно, объект недвижимости, художественная ценность), обесцениванием (что может иметь место в отношении цифровых активов), обращения фактического взыскания на арестованное имущество и т.п., то

есть, причиной изменения конкретных санкционных правоотношений и (или) их прекращения могут быть как действия, так и события.

Логическая структура антисанкционного правоотношения. Отдельными вопросом представляется логическая структура правоотношения, возникшего в результате применения положений антисанкционного законодательства – норм национального права попавшего под санкции государства.

Представляется, что антисанкционное правоотношение имеет схожую понятийную структуру, однако в ней «государство-нарушитель» и «государство-судья» как бы «меняются ролями».

Предпосылка такого правоотношения уже может рассматриваться в качестве составного элемента сложного фактического состава, ведь введение санкций в отношении данного конкретного государства уже переходит из разряда оценочных категорий в объективный факт реальной действительности. Соответственно, мы имеем дело с фактическим составом, когда для возникновения соответствующих правоотношений необходимо наличие двух признаков в совокупности: 1) факта введения в отношении «государства-нарушителя», его физических и юридических лиц санкций международным сообществом или иностранным государством (группой государств или их союзом) и 2) принятие «государством-нарушителем» соответствующих антисанкционных норм.

Обязательным субъектом таких правоотношений будет «государство-нарушитель», вводящие антисанкционные нормы, тогда как круг иных субъектов будет различен, поскольку предусмотренные правовыми нормами антисанкционные меры могут быть направлены в отношении а) других государств, причем, как тех, что ввели санкции, равно и тех, кто решения о санкциях исполняет, б) физических и юридических лиц других государств, в) национальных физических и юридических лиц.

Объектом антисанкционных правоотношений будут выступать анти-санкции, то есть создание такой обстановки, при которой санкции были бы сведены на нет или существенно уменьшены. Такая обстановка и будет результатом применения антисанкционного законодательства. Юридические и фактические действия в данном случае направлены на преодоление или минимизацию санкционного воздействия.

Антисанкционное правоотношение ввиду множественной субъектности, различий в юридических и фактических действиях субъектов и участников также может быть сложным и комплексным и включать в себя разнообразные виды антисанкционных правоотношений. Оно уже относится к национальному праву и имеет более административно-правовой характер, включая применение категорий и подходов, недопустимых в рамках международно-правовых санкционных отношений, например, таких приемов, как административное усмотрение [19, с. 316] и т.п.

Полагаем, что антисанкционное правоотношение вовсе не обязательно прекращается с прекращением санкционного правоотношения; первое, например, может быть преобразовано.

Так, права и обязанности сторон антисанкционного правоотношения могут быть трансформированы, когда, например, поддержка отечественного производителя будет продолжена, но уже не в целях оказания ему помощи ввиду того, что он страдает от санкций других государств, а в интересах макроэкономического развития. В данном случае может наблюдаться и трансформация правоотношений в иные комплексные правоотношения, как в ситуации, когда государство осуществляет контрольно-надзорные функции за целевым расходованием бюджетных средств, выделенных на минимизацию негативного санкционного воздействия субъектам частного права [20, с. 65] или же когда происходит принудительное исполнение требований исполнительных документов, вытекающих из взыскания в силу нарушения антисанкционного режима (закупка и реализация продукции экспортера из государства, в отношении которого Россией объявлено торговое эмбарго и т.п.) [21, с. 46].

Выводы. Подводя итоги материалу исследования, следует отметить, что в юридической доктрине при исследовании логической структуры санкционного правоотношения вполне допустим подход, предполагающий некоторое координационное взаимодействие его субъектов и участников. Указанный методологический прием позволяет рассматривать санкционное правоотношение именно с позиций действий и операций его субъектов (участников).

В целом, в систему санкционного права следует включать, во-первых, нормы международного права, регламентирующие вопросы санкций и ограничений, национальное санкционное право (право государств, вводящих санкции) и национальное антисанкционное законодательство государств, в отношении которых (физических и юридических лиц которых) санкции были введены.

Таким образом, имеет место также и правоотношение, возникшее вследствие применения национального антисанкционного законодательства. Такое правоотношение уже не будет составным элементом сложного комплексного санкционного правоотношения, поскольку в данном случае имеют место иные юридические факты (фактический состав) и результаты, другие фактические и юридические связи между субъектами и участниками правоотношения и, как правило, также и отличный от прежнего субъектный состав. Отмеченное выше обстоятельство, тем не менее, свидетельствует лишь о наличии иного типа правоотношений в рамках санкционного права, но не исключает нормы национального антисанкционного законодательства из системы санкционного права.

Список источников

1. Максуров А.А. Координация в праве : монография / А.А. Максуров, И.И. Макаров. – Ярославль : ЯФ МФЮА, 2012. – 320 с.
2. Карташов В.Н. Механизм координационного регулирования / В.Н. Карташов // Вестн. науч. тр. Нижнекам. филиала Москов. гуманитарно-эконом. ин-та. Вып. 3. Ч. 8. Вопросы теории и истории гос. и права / отв. ред. П.А. Кабанов. – Нижнекамск, 2001. – С. 21–25.
3. Максуров А.А. Политическая функция медиативной юридической практики / А.А. Максуров, М.В. Таланова // Государственная власть и местное самоуправление. – 2012. – № 1. – С. 8–9.
4. Максуров А.А. Юридическое проектирование координационных процессов / А.А. Максуров, М.В. Таланова // Право и бизнес : сборник статей I ежегодной международной научно-практической конференции, приуроченной к 80-летию со дня рождения профессора В.С. Мартемьянова / сост. И.В. Ершова, Р.Н. Аганина, Т.В. Таёкина. – Москва : Изд-во «Юрист», 2012. – С. 80–87.
5. Карташов В.Н. К вопросу о понятии координационной юридической тактики / В.Н. Карташов // Развитие молодежной юридической науки в современном мире : сборник науч. трудов по материалам VIII Международной научно-практической конференции, 15 мая 2011 г. / отв. ред. Р.В. Пузилов. – Тамбов : Изд-во ТРОО «Бизнес-Наука-Общество», 2011. – С. 50–55.
6. Бриль Г.Г. Малоисследованные общесоциальные функции координационной юридической практики / Г.Г. Бриль // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сборник науч. трудов V-й Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Г.Г. Бриль. – Кострома : КГТУ, 2007. – С. 121–125.
7. Карташов В.Н. Координационная юридическая практика государственных органов: взгляд на проблему эффективности / В.Н. Карташов // Актуальные проблемы теории и истории права и государства на современном этапе : сборник науч. трудов V-й Межвузовской научно-практической конференции / отв. ред. Г.Г. Бриль. – Кострома : КГТУ, 2007. – С. 89–94.
8. Баранов В.М. Основные недостатки координационной практики по обеспечению экономической безопасности Российской Федерации на современном этапе / В.М. Баранов, В.Н. Карташов // Экономическая безопасность России: политические ориентиры, законодательные приоритеты, практика обеспечения. Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2006. – № 6. – С. 11–15.
9. Фролов С.Е. Принципы координационной деятельности / С.Е. Фролов // Актуальные проблемы юриспруденции : сборник науч. трудов. – Владимир. 2002. – С. 59–64.

-
10. Кивленок Т.В. Правовой акт как внешняя форма координационной деятельности / Т.В. Кивленок // Актуальные проблемы юриспруденции. Сборник научных трудов. – Владимир : ВГПУ, 2002. – Вып. 3. – С. 54–58.
11. Максуров А.А. Юридическая природа принципов международного права / А.А. Максуров // Современное право. – 2020. – № 1. – С. 5–10.
12. Максуров А.А. Соотношение общепризнанных принципов международного права и общепризнанных норм международного права / А.А. Максуров // Вестник юридического факультета Южного Федерального Университета. – 2019. – Т. 6, № 3. – С. 49–51.
13. Максуров А.А. Общепризнанные принципы и нормы международного права. Понятие и проблемы применения в Российской Федерации / А.А. Максуров. – Москва : ИНФРА-М, 2021. – 189 с.
14. Таланова М.В. Эффективность норм частного права / М.В. Таланова // Частноправовые отношения в условиях глобализации. Saarbrücken : Lambert academic publishing, 2012. Часть 1. Глава 7. – С. 109–116.
15. Алексеев П.В., Панин А.В. Философия : учебник / П.В. Алексеев, А.В. Панин. – Москва : Проспект, 2022. – С. 558.
16. Чернецов В.Ю. Психологический подход к изучению проблем координационной юридической практики / В.Ю. Чернецов // Законодательство и правоприменение в Российской Федерации : доклады и сообщения VII международной научной конференции, Москва, 17 апреля 2007 г. – Москва : РГГУ, 2007. – С. 89–94.
17. Спиркин А.Г. Философия : учебник для бакалавров / А.Г. Спиркин. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва : Юрайт, 2015. – 828 с.
18. Философский энциклопедический словарь / гл. ред. Л.Ф. Ильичев и др. – Москва : Сов. энциклопедия, 1983. – 839 с.
19. Терехова А.В. Административное усмотрение в расследовании несчастных случаев на производстве и административном расследовании по делам о нарушениях государственных нормативных требований охраны труда / А.В. Терехова // Сибирское юридическое обозрение. – 2024. – Т. 21, № 3. – С. 311–323.
20. Постнов А.С. Контроль и надзор как факторы повышения эффективности координационной практики / А.С. Постнов // Российское право в период социальных реформ : материалы конференции студентов, аспирантов, соискателей и молодых ученых-юристов, Нижний Новгород, 26–27 ноября 2004 г. – Вып. 6. Ч. 1. – Нижний Новгород, 2005. – С. 64–67.
21. Гражданское исполнительное право : учебник / А.А. Власов, А.А. Максуров ; под ред. А.А. Власова. – Москва : Экзамен, 2004. – 350 с.

References

1. Maksurov A.A., Makarov I.I. Coordination in Law: Monograph. Yaroslavl, Yaroslavl Branch of the Moscow Financial and Law Academy, 2012. 320 p. (In Russian).
2. Kartashov V.N. Mechanism of Coordination Regulation. Bulletin of scientific works of the Nizhnekamsk branch of the Moscow Humanitarian and Economic Institute. Issue 3. Part 8. Questions of the Theory and History of State and Law. Nizhnekamsk, 2001, pp. 21–25. (In Russian).
3. Maksurov A.A., Talanova M.V. Political Function of Mediation Legal Practice. *Gosudarstvennaja vlast' i mestnoe samoupravlenie = State Power and Local Self-Government*, 2012, no. 1, pp. 8–9. (In Russian).
4. Maksurov A.A., Talanova M.V. Legal Design of Coordination Processes. Law and Business. *Collection of Articles of the First Annual International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 80th Anniversary of Professor V.S. Martemyanov, Moscow, 2012*. Moscow, Jurist, 2012, pp. 80–87. (In Russian).
5. Kartashov V.N. On the Legal Tactics Coordination. *The Development of Youth Legal Science in Modern World. Collection of Scientific Papers on the Materials of the VIII International Scientific and Practical Internet Conference, Tambov, May 15, 2011*. Tambov, 2011, pp. 50–55. (In Russian).
6. Bril G.G. Little-Investigated General Social Functions of Coordination Legal Practice. *Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage. Collection of Scientific Papers. V-th Interuniversity Scientific and Practical Conference, Kostroma, 2007*. Kostroma, KSTU, 2007, pp. 121–125. (In Russian).
7. Kartashov V.N. The Legal Practice Coordination of State Bodies: A Look at the Problem of Efficiency. *Actual Problems of the Theory and History of Law and State at the Present Stage. Collection of Scientific Papers. V-th Interuniversity Scientific and Practical Conference, Kostroma, 2007*. Kostroma, KSTU, 2007, pp. 89–94. (In Russian).
8. Baranov V.M., Kartashov V.N. The main Shortcomings of the Coordination Practice for Ensuring the Economic Security of the Russian Federation at the Present Stage. *Ekonomicheskaya bezopasnost' Rossii: politicheskie orientiry, zakonodatel'nye priority, praktika obespecheniya: Vestnik Nizhegorodskoj Akademii MVD Rossii = Economic Security of Russia: Political Guidelines, Legislative Priorities, Practice of Provision. Journal of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2006, no. 6, pp. 11–15. (In Russian).
9. Frolov S.E. Principles of Coordination Activity. *Actual Problems of Jurisprudence. Collection of scientific papers*. Vladimir, VSPU, 2002, pp. 59–64. (In Russian).
10. Kivlenok T.V. Legal Act as an External Form of Coordination Activity. *Actual Problems of Jurisprudence. Collection of scientific papers*. Vladimir, VSPU, 2002, pp. 54–58. (In Russian).
11. Maksurov A.A. Legal Nature of the Principles of International Law. *Sovremennoe pravo = Modern Law*, 2020, no. 1, pp. 5–10. (In Russian).

12. Maksurov A.A. The Ratio of Generally Accepted Principles of International Law and Generally Accepted Norms of International Law. *Vestnik juridicheskogo fakul'teta Juzhnogo Federal'nogo Universiteta = Bulletin of the Law Faculty of the Southern Federal University*, Rostov-on-Don, 2019, vol. 6, no. 3, pp. 49–51. (In Russian).
13. Maksurov A.A. Generally Recognized Principles and Norms of International Law. Concept and Problems of Application in the Russian Federation. Moscow, INFRA-M, 2021. 189 p. (In Russian).
14. Talanova M.V. The Effectiveness of Private Law Norms. Private Law Relations in the Context of Globalization. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2012, part 1, chapter 7, pp.109–116. (In Russian).
15. Alekseev P.V., Panin A.V. Philosophy. Moscow, Prospekt, 2022. 558 p. (In Russian).
16. Chernetsov V.Yu. Psychological Approach to the Study the Coordination Legal Practice Problems. *Legislation and Law Enforcement in the Russian Federation. Reports of the VII International Scientific Conference, Moscow, April 17, 2007*. Moscow, RSHU, 2007, pp. 89–94. (In Russian).
17. Spirkin A.G. Philosophy. Textbook. Moscow, YUrajt, 2015. 828 p. (In Russian).
18. Philosophical Encyclopedic Dictionary. Moscow, Sov. Encyclopedia, 1983. 839 p. (In Russian).
19. Terekhova A.V. Administrative Discretion in the Investigation of Industrial Accidents and Administrative Investigation of Cases of Violations of State Regulatory Requirements for Occupational Health and Safety. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie = Siberian Law Review*, 2024, vol. 21, no. 3, pp. 311–323. (In Russian).
20. Postnov A.S. Control and Supervision as Factors in Increasing the Efficiency of Coordination Practice. *Russian Law in the Period of Social Reforms. Materials of the Conference of Students, Postgraduates, Applicants and Young Legal Scholars, Nizhny Novgorod, November 26-27, 2004*. Nizhny Novgorod, vol. 6, part 1, 2005. pp. 64–67. (In Russian).
21. Vlasov A.A. (ed.). Civil Executive Law. Moscow, Exam, 2004. 350 p. (In Russian).

Информация об авторе

Максуров Алексей Анатольевич –
кандидат юридических наук,
преподаватель

Information about the Author

Maksurov Alexey Anatolievich – Candi-
date of Sciences (Law), Lecturer

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 16.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья

УДК 321.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.10

Рощупкина Александра Витальевна

Орловский юридический институт МВД России имени В. В. Лукьянова, Орёл,
Россия, sasha-571@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9325-1601>

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ КРИПТОВАЛЮТЫ В РОССИИ

Аннотация. Стремительное развитие криптовалютного рынка заставляет государства по всему миру искать эффективные механизмы правового регулирования этой новой финансовой реальности. Кроме того, российские граждане являются активными пользователями интернет-платформ, осуществляющих торговлю криптовалютами. Так, актуальной задачей Российской Федерации на современном этапе ее развития является нахождение оптимального правового регулирования криптовалют. Цель: анализ тенденций и перспектив правового регулирования криптовалют, включая различные подходы к правовому регулированию, в том числе и за рубежом. Методы: сравнительный анализ правового регулирования криптовалют в различных юрисдикциях, а также исследование технологических решений, используемых за рубежом. Результаты: исследование позволило проанализировать законодательные инициативы в отношении криптовалют, от либерального подхода до полного запрета. А также позволило отразить необходимость соблюдения сложного баланса между стремлением защитить инвесторов, бороться с преступностью и желанием стимулировать инновации в цифровой экономике.

Ключевые слова: криптовалюта, виртуальные активы, регулирование криптовалют, цифровая экономика, фиатные деньги

Для цитирования: Рощупкина А.В. Правовое регулирование криптовалюты в России / А.В. Рощупкина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 119–126.

Roshchupkina Alexandra Vitalievna

Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs
of Russia Named after V.V. Lukyanov, Orel, Russia,
sasha-571@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9325-1601>

LEGAL REGULATION OF CRYPTOCURRENCIES IN RUSSIA

Abstract. The rapid development of the cryptocurrency market forces states around the world to look for effective mechanisms for legal regulation of this new financial reality. In addition, Russian citizens are active users of online platforms that trade cryptocurrencies. Thus, the urgent task of the Russian Federation at the present stage of its development is to find the optimal cryptocurrencies legal regulation. Purpose: to analyse trends and prospects of cryptocurrencies legal regulation, including various approaches to legal regulation, counting abroad. Methods: comparative analysis of the legal regulation of cryptocurrencies in various jurisdictions, as well as a study of technological solutions used abroad. Results: the study made it possible to analyse legislative initiatives regarding cryptocurrencies, from a liberal approach to a complete ban. It also reflected the need to maintain a difficult balance between the desire to protect investors, fight crime, and encourage innovation in the digital economy.

Keywords: cryptocurrency, virtual assets, cryptocurrencies regulation, digital economy, fiat money

For citation: Roshchupkina A.V. Legal Regulation of Cryptocurrencies in Russia. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.10.

Российская Федерация, как и многие другие страны, находится в процессе поиска оптимальной модели регулирования криптовалюты, что порождает множество дискуссий и неопределенностей для участников рынка. Анализ международных тенденций показывает разнообразие подходов к этой проблеме.

Например, страны Европейского Союза активно работают над созданием единой правовой базы для криптоактивов, стремясь обеспечить высокий уровень прозрачности рынка. При этом, подходы отдельных государств-членов могут отличаться в деталях, что создает вызовы для трансграничных операций. В США регулирование криптовалют распределено между различными федеральными агентствами, что приводит к некоторой фрагментации правового поля. Страны Азиатско-Тихоокеанского региона, такие как Сингапур и Южная Корея, применяют более либеральный подход, стремясь стать глобальными «ха-

бами» для развития технологий блокчейн и криптовалют. Целью так называемых «криптовалютных хабов» является предоставление пользователям удобного способа обмена криптовалютой, гарантируя безопасность и эффективность этого процесса. Что касается стран, использующих полный запрет криптовалют, то этот подход демонстрирует свою неэффективность, поскольку это не препятствует их использованию в обход действующего законодательства.

Россия, хотя и не признает криптовалюту как платежное средство, но тем не менее развивает свое законодательство в части контроля за майнингом. Так, 1 ноября 2024 г. вступили в силу изменения, касающиеся майнинга цифровой валюты. Эта поправка в закон по своей сути легализует майнинг в России¹.

Заниматься майнингом смогут индивидуальные предприниматели и юридические лица, но только после включения их в специальный реестр, который будет вестись Минцифрой России. Кроме того, физические лица также смогут добывать криптовалюту, но не превышая установленные регионами лимиты энергопотребления.

Внесение этих изменений сделало возможным использование криптовалюты для международных платежей. В условиях санкционирования и отключения многих Российских Банков от системы SWIFT, это может значительно облегчить проведение международных расчетов для импортеров и экспортеров в России.

Открытыми вопросами все еще остаются регулирование обмена криптовалют на фиатные деньги, налогообложение на операции с криптовалютой, определение природы криптовалют, а также разработка эффективной борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием криптовалют.

Тенденции регулирования криптовалют за рубежом. В американской системе правового регулирования криптовалют используются различные инструменты и полномочия нескольких департаментов и ведомств.

Система регулирования криптовалют включает в себя следующие ведомства:

1. Агентство по борьбе с финансовыми преступлениями (FinCEN);
2. Управление по контролю за иностранными активами (OFAC);
3. Налоговое управление (IRS);
4. Комиссия по ценным бумагам и биржам в США (SEC);
5. Министерство юстиции США и другие ведомства.

В частности, все они обладают регулятивными, надзорными и правоприменительными функциями для осуществления контроля за незаконными видами деятельности с криптовалютами, которые включают большой спектр преступной деятельности.

Помимо контроля, эти ведомства могут использовать различные меры воздействия: предписания о прекращении противоправной деятельности, су-

¹ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : Федеральный закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

дебные запреты, решения о возврате незаконно полученных доходов с процентами, назначение денежных штрафов, вынесение уголовных приговоров, включающих конфискацию и тюремные сроки [1, с. 135].

Кроме того, нормативно-правовая основа конфискации криптовалют в США достаточно детально разработана и является полноценным инструментом противодействия преступлениям, совершаемым в сфере их оборота. Так, каждый региональный отдел службы маршалов США, занимающийся изъятием криптовалют, должен иметь кошелек или адрес для временного хранения изъятых криптовалют до передачи на хранение в федеральную службу маршалов. Перевод арестованных криптовалют на официальный криптовалютный кошелек или счет позволяет не только физически лишить доступа к изъятым средствам, но и обеспечить их сохранность [2, с. 121].

Правительство Японии тоже приняло активные меры по контролю за использованием криптовалют. Они работают совместно с технологической отраслью над созданием правил, которые смогут защитить инвесторов и пользователей криптовалют. Их правовое регулирование криптовалют построено на концепции сотрудничества между государственным и частным секторами. Оно осуществляется на основе следующих законодательных актов.

1. «Закон о платёжных услугах» (PSA). Определяет криптовалюты как средство платежа, однако они не признаются государственным платёжным средством.

2. «Закон о предотвращении отмыwania денег» (AML) и борьбе с финансированием терроризма» (CFT). Дополняет PSA, обеспечивая контроль за финансовыми потоками.

3. Ключевую роль в надзоре за выполнением этих законов играет Японское агентство финансовых услуг (FSA). Оно отвечает за лицензирование криптовалютных бирж и контроль за соблюдением законодательства.

В Японии провайдеры услуг и криптовалютные биржи обязаны проходить лицензирование и регистрацию. Для получения лицензии компании должны соответствовать строгим требованиям к капиталу и финансовой стабильности. Кроме того, есть некоторые обязательства по защите клиентов, которые включают хранение средств клиентов на «холодных» счетах для предотвращения мошенничества и кражи криптовалют со счетов. Помимо этого, провайдеры услуг по управлению виртуальными активами обязаны идентифицировать своих клиентов, а также проводить мониторинг подозрительных транзакций.

Активные шаги, предпринятые японским правительством по правовому регулированию криптовалют, оказали положительное влияние на правоохранительные органы страны. Сотрудничество с технологической индустрией обеспечивает эффективное регулирование для защиты потребителей и инвесторов, а также поощряет инновации в использовании криптовалют. Благодаря сотрудничеству между правительством и частным сектором Японии удалось создать безопасную и упорядоченную среду для пользователей криптовалют.

В Сингапуре криптовалюта является официальным средством платежа, которое признано на государственном уровне. Регулирование криптовалют в Сингапуре осуществляется Управлением денежно-кредитной политики Сингапура (MAS). Основным законом, регулирующим оборот криптовалют является «Закон о платёжных услугах», принятый в 2019 году. Также установлено обязательное лицензирование для осуществления операций с криптовалютой. Для получения лицензии необходимо иметь физический офис, находящийся в Сингапуре, наличие верификации своих клиентов, а также контроля за её соблюдением, наличие управления технологическими рисками и системой кибербезопасности, наличие уставного капитала и опыта в финансовой сфере, а также предварительное проведение внутреннего аудита.

Кроме того, в апреле 2024 года MAS расширило сферу регулируемых действий для устранения новых рисков в быстро развивающемся секторе криптовалют. Они внедрили строгие меры, требуя от поставщиков услуг изолировать активы клиентов и удерживать их в трастах. Также MAS ограничило возможность кредитования и стекинга токенов розничными клиентами, чтобы минимизировать возможный ущерб.

Таким образом, можно сказать, что Сингапур создал 3 линии защиты по борьбе с криптовалютными преступлениями, это:

1. обязанность провайдеров услуг постоянно проверять своих пользователей и операции, которые они совершают;
2. постоянный мониторинг со стороны правоохранительных органов;
3. осуществление обязательного внутреннего аудита провайдерами услуг [3, с. 244].

Исходя из всего вышеперечисленного, можно сделать вывод, что на данном этапе не существует глобального подхода к регулированию криптовалют. Одни страны вводят прямой запрет на использование криптовалют в качестве платежа, в других странах данная область пока находится в стадии «ожидания», но с большой вероятностью можно ожидать дальнейшего ужесточения мер по урегулированию криптовалют [4, с. 58].

В части торговли криптовалютой в ряде стран действует запрет, другие страны разрешают работу криптовалютных бирж, но планомерно ужесточают требования по лицензированию, либо регистрации в специальных реестрах и требуют подробную отчетность.

В части регулирования инвестиций в криптовалюты регуляторы ведущих стран либо вводят запреты, либо настоятельно рекомендуют своим гражданам не инвестировать в криптовалюту.

Проанализировав различные законодательные подходы к криптовалюте, её регулирование можно разделить на несколько сфер, которые должны существовать в балансе друг с другом.

1. Регулирование использования криптовалют как средства платежа. Достаточно весомым аспектом остается отношение самих регуляторов к крип-

товалюте, поскольку именно от этого будет зависеть ее перспективность и стоимость. Во многих странах существует запрет на использование криптовалют как средств платежа, есть страны, которые еще не имеют четкой позиции по данному вопросу, а есть те, кто попытался сделать ее законным платежным средством.

2. Регулирование инвестиций в криптовалюту.

3. Регулирование криптобирж. Во многих странах, где не введен запрет на торговлю криптовалютами, регуляторы разрабатывают требования к провайдерам услуг и криптовалютным биржам. Они обязуют их проводить идентификацию своих клиентов, а также следить за подозрительными транзакциями.

4. Регулирование стейблкоинов. Стейблкоины по своей сути, аналогичны инвестиционным фондам, потому что их отличительная черта – наличие обеспечения. Так, например, США предложили ввести ограничения в части инвесторов, т.е. эмитентами стейблкоинов должны быть только застрахованные депозитарные институты, которые подлежат надлежащему регулированию и надзору ².

Анализ законодательства ряда иностранных государств свидетельствует о том, что не во всех государствах (в особенности государствах-членах СНГ) предусмотрено специальное регулирование как в целом сферы деятельности с криптовалютой, так и наличие отдельных уголовно-процессуальных норм, применяемых в ходе досудебного производства по делам о преступлениях, где фигурирует виртуальная валюта. В то же время во многих странах имеется положительный опыт раскрытия и расследования преступлений, совершенных с использованием криптовалют, (например, США, ФРГ), которым стоит систематически обменяться информацией в рамках международного сотрудничества по линии правоохранительных органов.

Помимо этого, важно, чтобы законодатели учитывали баланс между стимулированием инноваций и защитой прав потребителей, что представляет собой сложную задачу, требующую тщательного анализа всех сторон вопроса и учета международного опыта [5, с. 107]. Регулирование должно быть гибким и адаптивным, позволяющим быстро реагировать на изменения на рынке.

Очень важно учитывать быструю эволюцию технологий блокчейн и появление новых видов криптовалют и других финансовых инструментов на их основе. Только так можно достичь правильного баланса между развитием цифровых технологий и обеспечением безопасности финансового рынка. Анализ инициатив по всему миру показывает разнообразие подходов к правовому регулированию криптовалют. От полного запрета до достаточно либерального отношения к регулированию. Так, например, Китай сосредоточил свои силы на развитии собственного цифрового юаня после полного запрета на майнинг. Эти

² Банк России. Криптовалюты: тенденции, риски, меры. Доклад для общественных консультаций. 2022 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

действия направлены на их стремление укрепить контроль над финансовыми потоками внутри страны. В противовес этому примеру, можно привести опыт Мальты, где существует относительно либеральный подход, который поощряет развитие блокчейн-технологий и создание благоприятной среды для пользователей криптовалют.

На наш взгляд, ключевым аспектом в регулировании является определение правовой природы криптовалют. Нужно четко понимать, является ли криптовалюта товаром, ценной бумагой или же самостоятельным активом. Это имеет важное значение, поскольку от него зависит, какие именно нормативно-правовые акты будут применяться. Например, признание криптовалют ценными бумагами подразумевает необходимость соблюдения требований, установленных законодательством для ценных бумаг. А в случае признания ее товаром, к ней будут применяться законы, регулирующие торговлю товарами, в том числе и налогообложение оборота и правила защиты прав потребителей.

Правовое регулирование криптовалют важная задача, поскольку контроль финансовых потоков позволит предотвращать использование криптовалют в преступных целях. Поэтому создание эффективной и сбалансированной системы регулирования криптовалют является не просто желательным, а необходимым условием для устойчивого развития цифровой экономики и обеспечения национальной безопасности.

Список источников

1. Долгиева М.М. Соблюдение баланса частных и публичных интересов в области конфискации цифровых активов на примере США / М.М. Долгиева // Актуальные проблемы российского права. – 2023. – № 18 (6). – С. 134–141.
2. Долгиева М.М. Зарубежный опыт правового регулирования отношений в сфере оборота криптовалюты / М.М. Долгиева // Lex Russica. – 2018. – № 10. – С. 116–129.
3. Рябчиков Д.В. Основные аспекты регулирования криптовалюты в Сингапуре / Д.В. Рябчиков // Образование и право. – 2023. – № 6. – С. 242–245.
4. Егорова М.А. Правовое регулирование выпуска и размещения криптовалют: тенденции и перспективы / М.А. Егорова, А.В. Белицкая // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 6 (115). – С. 55–63.
5. Правовое регулирование экономических отношений в современных условиях развития цифровой экономики : монография / отв. ред. В.А. Вайпан, М.А. Егорова. – Москва : Юстицинформ, 2019. – 376 с.

References

1. Dogileva M.M. Maintaining a Balance of Private and Public Interests in the Field of Digital Assets Confiscation: The United States Case. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2023, 18 (6), pp. 134–141. (In Russian).
2. Dogileva M.M. Foreign Experience in Legal Regulation of Relations in the Sphere of Cryptocurrency Turnover. *Lex Russica (Russkij zakon) = Lex Russica*, 2018, no. 10, pp. 116–129. (In Russian).
3. Ryabchikova D.V. The Key Aspects of Cryptocurrency Regulation in Singapore. *Obrazovaniye i pravo = Education and Law*, 2023, no. 6, p. 242–245. (In Russian).
4. Egorova M. A., Belitskaya A.V. Legal Regulation of Cryptocurrency Emission and Allocation: Trends and Prospects. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 6 (115), pp. 55–63. (In Russian).
5. Vaipan V.A., Egorova M.A. (eds.). Legal Regulation of Economic Relations in Modern Conditions of the Development of Digital Economy: Monograph. Moscow, Yustitsinform, 2019. 376 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Рощупкина Александра Витальевна – *Roshchupkina Alexandra Vitalievna* –
адъюнкт *Adjunct*

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 19.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.
The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 19.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья

УДК 349.222:347.9 (476)

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.11

Скобелев Владимир Петрович

Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь,
s_v_p@tut.by

**О МАТЕРИАЛЬНО-ПРАВОВЫХ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ
ПОСЛЕДСТВИЯХ НАРУШЕНИЯ НАНИМАТЕЛЕМ
ОБЯЗАННОСТИ ПРОДЛИТЬ ПРЕЖНИЙ ИЛИ ЗАКЛЮЧИТЬ
НОВЫЙ КОНТРАКТ С РАБОТНИКОМ**

Аннотация. В статье анализируется вопрос о последствиях несоблюдения нанимателем обязанности продлить прежний или заключить с работником новый контракт в контексте разъяснений, содержащихся в постановлении Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров». Показано, что формулировки указанного постановления требуют уточнения для полного приведения их в соответствие с Трудовым кодексом Республики Беларусь, а также, что в данное постановление необходимо включить разъяснения относительно того, каким образом суд должен поступать, если будет установлено, что обязанность продлить прежний или заключить новый контракт нанимателем была нарушена. Показано, что редакция данного постановления нуждается в уточнении для полного соответствия всем требованиям Трудового кодекса Республики Беларусь, а также необходимо включить в него разъяснения о том, как должен действовать суд, если будет установлено, что нанимателем нарушена обязанность по продлению прежнего договора или заключению нового.

Ключевые слова: суд, наниматель, работник, контракт, продление контракта, заключение нового контракта, разрешение спора

Для цитирования: Скобелев В.П. О материально-правовых и процессуальных последствиях нарушения нанимателем обязанности продлить прежний или заключить новый контракт с работником / В.П. Скобелев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.11 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 127–136.

Skobelev Vladimir Petrovich

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus, s_v_p@tut.by

**ON SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL
RAMIFICATIONS OF THE EMPLOYER'S BREACH
OF THE DUTY TO EXTEND THE PREVIOUS OR CONCLUDE
A NEW CONTRACT WITH THE EMPLOYEE**

Abstract. The author analyses the ramifications of the employer's breach of the duty to extend the previous contract or to conclude a new contract with the employee in the context of the explanations contained in the Resolution of the Supreme Court Plenum of the Republic of Belarus No. 9 of 21 December 2023 'On Application of Legislation by the Courts when Considering Civil Cases on Termination of Employment Contracts'. It is shown that the drafting of this resolution needs to be clarified to full adoption to all requirements of the Labour Code of the Republic of Belarus, and that it is necessary to include there the clarifications how the court should proceed if it is established that the obligation to extend the previous contract or conclude a new one has been violated by the employer.

Keywords: court, employer, employee, contract, contract extension, new contract, dispute resolution

For citation: Skobelev V.P. On Substantive and Procedural Ramifications of the Employer's Breach of the Duty to Extend the Previous or Conclude a New Contract with the Employee. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 127–136 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.11.

Введение. В Республике Беларусь очень широкое распространение получил такой вид срочного трудового договора, как контракт. Вопросам применения контрактной формы найма работников в Трудовом кодексе Республики Беларусь (далее – ТК) посвящена глава 18-1 «Особенности регулирования труда работников, с которыми заключаются контракты» (данная глава была введена в ТК Законом Республики Беларусь от 18 июля 2019 г. № 219-3 «Об изменении законов» и вобрала в себя те положения, которые ранее содержались на уровне иных нормативных правовых актов и прежде всего декретов и указов Президента Республики Беларусь). Для работников, попавших в сферу контрактной формы найма, глава 18-1 ТК предусматривает ряд гарантий, в число которых входит и обязанность нанимателя в определенных случаях продлить или заключить с работником новый контракт. Данная обязанность нанимателями далеко не всегда соблюдается, что обуславливает потребность изучения

материально-правовых и процессуальных последствий нарушения нанимателями указанной особенности.

Определенные исследования на данный счет в белорусской юридической науке были проведены [1–4]. Однако принятие Пленумом Верховного Суда Республики Беларусь постановления от 21 декабря 2023 г. № 9 «О применении судами законодательства при рассмотрении гражданских дел о прекращении трудовых договоров» (далее – Постановление 2023 г. № 9), которое заменило собой постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 29 марта 2001 г. № 2 «О некоторых вопросах применения судами законодательства о труде» и постановление Пленума Верховного Суда Республики Беларусь от 26 июня 2008 г. № 4 «О практике рассмотрения судами трудовых споров, связанных с контрактной формой найма работников» (далее – Постановление 2008 г. № 4), диктует потребность обращения к данной проблематике в очередной раз.

Основная часть. Общие вопросы продления или заключения нового контракта. В ч. 1 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 предусмотрено, что «в целях разрешения вопроса о законности прекращения контракта по истечении срока его действия суду необходимо проверять, соблюдены ли нанимателем положения статей 261-3, 261-5 ТК и локальных правовых актов, содержащие гарантии для работника на продление (заключение нового) контракта». По поводу приведенного разъяснения хотелось бы сделать уточнения следующего плана.

Во-первых, фраза «по истечении срока его действия» дает повод считать, что в указанном разъяснении подразумевается прекращение контракта тогда, когда срок его действия уже истек. Но в этой связи возникает вопрос, о каком именно основании для прекращения контракта идет речь. Кроме того, можно ли в данном случае вообще говорить о прекращении трудовых отношений? Ведь если срок действия контракта истек, а работник не уволен, то в соответствии со ст. 39, ч. 2 ст. 261-4 ТК трудовые отношения будут считаться продолженными на условиях трудового договора, заключенного на неопределенный срок. Лишь исходя из общего контекста ч. 1 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 можно прийти к выводу, что здесь имеется в виду прекращение контракта по п. 2 ч. 2 ст. 35 ТК, а фраза «по истечении срока его действия» употреблена крайне неудачно в смысловом значении «в связи с истечением срока его действия».

Во-вторых, разрешение вопроса о законности прекращения контракта не является конечной целью деятельности судов при рассмотрении дел, которым посвящено Постановление 2023 г. № 9. Такой целью выступает правильное разрешение в целом дела о восстановлении на работе уволенного работника. Поэтому в ч. 1 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 слова «в целях разрешения вопроса о законности прекращения контракта по истечении срока его действия» можно было бы заменить на «в целях правильного разрешения дела о восстановлении на работе работника, уволенного в связи с истечением срока действия контракта».

В-третьих, из буквального содержания ч. 1 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 вытекает, что ст. 261-3, 261-5 ТК в полном объеме посвящены регулированию гарантий интересов работников в продлении, заключении новых контрактов. Между тем в действительности это не так. В ст. 261-3 ТК присутствуют нормы, касающиеся также срока действия контракта (ч. 1), порядка его прекращения (ч. 2, 6), а в ст. 261-5 ТК – нормы об условиях перевода отдельных категорий женщин с бессрочного трудового договора на контракт (ч. 1), порядке определения срока контракта при переводе некоторых категорий работников с бессрочного трудового договора на контрактную форму найма (ч. 4), последствиях досрочного расторжения контракта из-за нарушения нанимателем законодательства о труде, коллективного договора, контракта (ч. 5). Значит, в ч. 1 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 более точно бы написать про «положения частей второй-пятой статьи 261-3, частей второй, третьей статьи 261-5 ТК».

Первое предложение ч. 2 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 подчеркивает: «При этом продление контракта в пределах пятилетнего срока его действия, по общему правилу, осуществляется по соглашению сторон». Тем самым здесь воспроизведено соответствующее предписание из ч. 3 ст. 261-3 ТК, но одновременно с этим добавлено уточнение «по общему правилу», которого нет в ч. 3 ст. 261-3 ТК. Такое уточнение является очень важным, потому что позволяет учесть те случаи, когда для продления действия контракта не требуется достижение его сторонами соглашения. Стоит также заметить, что в определенных случаях соглашение сторон не нужно и для заключения нового контракта, а потому указание на заключение нового контракта тоже стоило бы включить в первое предложение ч. 2 п. 9 Постановления 2023 г. № 9, тем более что во втором предложении ч. 2 и ч. 3 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 упоминанию о продлении действия контракта всегда сопутствуют (в скобках) слова про заключение нового контракта.

Для продления срока действия (заключения нового) контракта соглашение сторон не требуется прежде всего тогда, когда законодательные акты возлагают на нанимателя обязанность продлить (заключить новый) с работником контракт. Примером тому могут служить положения ч. 2, 3 ст. 261-5 ТК. Кроме того, подобная обязанность может быть установлена действующими у нанимателя локальными правовыми актами (прежде всего коллективными договорами, соглашениями), т.к. по смыслу ч. 2 ст. 4, ч. 2, 4 ст. 7, ч. 1 ст. 362 ТК локальные правовые акты могут содержать условия, улучшающие положение работников по сравнению с законодательством о труде.

В связи со сказанным вполне закономерным видится второе предложение ч. 2 п. 9 Постановления 2023 г. № 9: «Наниматель по требованию работника обязан продлить срок действия контракта (заключить новый контракт) только в случаях, прямо установленных законодательством о труде (например, статья 261-5 ТК), либо действующим у нанимателя коллективным договором, согла-

шением». Возражения здесь вызывает только один момент. Из приведенного разъяснения следует, что в соответствующих случаях наниматель обязан продлить срок действия контракта (заключить новый контракт) лишь при наличии требования об этом со стороны работника, т.е. если требование от работника не поступило, то и обязанности продлить срок действия контракта (заключить новый контракт) у нанимателя как бы нет.

Однако на самом деле это не так. Обязанность нанимателя продлить (заключить новый) контракт возникает уже в силу одного только предписания правового акта (нормативного или локального), независимо от того, было заявлено работником требование о продлении (заключении нового) контракта или же нет. Причем поскольку принудительный труд запрещен, необходимым условием исполнения нанимателем данной обязанности является получение согласия работника (именно по этой причине в ч. 2, 3 ст. 261-5 ТК говорится про согласие работника).

Если в соответствующих случаях работник заявляет требование о продлении (заключении нового) контракта, то отдельно указанное согласие от работника получать не нужно, потому что заявленное работником требование – это и есть его согласие на продление (заключение нового) контракта. Но если требование о продлении (заключении нового) контракта работником не заявлено, то нанимателю следует самому предложить работнику продлить или заключить новый контракт и при условии получения на это согласия работника продолжить с ним трудовые отношения.

С учетом сделанных замечаний полагаем, что второе предложение ч. 2 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 могло бы иметь такую редакцию: «Соглашение сторон о продлении (заключении контракта) не требуется, когда законодательством о труде (например, статьей 261-5 ТК) или действующими у нанимателя локальными правовыми актами предусмотрена обязанность нанимателя продлить (заключить новый) контракт. Необходимым условием исполнения нанимателем данной обязанности является получение от работника согласия на продление (заключение нового) контракта, которое может быть выражено в форме адресованного работником нанимателю требования продлить действующий или заключить новый контракт».

Продление или заключение нового контракта с добросовестным работником. В первом предложении ч. 3 п. 9 Постановления 2023 г. № 9 внимание судов обращено на то, что на основании п. 3 ч. 3 ст. 261-5 ТК продлить срок действия контракта (заключить новый контракт) наниматель обязан только с работником, добросовестно работающим и не допускающим нарушений производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины. А далее разъяснено, кого можно относить к такого рода работникам: «К ним, в частности, могут быть отнесены работники, не имеющие не снятого или не погашенного в установленном порядке дисциплинарного взыскания и не подвергавшиеся другим мерам, предусмотренным частью четвертой статьи 198 ТК

(например, лишение премий, изменение времени предоставления трудового отпуска), выполняющие трудовые обязанности в соответствии с предъявляемыми к данной работе требованиями, соблюдающие должностные инструкции, а также не допускающие действий, препятствующих другим работникам выполнять их трудовые обязанности».

Нужно заметить, что в ТК тоже содержится предписание о том, кого следует считать работником, не допускающим нарушений производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, – работника, у которого на дату продления, заключения контракта не имеется не снятого или не погашенного в установленном порядке дисциплинарного взыскания (ч. 5 ст. 261-3 ТК). Единственно, в п. 3 ч. 3 ст. 261-5 ТК написано, что работник должен быть не только «не допускающим нарушений производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины», но и «добросовестно работающим». Но это дополнительное указание про добросовестность работы, на наш взгляд, не должно приводить к кардинальному различию в требованиях, предъявляемым к работникам, указанным в ч. 3-5 ст. 261-3 ТК и указанным в п. 3 ч. 3 ст. 261-5 ТК, потому что и ч. 3-5 ст. 261-3 ТК, и п. 3 ч. 3 ст. 261-5 ТК посвящены одному и тому же вопросу – гарантиям интересов работников при продлении (заключении новых) контрактов. Безусловно, гарантии, закрепленные в п. 3 ч. 3 ст. 261-5 ТК, является более высокими, нежели предусмотренные в ч. 3-5 ст. 261-3 ТК (п. 3 ч. 3 ст. 261-5 ТК устанавливает для нанимателя обязанность продлить или заключить новый контракт, а ч. 3-5 ст. 261-3 ТК – лишь обязанность руководствоваться определенным сроком при продлении или заключении нового контракта). Тем не менее, это не повод для того, чтобы кардинально ранжировать работников в плане предъявляемых к ним требований.

Однако второе предложение ч. 3 п. 9 Постановления 2023 г. № 9, по сравнению с ч. 5 ст. 261-3 ТК, предусматривает для работников крайне завышенные, а в определенной части и трудно доказуемые требования (в этом плане весьма показательным то, что подобного разъяснения не было в Постановлении 2008 г. № 4). Например, что может выступать критерием того, что работник выполняет трудовые обязанности в соответствии с предъявляемыми к данной работе требованиями, соблюдает должностные инструкции? Очевидно, что самый надежный критерий – это отсутствие примененных к работнику дисциплинарных взысканий и иных мер воздействия. Но про отсутствие дисциплинарных взысканий и иных мер воздействия отдельно говорится во втором предложении ч. 3 п. 9 Постановления 2023 г. № 9.

Получается, что соблюдение указанного требования (работник выполняет трудовые обязанности в соответствии с предъявляемыми к данной работе требованиями, соблюдает должностные инструкции) подразумевает нечто иное. Но такой подход дает нанимателям возможность использовать, по сути, ничем

не ограниченное усмотрение в решении вопросов о продлении (заключении новых) контрактов, а суды, равно как и участники судебных споров, ставит в затруднительное положение относительно того, какие именно факты следует включать в предмет доказывания по делу и с помощью каких средств доказывания их можно доказать.

Аналогичного рода проблемы способно создать и такое предъявляемое к работникам требование, упомянутое во втором предложении ч. 3 п. 9 Постановления 2023 г. № 9, как «не допускающие действий, препятствующих другим работникам выполнять их трудовые обязанности». Ведь под действиями, препятствующими другим работникам выполнять их трудовых обязанности, при желании можно подвести самый широкий спектр проявлений в поведении работника. Так, если преподаватель по ошибке зашел не в ту аудиторию, в которой у него должно проходить занятие, то можно сказать, что тем самым он создал препятствие для выполнения трудовых обязанностей тому преподавателю, у которого в данной аудитории по расписанию занятие должно быть. Аналогичное препятствие можно усмотреть и тогда, когда преподаватель, увлекшись проведением занятия, задержался в аудитории вместе с обучающимися дольше положенного времени.

Как суду надлежит разрешать спор? Однако самый главный вопрос, на который не дает ответа п. 9 Постановления 2023 г. № 9, заключается в том, как должен поступить суд, если в ходе рассмотрения дела будет установлено, что в нарушение законодательства о труде или локальных правовых актов наниматель не продлил (не заключил новый) контракт и уволил работника по п. 2 ч. 2 ст. 35 ТК. Для ответа на данный вопрос нужно обратить внимание на норму ч. 6 ст. 261-3 ТК: «Контракт прекращается в связи с истечением срока его действия, если ... настоящим Кодексом (статья 261-5) или иными законодательными актами не установлена обязанность нанимателя продлить срок действия контракта, заключить новый контракт». Отсюда следует, что если на нанимателе лежит обязанность продлить срок действия контракта или заключить новый контракт, то само по себе истечение срока первоначального контракта не ведет к прекращению трудовых отношений между работником и нанимателем. Если в такой ситуации работник был нанимателем все же уволен, то работник имеет право требовать восстановления на работе, а суд такое требование обязан удовлетворить.

Вместе с тем здесь надо учитывать один очень важный нюанс. Ведь выносить решение о восстановлении работника на работе имеет смысл только тогда, когда к моменту разрешения спора срок действия трудовых отношений не истек и имеется определенный «запас» этого действия. Но вся проблема заключается в том, что в анализируемой ситуации срок действия трудовых отношений (т.е. срок продления действия контракта или срок действия нового контракта) не известен (не определен), потому что продление контракта (заключение нового контракта) не состоялось.

Из какого же срока действия трудовых отношений тогда суду исходить, разрешая вопрос о целесообразности восстановления работника на работе? Думается, что суду следует ориентироваться на те минимально допустимые сроки продления контракта (сроки заключения нового контракта), которые оговорены в ч. 2, 3 ст. 261-5 ТК:

«Срок действия контракта с беременной женщиной с ее согласия продлевается на период беременности либо иной срок по соглашению сторон. Наниматель с согласия работника обязан продлить срок действия контракта либо заключить новый контракт:

1) с работающей женщиной, находящейся в отпуске по беременности и родам, матерью (отцом ребенка вместо матери, опекуном), находящейся в отпуске по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, – на срок не менее чем до окончания указанных отпусков;

2) с работающей матерью (отцом ребенка вместо матери, опекуном), приступившей к работе до или после окончания отпуска по уходу за ребенком до достижения им возраста трех лет, – на срок не менее чем до достижения ребенком возраста пяти лет;

3) с работником, добросовестно работающим и не допускающим нарушений производственно-технологической, исполнительской и трудовой дисциплины, которому до достижения общеустановленного пенсионного возраста остается не более двух лет, – не менее чем до достижения указанного возраста».

Правда, при таком подходе может возникнуть новая проблема: при исчислении срока трудовых отношений с учетом положений ч. 2, 3 ст. 261-5 ТК может оказаться, что срок продления контракта (срок нового контракта) составляет менее одного года, в то время как согласно ч. 3, 4 ст. 261-3 ТК срок продления контракта (срок нового контракта) не может быть менее одного года, а в определенных случаях – менее трех лет. Какими тогда нормами суду руководствоваться – ч. 2, 3 ст. 261-5 ТК или ч. 3, 4 ст. 261-3 ТК?

Кроме того, обязанность нанимателя продлить (заключить новый) контракт может быть установлена локальным правовым актом, причем в такой форме, которая не позволяет суду точно определить тот минимально возможный срок, на который трудовые отношения между работником и нанимателем должны считаться продолженными (например, локальный правовой акт может гласить: «с работниками, проработавшими на предприятии не менее 15 лет, наниматель обязан продлить контракт или заключить новый контракт»). В подобной ситуации суду нужно исходить из максимального или минимального сроков продления (заключения нового) контракта, установленных ч. 1, 3, 4 ст. 261-3 ТК? Ответ на данный и поставленный выше вопросы относительно порядка исчисления судом срока, на который трудовые отношения должны считаться продолженными, хотелось видеть непосредственно в Постановлении 2023 г. № 9.

В результате разрешения судом вопроса о целесообразности восстановления работника на работе должны наступать следующие последствия. Так, если суд посчитает возможным восстановить работника на работе, то вместе с решением об удовлетворении иска суд также должен вынести частное определение, в котором нужно предписать нанимателю надлежащим образом оформить трудовые отношения с работником (продлить действие контракта или заключить новый контракт), но при этом без указания конкретного срока таких отношений (срок продления контракт или срок нового контракт будет определиться самими сторонами с учетом положений законодательства о труде и локальных правовых актов).

Если же восстановление работника на работе ввиду завершения срока трудовых отношений будет нецелесообразно, то суд тогда должен своим решением отказать работнику в восстановлении на работе, но одновременно с этим признать увольнение работника незаконным, признать, что работник считается восстановленным на работе до окончания срока трудовых отношений (т.е. до окончания того срока, на который должен был быть продлен контракт или заключен новый контракт), обязать нанимателя изменить дату увольнения работника на дату истечения срока трудовых отношений и обязать нанимателя выплатить работнику средний заработок за время его вынужденного прогула (за период со дня незаконного увольнения до дня окончания срока трудовых отношений).

Заключение. Проведенное исследование показывает, что положения Постановления 2023 г. № 9 необходимо уточнить и привести их в соответствие в предписаниями ТК, а также что в Постановление 2023 г. № 9 требуется включить разъяснения относительно того, каким образом суд должен поступить, если будет установлено, что обязанность продлить прежний или заключить новый контракт с работником нанимателем не была соблюдена, в частности, из какой продолжительности срока продления прежнего (срока действия вновь заключаемого) контракта суду следует исходить и в каких случаях суду нужно удовлетворять иск работника, а в каких – отказывать, но с одновременным возложением на нанимателя ряда обязанностей (изменить дату увольнения работника, выплатить работнику средний заработок за время вынужденного прогула и пр.).

Список источников

1. Томашевский К.Л. Научно-практический комментарий к законодательству о трудовых контрактах / К.Л. Томашевский, А.А. Войтик. – Минск : ООО «Дикта», 2003. – 670 с.
2. Томашевский К.Л. Трудовые контракты: заключение, продление, прекращение: с учетом Декрета Президента Республики Беларусь от 28 мая 2008 г. № 9 и Закона Республики Беларусь от 20 июля 2007 г. № 272-3: комментарии, образцы документов, нормативные правовые акты / К.Л. Томашевский, А.А. Войтик. – 4-е изд., перераб. и доп. – Минск : Дикта, 2009. – 142 с.

3. Томашевский К.Л. Срочные трудовые договоры (контракты) как одна из причин прекаризации рынка труда Беларуси / К.Л. Томашевский // Юстиция Беларуси. – 2019. – № 10. – С. 29–31.

4. Соколовская А. Рассмотрение трудовых споров о контрактной форме найма в свете дополнений, внесенных в Трудовой кодекс / А. Соколовская // Судовы веснік. – 2020. – № 3. – С. 4–9.

References

1. Tomashevsky K.L., Voytik A.A. Scientific and Practical Commentary to the Legislation on Labour Contracts. Minsk, Dikta, 2003. 670 p.

2. Tomashevsky K.L., Voytik A.A. Labour Contracts: Conclusion, Prolongation, Termination: Taking into Account the Decree of the President of the Republic of Belarus of 28 May 2008 No. 9 and the Law of the Republic of Belarus of 20 July 2007 No. 272-Z: Comments, Samples of Documents, Normative Legal Acts. 4th ed., Minsk, Dikta, 2009. 142 p.

3. Tomashevsky K.L. Fixed-Term Employment Agreements (Contracts) as One of the Causes of Precarization of the Labor Market of Belarus. *YUsticiya Belorussii = Justice of Belarus*, 2019, no. 10, pp. 29–31.

4. Sokolovskaya A. Consideration of Labour Disputes on the Contractual Form of Employment in the Light of Additions Made to the Labour Code. *Sudovy Vesnik = Судовы веснік*, 2020, no. 3, pp. 4–9.

Информация об авторе

Скобелев Владимир Петрович – кандидат юридических наук, доцент, заместитель декана по учебной работе и образовательным инновациям юридического факультета

Information about the Author

Skobelev Vladimir Petrovich – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Deputy Dean for Academic Affairs and Educational Innovations of the Faculty of Law

Статья поступила в редакцию 31.05.2025; одобрена после рецензирования 11.06.2025; принята к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 31.05.2025; approved after reviewing 11.06.2025; accepted for publication 18.06.2025

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

CRIMINAL PROCEEDING

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.12

Тучков Ярослав Владимирович

Академия управления МВД России, Москва, Россия,

yaroslav.tuchkov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5298-698X>

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА НАЧАЛА ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Аннотация. В публикации рассматривается один из наиболее актуальных институтов досудебного уголовного производства, связанный с возбуждением уголовного дела, который характеризуется сегодня значительным количеством нарушений прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовный процесс и требующий соответствующего разрешения и разработки качественных мер, направленных на устранение таких нарушений. Цель: рассмотреть и обосновать значимость, целесообразность и возможность реформирования в современных цифровых условиях действующего процессуального порядка стадии возбуждения уголовного дела. Методы: положения материалистической диалектики, теория познания и общая теория уголовного процесса. В ходе исследования использовались общенаучные и частно-научные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, научный прогноз, описание, контент-анализ, формально-правовой, сравнительно-правовой и статистический методы. Результаты: исследование позволило разработать процессуальную модель, согласно которой, по поступившему сообщению, заявлению о преступлении следователь, дознаватель, орган дознания начинают производство по уголовному делу. Указанное требует пересмотра действующего института «возбуждение уголовного дела» путем трансформации его в институт «начало производства по уголовному делу».

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, досудебное производство, процессуальная форма, сообщение о преступлении, следователь, цифровизация

Для цитирования: Тучков Я.В. Процессуальная форма начала производства по уголовным делам в условиях цифровизации общественных отношений / Я.В. Тучков. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.12 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 137–153.

Tuchkov Yaroslav Vladimirovich

Academy of Management of the Ministry of Internal

Affairs of Russia, Moscow, Russia,

yaroslav.tuchkov@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0008-5298-698X>

THE PROCEDURAL FORM OF CRIMINAL PROCEEDINGS' INITIATION IN DIGITAL PUBLIC RELATIONS

Abstract. The paper examines one of the most relevant institutions of pre-trial criminal proceedings related to the initiation of criminal case, which is characterised by a significant number of the rights' violations and legitimate interests of persons involved in the criminal process, and demand the resolution and the development of high-quality measures aimed at eliminating such violations. Purpose: to consider and justify the importance, expediency and possibility of reforming the current procedural order for the initiation of criminal proceedings in modern digital conditions. Methods: the principles of materialistic dialectics, the theory of knowledge and the general theory of criminal procedure. The research used general scientific and private scientific methods: analysis, synthesis, deduction, induction, scientific prediction, description and content analysis, formal legal, comparative legal and statistical methods. Results: the study made it possible to develop a procedural model, based on which, when a report is received, an investigator, an inquirer, or an inquiry body begin criminal proceedings. This requires a review of the current institution of «initiation of criminal proceedings» and its transformation into the institution of «commencement of criminal proceedings».

Keywords: criminal proceedings, pre-trial proceedings, procedural form, crime report, investigator, digitalisation

For citation: Tuchkov Ya.V. The Procedural Form of Criminal Proceedings' Initiation in Digital Public Relations. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, № 2, pp. 137–153 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.12.

Введение. За более чем 20-летний период действия российского уголовно-процессуального закона сегодня уверенно можно сказать, что часть его институтов, в частности, досудебного производства (стадия возбуждения уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого, дознание в сокращенной форме) не соответствуют реалиям развития современного российского общества, что влечет за собой длительность сроков расследования преступлений, нарушение прав пострадавших на их доступ к правосудию и ряд других нарушений прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства,

что в результате негативно сказывается на деятельности его властных субъектов, а также в целом на реализации его назначения.

Указанное, безусловно, требует соответствующего изучения и разработки современных предложений, которые будут направлены на устранение данных негативных обстоятельств. Сегодня такой мерой может стать изменение уголовно-процессуальной формы обычных (ординарных) производств по уголовным делам путем их цифровой трансформации.

Современное состояние, проблемы и пути совершенствования процессуального порядка начала производства по уголовным делам. В доктрине уголовно-процессуального права под обычными (ординарными) производствами по уголовным делам принято понимать те производства или «стадии, без прохождения которых (стадия возбуждения уголовного дела, предварительное расследование, судебное разбирательство) или без предоставления права, на которые (апелляция) уголовное дело не может быть разрешено по существу, а приговор постановлен и вступить в силу» [1, с. 69].

В этом направлении, в первую очередь, стоит начать именно с цифровизации стадии возбуждения уголовного дела, являющейся основополагающей в нынешнем досудебном производстве, а в определенной степени и началом производства по уголовному делу, где таковым моментом выступает факт приема и регистрации сообщения, заявления о преступлении, что более подробно было раскрыто в диссертационном исследовании В.А. Крымова [2], с позицией которого следует согласиться.

Свидетельством того, что стадия возбуждения уголовного дела является самостоятельным производством по уголовному делу, выступает наличие таких компонентов: ее процессуальная форма, решение специфических задач, круг участников, процессуальные сроки, наличие пределов в части доказывания, что выражено в проведении ограниченного перечня следственных и иных процессуальных действий, а также границы уголовно-процессуальной деятельности, которые связаны с получением первичной информации и вынесением соответствующего процессуального решения по результатам ее проверки.

Стоит подчеркнуть, что указанные компоненты на протяжении достаточно длительного промежутка времени подвергаются существенной критике [3; 4; 5; 6], что подтверждает факт того, что рассматриваемая стадия сегодня требует соответствующего преобразования путем ее кардинального изменения.

Так, говоря кратко об основных проблемах стадии возбуждения уголовного дела (начала производства по уголовному делу), следует отметить:

– избыточность и заформализованность процедур учетно-регистрационной деятельности, влекущих за собой затягивание в принятии решения относительно наличия основания для возбуждения уголовного дела, а также неоднократные прерывания путем отказа в возбуждении уголовного дела и последующего возобновления проверочных действий по сообщению, заявлению о преступлении, что в дальнейшем, как отмечает Конституционный

Суд Российской Федерации «приводит к нарушению разумного срока рассмотрения уголовного дела и ограничению доступа потерпевших к правосудию»¹;

– неоднократный рост количества вынесенных постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела с 1,3 млн в 1992 г. до 4,5 млн в 2006 г. и 6,4 млн в 2024 г. при одновременном снижении возбужденных уголовных дел за указанный период с 3,3 млн в 2006 г. до 1,5 млн дел в 2024 г. (таблица № 1). При этом, значительная часть таких решений прокурорами ежегодно признается незаконными или необоснованными и отменяется, что в итоге затрачивает труд многочисленного числа сотрудников правоохранительных органов и ряд других негативных последствий, на что также в своих работах неоднократно указывал профессор Б.Я. Гаврилов [7, с. 78];

Таблица № 1

**Статистические данные о количестве возбужденных уголовных дел
и «отказных материалов» за 1992, 2006, 2022-2025 гг.²**

	1992	2006	2015	2022	2023	2024
Всего зарегистрировано сообщений о преступлениях, млн	6,4	10,7	12,2	11,9	11,8	12,1
Возбуждено уголовных дел, млн	2,8	3,3	1,9	1,6	1,6	1,5
Количество (без повторных) «отказных» материалов, млн	1,3	4,5	6,8	6,0	6,2	6,4

– значительное число нарушений закона при приеме, регистрации и рассмотрении сообщений, заявлений о преступлении со стороны властных субъектов уголовного судопроизводства, которое, начиная с 2016 г., ежегодно составляет более 3 млн³;

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Запорожец Л.М. на нарушение ее конституционных прав ч. 6 ст. 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 17.10.2006 № 425-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Форма: «4-Е». Сборник по России «О результатах работы органов внутренних дел Российской Федерации по обеспечению учетно-регистрационной дисциплины за 1992, 2006, 2015, 2022–2024 гг.».

³ Результаты деятельности органов прокуратуры Российской Федерации [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура Российской Федерации : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/statistics/office/result> (дата обращения: 09.03.2025).

– подмена юридического понятия следственного действия, когда фактически вместо проверки сообщения, заявления о преступлении осуществляется расследование преступления, например, сотрудники правоохранительных органов, проникая в жилище, проводят в нем обыск, подменяя данное следственное действие осмотром места происшествия.

У невластных участников уголовного процесса в данных обстоятельствах отсутствует процессуальный статус (совокупность прав и обязанностей), а вместе с ним и необходимый объем процессуальных гарантий, что в итоге нарушает их права и законные интересы, о чем также неоднократно высказывался Б.Я. Гаврилов [8, с. 4], Е.С. Канатов [9, с. 527]. Например, невозможность лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, на этапе проверки сообщения, заявления о преступлении ознакомиться с постановлением о назначении экспертизы, а затем и заключением эксперта. Подобное нарушение повлекло обращение гражданина И.О. Песоцкого в Конституционный Суд Российской Федерации⁴, который указал на ограничение своих прав, однако в принятии заявления ему было отказано.

Тем не менее, при таком многообразии негативных факторов стадии возбуждения уголовного дела все же имеется значительная часть ученых-процессуалистов [1, с. 463; 10; 11, с. 150], полагающих, что данная проблема необоснованно «раздута» и ратующих за ее сохранение в том виде, в котором она представлена в современном российском уголовно-процессуальном законе. Они обосновывают свою позицию тем, что данная стадия является неким «фильтром», не допускающим проведения предварительного расследования в отсутствии установленных и подтвержденных данных о наличии в деянии признаков преступления; гарантией, которая обеспечивает стабильное функционирование уголовно-процессуального механизма в части рассмотрения сообщений о преступлении; наиболее экономной для государственного бюджета, чем ее отсутствие и т.д.

Их в принципе поддерживает и та часть представителей научного сообщества, по мнению которых, принятие решения о ликвидации стадии возбуждения уголовного дела видится излишне категоричным, соглашаясь при этом с тем, что та форма, в которой данная стадия существует в настоящее время, не в полной мере соответствует потребностям общества и правоприменительной практике [12, с. 111].

⁴ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Песоцкого И.О. на нарушение его конституционных прав ч. 3 и 4 ст. 195, ч. 1 ст. 198, ч. 1 ст. 205р и ч. 1 ст. 206 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, п. 13, подпунктом «а» п. 14 и подпунктом «а» п. 15 ст. 3 Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях совершенствования прав потерпевших в уголовном судопроизводстве»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 22.09.2022 № 2098-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Учитывая представленные выше статистические данные, правоприменительную практику, позицию ученых-процессуалистов, все же очевидно, что на сегодняшний день основной причиной нарушения прав и свобод участников уголовного процесса при принятии, проверке и регистрации сообщения, заявления о преступлении является именно сама стадия возбуждения уголовного дела, а точнее несовершенство ее процессуальной формы, влекущей за собой ряд негативных обстоятельств, отмеченных выше по тексту и основанных на приведенных выше многочисленных публикациях по данной проблеме.

Возникает вопрос: неужели наличие указанных выше проблем недостаточно, чтобы законодатель наконец принял решение о реорганизации стадии возбуждения уголовного дела в самостоятельный уголовно-процессуальный институт «начало производства по уголовному делу» с установлением его процессуальной формы, которая будет соответствовать современному состоянию уголовно-процессуального законодательства, сегодняшним реалиям развития российского общества и научно-технического прогресса, а также реализации назначения уголовного судопроизводства?

Таким образом, представляется, что стадия возбуждения уголовного дела требует коренного переосмысления в сторону ее упразднения, на смену которой должно прийти «начало производства по уголовному делу», что отмечалось еще в Концепции судебной реформы РСФСР 1991 г.⁵ и в Дорожной карте дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации⁶ 2012 г. В перспективе реформирование стадии возбуждения уголовного дела должно минимизировать случаи принятия необоснованных, незаконных решений при приеме и регистрации сообщений, заявлений о преступлении и исключить другие ее проблемы, а также повысить эффективность, доступность и открытость российского уголовного судопроизводства на начальном этапе расследования преступлений.

Реализовать эту задачу возможно посредством цифровизации уголовного процесса, для чего предлагается изменить нынешнюю процессуальную форму возбуждения уголовного дела за счет признания началом производства по уголовному делу факт приема и регистрации сообщения, заявления о преступлении без вынесения постановления о возбуждении уголовного дела путем использования электронно-цифровых систем. Указанное видится перспективной и реально достижимой задачей в современных условиях.

⁵ О Концепции судебной реформы в РСФСР : Постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁶ Дорожная карта дальнейшего реформирования органов внутренних дел Российской Федерации 2012 г. [Электронный ресурс] // Юридический институт СФУ : сайт. URL: [https://law.sfu-kras.ru/attachments/article/2495/Dorozhnaja%20karta%20\(4\)%20\(1\).pdf](https://law.sfu-kras.ru/attachments/article/2495/Dorozhnaja%20karta%20(4)%20(1).pdf) (дата обращения: 10.03.2025).

Обращая внимание на процессуальную форму возбуждения уголовного, как процессуального порядка, следует констатировать, что на сегодняшний день она представлена следующими этапами:

- принятие сообщения, заявления о преступлении и его регистрация;
- проверка компетентным должностным лицом поступившего сообщения, заявления о преступлении;
- принятие решения по поступившему сообщению, заявлению о преступлении, выражающееся в вынесении следователем, дознавателем постановления о возбуждении уголовного дела, об отказе в его возбуждении или передаче сообщения по подследственности или подсудности.

1. Модернизация первого этапа действующего процессуального порядка возбуждения уголовного дела, включающего в себя принятие сообщения, заявления о преступлении и его регистрацию, связана с созданием Единого реестра досудебных производств (далее – ЕРДП), что было предложено автором ранее в ходе исследования опыта стран постсоветского пространства относительно оптимизации уголовно-процессуальной формы производств по уголовным делам в условиях цифровизации общественных отношений [13, с. 34–35]. В данный реестр следователем, дознавателем, органом дознания после получения информации, содержащейся в заявлении, представленном в устной, письменной форме, явке с повинной, ином сообщении о преступлении или постановлении прокурора о направлении соответствующих материалов в орган предварительного расследования для решения вопроса об уголовном преследовании, то есть поводах для начала производства по уголовному делу незамедлительно и в обязательном порядке будут регистрироваться указанные сведения с последующим присвоением номера уголовному делу, и после чего будет начинаться расследование преступления.

Следовательно, потребуется исключение из УПК РФ части второй статьи 140 (основания для возбуждения уголовного дела) и признания за поводами, указанными в части первой данной статьи, совокупности достаточности к началу производства по уголовному делу данных, указывающих на признаки преступления, при отсутствии обстоятельств, исключающих преступность деяния.

Наряду с этим за стартовый момент производства по уголовному делу предлагается рассматривать проведение незамедлительного следственного действия, под которым следует понимать следственное или иное процессуальное действие по установлению и закреплению следов преступления или же применение меры процессуального принуждения в виде задержания лица по подозрению в его совершении следователем, дознавателем, органом дознания до регистрации заявления, сообщения о преступлении в ЕРДП. Одновременно с этим указанные должностные лица обязаны принять меры к регистрации повода к началу производства по уголовному делу в ЕРДП.

Вместе с этим незамедлительно с момента внесения данных сведений следователем или дознавателем, принявшим уголовное дело к своему произ-

водству, заявителю будет выдаваться выписка из данного реестра или при наличии технической возможности она будет направляться ему в электронном виде, в том числе в форме электронного документа в личный кабинет Единого портала государственных и муниципальных услуг (далее – портал Госуслуги) о начале производства по уголовному делу и признании его потерпевшим.

Кроме этого, в случае реорганизации стадии возбуждения уголовного дела в «начало производства по уголовному делу» необходимо окончательно разрешить вопрос включения в число участников уголовного судопроизводства заявителя, то есть субъекта уголовного процесса, инициирующего производство по уголовному делу, процессуальный статус которого устанавливается в ходе расследования преступления. Им может быть:

- физическое лицо, например, потерпевший, свидетель, подозреваемый (лицо, явившееся с повинной);
- юридическое лицо (представитель, осуществляющий права такого лица и сообщивший о преступлении (ч. 9 ст. 42 УПК РФ));
- должностное лицо (оперуполномоченный, направивший рапорт об обнаружении признаков преступления, прокурор и др.).

Следует подчеркнуть, что заявитель не синоним потерпевшего, свидетеля или подозреваемого, так как данные статусы могут быть установлены как при регистрации заявления, сообщения о преступлении в Едином реестре досудебных производств, так и в ходе расследования преступления. Основными правами, которыми наделяется заявитель – это право на получение информации о принятом следователем, дознавателем, органом дознания решении о рассмотрении поданного заявления, сообщения о преступлении; на участие в следственных и иных процессуальных действиях, проводимых в ходе проверки сообщения о преступлении и ознакомление с их постановлениями и протоколами с возможностью внесения в них заявлений, замечаний, включения вопросов при назначении экспертизы, в том числе ознакомление с ее заключением; на ознакомление в целом с материалами проверки, а также возможность обжалования действий (бездействия) должностных лиц в рассматриваемой части прокурору либо в суд. При этом заявитель в обязательном порядке обязуется не распространять заведомо ложную информацию, уголовная ответственность за что предусмотрена ст. 306 УК РФ.

Помимо этого, надзирающему прокурору незамедлительно в личном кабинете ЕРДП также будет приходить уведомление о начале производства по уголовному делу с уже имеющейся информацией о совершенном преступлении (статистическая карточка № 1 на выявленное преступление) для проверки законности принятого следователем, дознавателем, органом дознания решения.

II. Говоря о втором этапе действующих процессуальных правил возбуждения уголовного дела, заключающегося в проверке поступившего сооб-

щения, заявления о преступлении компетентным должностным лицом, то есть о процессуальной («доследственной») проверке, следует отметить, что в ее содержании имеет место ряд нарушений прав и законных интересов лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, что подтверждается положениями, высказанными ранее.

Вместе с этим в Докладе о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации профессора Т.Н. Москальковой за 2024 г. указывается, что по мнению большинства обратившихся к Уполномоченному заявителей, органы предварительного расследования затягивают сроки проверки о совершенном в отношении заявителей преступлении, чем нарушаются их права на своевременный доступ к правосудию (358 жалоб содержали сведения о проведении доследственных проверок до 1 года, 97 обращений свыше 1 года, в 34 случаях – свыше 3 лет, по 12 жалобам – свыше 5 лет)⁷. В связи с чем профессор Т.Н. Москалькова закономерно в своем докладе включает в перечень актуальных вопросов защиты прав человека в уголовном процессе «изменение существующего порядка возбуждения уголовного дела». Представленные Уполномоченным по права человека сведения о значительно высоких сроках «доследственной» проверки нарушают не только право на своевременный доступ к правосудию, но и подрывают доверие населения ко всей правоохранительной системе.

При этом следует подчеркнуть, что уголовно-процессуальное законодательство допускает возможность непроведения процессуальных действий в ходе «доследственной» проверки при наличии явных признаков преступления в совершенном деянии, то есть возбуждение уголовного дела возможно и на основе рассмотрения лишь заявления о преступлении, а «указанная в постановлении о возбуждении уголовного дела квалификация содеянного может рассматриваться лишь в качестве предварительной»⁸, о чем также неоднократно высказывался в своих определениях Конституционный Суд Российской Федерации.

В связи с данной оценкой правового содержания постановления о возбуждении уголовного дела представитель науки уголовно-процессуального права профессор Л.В. Головкин, выступающий за сохранение стадии возбуждения уголовного дела, также допускает, что «вывод о наличии преступления при принятии решения о возбуждении уголовного дела носит вероятностный характер»,

⁷ Доклад «О деятельности уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» за 2024 г. [Электронный ресурс] // Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации : сайт. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 15.05.2025).

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иваницкого Е.В. на нарушение его конституционных прав положениями п. 1 ч. 2 ст. 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и др. : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 26.03.2019 № 654-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

не требующий достоверного установления наличия преступления и всех обстоятельств его совершения на данной стадии, а необоснованное промедление с принятием процессуального решения и вовсе способно повлечь за собой утрату или сокрытие следов преступления, а также утерю доказательств [1, с. 484].

В таком случае, какой смысл сегодня в данном «бюрократическом барьере», затягивающим начало расследования преступления путем формального принятия решения о возбуждении уголовного дела, что приводит к утрате доказательств, осуществлению «двойной работы», а также создает риски как необоснованного возбуждения уголовных дел, так и наоборот, необоснованного отказа в их возбуждении, что в итоге не позволяет в должной мере реализовывать назначение уголовного судопроизводства, предусмотренное ст. 6 УПК РФ.

В связи с этим, ведя речь об этапе проверки поступившего сообщения, заявления о преступлении, следует сказать, что в случае создания института «начало производства по уголовному делу» по большей части данный этап будет ликвидирован в силу того, что после внесения сведений в ЕРДП либо проведения незамедлительного следственного действия будет начинаться расследование преступления в форме предварительного следствия или дознания с проведением любых предусмотренных УПК РФ следственных и иных процессуальных действий и приданием статуса участникам уголовного процесса.

Положительным свойством данного механизма выступает:

- оперативность начала производства по уголовному делу и возможность проведения всего спектра следственных и иных процессуальных действий (допросы, обыски, выемки и ряд других), предусмотренных УПК РФ;

- придание лицам, вовлекаемым в уголовный процесс, процессуального статуса в соответствии с нормами УПК РФ, например, подозреваемому (при наличии оснований, предусмотренных ст. 46 УПК РФ), что позволяет ему защищаться законными способами и методами, а не находиться в положении «заподозренного» или заявителю – потерпевшему, не имеющему сегодня по сути дела никаких процессуальных прав и гарантий на рассматриваемой стадии уголовного процесса. Тем самым замена процедуры проверки сообщения, заявления о преступлении на процессуальные правила начала его расследования обеспечит более полное соблюдение прав участников уголовного судопроизводства (право на защиту, на ознакомление с постановлением о назначении судебной экспертизы и др.);

- сокращение сроков расследования преступления и минимизация случаев, когда потерпевшие, ожидая годами начала производства по уголовному делу, сталкиваются с различными негативными явлениями в сфере правосудия.

Однако отмечается, что полностью отказаться от проверочных действий на этапе принятия, регистрации и рассмотрения сообщения, заявления о преступлении не представляется возможным, что вызвано неспособностью абсолютно во всех случаях сразу же установить наличие достаточных данных, указывающих

на признаки преступления. Вследствие чего «должностное лицо обязано принять меры к проверке и пополнению имеющихся данных» [14, с. 18].

Исходя из этого, в ЕРДП должны регистрироваться лишь поводы к началу производства по уголовному делу, а сообщения, например, поданные посредством телефонного звонка «02» должны проходить через соответствующую процессуальную проверку в соответствии со ст. 144 УПК РФ (в срок до десяти суток с возможностью продления по мотивированному ходатайству до тридцати суток следователем у руководителя следственного органа, дознавателем у прокурора) и лишь после подтверждения наличия в деянии признаков преступления регистрироваться в ЕРДП. Представляется, что тридцатидневный срок далее не подлежит продлению и в случае неустановления достаточных данных, явно свидетельствующих об отсутствии в поводах к началу производства по уголовному делу признаков преступления, или подтверждения в деянии признаков преступления должностное лицо обязано зарегистрировать соответствующий повод для начала производства по уголовному делу в ЕРДП и начать расследование преступления.

В случае установления по результатам проверки сообщения о преступлении сведений, явно свидетельствующих об отсутствии в поводе к началу производства по уголовному делу признаков преступления, руководитель следственного органа, следователь выносят постановление, а дознаватель, орган дознания представляет рапорт о прекращении проверки сообщения о преступлении, который подлежит согласованию с начальником органа дознания. Указанное решение может быть обжаловано в порядке, установленном статьями 124 и 125 УПК РФ.

Прокурор, признав незаконным или необоснованным решение указанных должностных лиц относительно прекращения проверки сообщения о преступлении, в срок не позднее 5 суток с момента получения соответствующих материалов выносит об этом постановление и направляет материалы руководителю следственного органа или начальнику органа дознания для производства предварительного расследования.

III. Заключительный этап действующего процессуального порядка возбуждения уголовного дела представлен в принятии решения по поступившему сообщению, заявлению о преступлении, которое выражается в вынесении постановления о возбуждении уголовного дела или об отказе в его возбуждении следователем, дознавателем и др.

Очевидно, что после реформирования описанных двух этапов возбуждения уголовного дела, третий будет ликвидирован путем упразднения вынесения процессуального акта в виде постановления о возбуждении уголовного дела, свидетельствующем о начале расследования, вместо которого началом производства будет являться факт внесения сведений о преступлении, то есть регистрация повода в ЕРДП либо проведение незамедлительного следственного действия.

В силу исключения из УПК РФ института отказа в возбуждении уголовного дела соответственно отпадет и необходимость в вынесении постановления о таком решении, что позволит оканчивать производство по уголовному делу в силу отсутствия в деянии состава преступления, его события, истечения сроков давности и других оснований при помощи института прекращения уголовного дела и уголовного преследования с вынесением соответствующего постановления.

В заключение автор публикации вынужден констатировать, что тема стадии возбуждения уголовного дела, с конца XX в. и начала XXI в., действительно является достаточно дискуссионной в доктрине уголовно-процессуального права, решение которой видится весьма сложным процессом, а также финансово-затратным, что требует проведения целого комплекса изменений, например, уголовно-процессуального законодательства, относительно технической модернизации правоохранительной и судебной системы и т.д.

Указанное и является первопричинами того, что российский законодатель хоть и понимает масштабы проблем рассматриваемой стадии, однако не спешит вносить изменения относительно пересмотра начала производства по уголовному делу, что нельзя сказать о странах континентальной Европы и постсоветского пространства (республики Казахстан, Эстония, Латвия, Литва, Молдова и др.), отказавшихся от стадии возбуждения уголовного дела и института отказа в его возбуждении. Указанное в странах бывшего СССР, между прочим, повлекло различного рода критику [15, с. 202; 16, с. 348], а в Киргизской Республике и вовсе спустя 4 года после ликвидации стадии возбуждения уголовного дела в 2017 г. данный институт был возвращен.

В связи с чем профессор Л.В. Головкич отмечает, что по большей части в странах постсоветского пространства с течением незначительного периода времени после исключения из национальных уголовно-процессуальных законов стадии возбуждения уголовного дела (принятие присущих ей процессуальных решений в виде возбуждения или отказа в возбуждении уголовного дела), указанный институт фактически реанимировал себя, но под другим наименованием. Следовательно, данным государствам не удалось полностью отказаться от первой проверочной стадии уголовного судопроизводства именно «в сущностном, а не терминологическом смысле» [1, с. 159, 162].

Отчасти следует согласиться с позицией уважаемого ученого. Так, отказ от стадии возбуждения уголовного дела, реализованный в республиках Казахстан, Грузия, Эстония и т.д., вовсе не являлся решением их законодателя отказаться от первоначального этапа уголовного судопроизводства, а лишь связан с его модернизацией. Другими словами, цель законодательного преобразования стадии возбуждения уголовного дела в институт начала производства по уголовному делу/начало досудебного расследования заключалась не в том, чтобы создать новый ранее неизвестный различным типам уголовного процесса процессуальный порядок начала расследования преступления, а в том, чтобы

наряду с другими реформами уголовного процесса указанных стран (введение электронного уголовного дела, негласных следственных действий, депонирование показаний, распространение принципа презумпции невиновности на свидетеля и т.д.) устранить избыточные бюрократические уголовно-процессуальные процедуры, в частности, данной стадии и ускорить тем самым досудебное уголовное судопроизводство, а также, как отмечает профессор А.Н. Ахпанов, найти разумный баланс между частным и публичным началами уголовного процесса, поскольку государства сегодня провозглашают высшей ценностью человека, его права и свободы [17, с. 11].

Следует согласиться с позицией профессора Л.В. Головки о формальном сходстве стадии возбуждения уголовного дела с началом производства по уголовному делу, однако стоит уточнить, что сегодня современная модель приема, проверки и регистрации сообщения, заявления о преступлении (Республика Казахстан, Эстонская Республика и др.) встроена в общую систему гарантий прав и свобод человека и гражданина, которая в современных условиях, в том числе условиях цифровизации общественных отношений, усиливается демократическими началами. Указанное, в первую очередь, основывается на таких принципах как справедливость, состязательность сторон (равноправие сторон перед судом), разумный срок и др., а также на реализации задач уголовного судопроизводства/назначения уголовного судопроизводства, что свидетельствует о включении института «начало производства по уголовному делу» в систему гарантий, направленных на защиту как подозреваемого, так и потерпевшего.

Таким образом, в случае реализации представленных выше положений, то есть создания института «начало производства по уголовному делу» законодатель, отказавшись от вынесения процессуального акта в виде постановления о возбуждении уголовного дела с заменой его на регистрацию сообщения, заявления о преступлении в Едином реестре досудебных производств в определенной степени создаст условия возрождения диспозитивных (частных) начал уголовного судопроизводства, когда производство по уголовному делу наряду с непосредственным усмотрением органов предварительного расследования или дознания будет осуществляться и по инициативе населения (волеизъявление заявителя, то есть лица, пострадавшего от преступления, лица, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела или лица, явившегося с повинной).

Вместе с этим реорганизация стадии возбуждения уголовного дела – путь к упрощению начала производства по уголовному делу, поскольку регистрация повода в Едином реестре досудебных производств и последующее начало расследования преступления исключает обязательность проведения проверки сообщения, заявления о преступлении (за исключением случаев, которые в силу недостаточности данных требуют ее осуществления). Указанное наделяет следователя, дознавателя неограниченным спектром выбора средств доказывания путем проведения предусмотренных УПК РФ следственных и иных процессу-

альных действий, а также позволяет освободить их от «двойной работы», поскольку следователь, дознаватель сегодня вынуждены дублировать проведенные на стадии возбуждения уголовного дела указанные действия в последующем при производстве предварительного расследования.

Таким образом, следует констатировать, что внедрение в деятельность участников уголовного судопроизводства государственной автоматизированной базы данных «Единый реестр досудебных производств» способно стать тем самым фактором, который наряду с другими изменениями уголовно-процессуального законодательства, создаст условия для отказа от стадии возбуждения уголовного дела с заменой ее на институт «начало производства по уголовному делу».

Список источников

1. Курс уголовного процесса / под. ред. д-ра юрид. наук, проф. Л.В. Головки ; Московский гос. ун-т имени М.В. Ломоносова, юридический фак., каф. уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора. – 4-е изд., испр. и доп. – Москва : Статут, 2025. – 1041 с.
2. Крымов В.А. Начало производства по уголовному делу: теоретические и правовые основы : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.А. Крымов. – Москва, 2019. – 33 с.
3. Гаврилов Б.Я. Досудебное производство по УПК РФ: концепция совершенствования / Б.Я. Гаврилов // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 1 (37). – С. 18–25.
4. Александров А.С. Стадия возбуждения уголовного дела: ликвидировать нельзя оставить / А.С. Александров, С.А. Грачев // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2015. – № 1 (31). – С. 101–108.
5. Марковичева Е.В. Проблемные вопросы возбуждения уголовных дел на современном этапе / Е.В. Марковичева, В.Ф. Васюков. – Москва : Проспект, 2016. – 80 с.
6. Кожокарь В.В. Возбуждение уголовного дела: вопросы теории и практики : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.В. Кожокарь. – Москва, 2016. – 35 с.
7. Гаврилов Б.Я. К вопросу законности и обоснованности решений следователя, дознавателя, органов дознания в стадии возбуждения уголовного дела / Б.Я. Гаврилов // Искусство правоведения. – 2024. – № 4 (12). – С. 71–81.
8. Гаврилов Б.Я. О судебной экспертизе на этапе проверки сообщений о преступлениях, связанных с незаконным оборотом наркотиков / Б.Я. Гаврилов // Наркоконтроль. – 2023. – № 4. – С. 2–5.

9. Канатов Е.С. Проблемы защиты прав и интересов потерпевших от преступлений в сфере экономической деятельности в досудебном производстве / Е.С. Канатов // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2018. – № 4 (34). – С. 525–529.

10. Волеводз А.Г. Упразднение стадии возбуждения уголовного дела: цена вопроса / А.Г. Волеводз // Уголовный процесс. – 2014. – № 1. – С. 80–83.

11. Хайбулаева М.Ш. О необходимости стадии возбуждения уголовного дела / М.Ш. Хайбулаева // Закон и право. – 2021. – № 7. – С. 148–150.

12. Актуальные проблемы досудебного производства : монография / Е.С. Алексеева, Е.Ю. Андреева, В.И. Безрядин и др. – Санкт-Петербург : СПбУ МВД России, 2024. – 240 с.

13. Тучков Я.В. Опыт стран постсоветского пространства по оптимизации уголовно-процессуальной формы производств по уголовным делам в условиях цифровизации общественных отношений / Я.В. Тучков // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России имени И.Ф. Шилова. – 2025. – № 1 (70). – С. 27–36.

14. Уголовный процесс : в 3 ч. Ч. 2. Досудебное производство по уголовным делам : учебник / под ред. В.Г. Глебова, Е.А. Зайцевой. – 5-е изд., перераб. и доп. – Волгоград : ВА МВД России, 2017. – 260 с.

15. Хан А.Л. О некоторых теоретических проблемах начала досудебного расследования / А.Л. Хан, Т.С. Биндюкова // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2016. – № 16–1. – С. 200–202.

16. Садвакасова А.Т. О новой системе учета и регистрации заявлений, сообщений и иной информации об уголовных правонарушениях / А.Т. Садвакасова, Т.А. Ханов // Всероссийский криминологический журнал. – 2019. – Т. 13, № 2. – С. 340–353.

17. Ахпанов А.Н. Преобразование первоначальной стадии уголовного процесса в Республике Казахстан: анализ новелл законодательства / А.Н. Ахпанов, А.Л. Хан // Современные проблемы криминалистики : сборник материалов международного круглого стола. – Астана : ТОО «КазГЮУ Консалтинг», 2015. – С. 11–16.

References

1. Golovko L.V. The Course of Criminal Procedure. 4th ed., Moscow, Statute, 2025. 1041 p. (In Russian).

2. Krymov V.A. The Criminal Proceedings Initiation: Theoretical and Legal Foundations. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2019. 33 p. (In Russian).

3. Gavrilov B.Ya. Pre-trial procedure in accordance with Criminal-Procedure Code of Russia: Conception of Improvement. *Trudy Akademii upravleniya MVD Ros-sii = Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Interior of Russia*. 2016, no. 1(37), p. 18–25. (In Russian).

4. Alexandrov A.S., Grachev S.A. Stage of Criminal Case Institution: to Liquidate or to Leave in Force. *Yuridicheskaya nauka i pravoohranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2015, no. 1(31), pp. 101–108. (In Russian).
5. Markovicheva E.V., Vasyukov V.F. Problematic Issues of Criminal Cases Initiation at the Present Stage. Moscow, Prospekt Publ. House, 2016. 80 p. (In Russian).
6. Kozhokar V.V. Initiation of a Criminal Case: Issues of Theory and Practice. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2016. 22 p. (In Russian).
7. Gavrilov B.Ya. On the Issue of Legality and Validity of Decisions Made by of an Investigator, an Inquiry Officer, Bodies of Inquiry at the Stage of Causing Criminal Proceedings. *Iskusstvo pravovedeniya = The Art of Jurisprudence*, 2024, no. 4(12), pp. 71–81. (In Russian).
8. Gavrilov B.Ya. On Forensic Examination at the Stage of the Reports of Crimes Related to Drug Trafficking Control. *Narkokontrol' = Drug control*, 2023, no. 4, pp. p. 2–5. (In Russian).
9. Kanatov E.S. Challenges of Protection of Rights and Interests of Victims of Crimes of Economic Activity in Pre-Trial Proceedings. *Vestnik Kazanskogo Yuridicheskogo Instituta MVD Rossii = Bulletin of the Kazan Law Institute of the MIA of Russia*, 2018, 4 (34), pp. 525–529. (In Russian).
10. Volevodz A.G. Abolition Stage of Criminal Case: The Issue Price. *Ugolovnyy process = Criminal Procedure*, 2014, no. 1, pp. 80–83. (In Russian).
11. Khaibulaeva M.Sh. About the Need for the Stage of Initiation of a Criminal Case. *Zakon i pravo = Law and Legislation*, 2021, no. 7, pp. 148–150. (In Russian).
12. Alekseeva E.S., Andreeva E.Yu., Bezryadin V.I. et al. Actual Problems of Pre-Trial Proceedings: A Monograph. St. Petersburg, St. Petersburg State University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2024. 240 p. (In Russian).
13. Tuchkov Ya.V. The Experience of the Post-Soviet Countries to Optimize the Criminal Procedural Form of Criminal Proceedings in the Context of Digitalization of Public Relations. *Vestnik Dal'nevostochnogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii imeni I.F. Shilova = Vestnik of the Far Eastern Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after I.F. Shilov*, 2025, no. 1 (70), pp. 27–36. (In Russian).
14. Glebov V.G., Zaitseva E.A. (eds.). Criminal Procedure. 3 Parts. Part 2 Pre-Trial Criminal Proceedings. 5th ed., Volgograd, VA of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2017. 260 p. (In Russian).
15. Khan A.L., Bindyukova T.S. On Some Theoretical Problems of the Beginning of the Pre-Trial Investigation. *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami = Current Problems of Combating Crimes and Other Offenses*, 2016, no. 16–1, pp. 200–202. (In Russian).
16. Sadvakasova A.T., Khanov T.A. On the New System of Recording and Registration of Complaints, Statements and Other Information on Criminal Offenses. *Vse-rossijskij kriminologicheskij zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2019, vol. 13, no. 2, pp. 340–353. (In Russian).

17. Akhpanov A.N., Khan A.L. Transformation of the Initial Stage of the Criminal Proceedings in the Republic of Kazakhstan: An Analysis of the Legislation Novelties. *Modern Problems of Criminalistics: Collection of Materials of the International Round Table*. Astana, LLP "Kazakh Humanitarian Law University Consulting", 2015, pp. 11–16. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Тучков Ярослав Владимирович – *Tuchkov Yaroslav Vladimirovich* – Адъюнкт 3 факультета (подготовки научных и научно-педагогических кадров) – *adjunct of the 3rd Faculty (Training of Scientific and Scientific-Pedagogical Personnel)*

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 19.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 19.06.2025.

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Научная статья

УДК 342.32

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.13

Галяутдинов Рушан Радикович

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,
rushan-94@mail.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ СУДЕБНОМУ РАССМОТРЕНИЮ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ДОЛЖНОСТНЫХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЯХ И СИСТЕМНЫЕ ТАКТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ ЕГО ПРЕОДОЛЕНИЯ

Аннотация. В ходе судебного разбирательства при рассмотрении уголовных дел по должностным насильственным преступлениям, учитывая специфику данной категории дел и субъектного состава, государственный обвинитель в подавляющем большинстве случаев сталкивается с проблемными ситуациями активного и пассивного противодействия судебному следствию, обусловленными целью воспрепятствовать установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию, и избежать какого-либо наказания. Ш.В. Аутлев отмечает, что «противодействие судебному следствию – деятельность на этапе судебного следствия, препятствующая получению достоверной информации о рассматриваемом преступлении» [1, с. 9–10]. В свою очередь, В.Ю. Белицкий рассматривает противодействие судебному следствию как частный вид противодействия, заключающийся в воспрепятствовании судебному следствию как части судебного разбирательства [2, с. 163].

Ключевые слова: должностные насильственные преступления, судебное следствие, правоприменительная практика, новые доказательства, планирование судебного следствия, судебные версии, противодействие судебному разбирательству

Для цитирования: Галяутдинов Р.Р. Противодействие судебному рассмотрению уголовных дел о должностных насильственных преступлениях и системные тактические приемы его преодоления / Р.Р. Галяутдинов. – 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.13 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 154–161.

Original article

Galyautdinov Rushan Radikovich

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
rushan-94@mail.ru

**ABOUT COUNTERACTING THE CRIMINAL CASES HEARING
CONCERNING VIOLENT CRIMES COMMITTED BY OFFICIALS
AND SYSTEMATIC TACTICS TO OVERCOME IT**

Abstract. During the court hearing on criminal cases that involve violent crimes committed by officials, it is necessary to take into account the specific nature of this category of cases and the parties. The public prosecutor in the vast majority of cases is faced with situations of active and passive opposition to judicial investigation, aimed to prevent the establishment of circumstances which are subject to proof, and avoid any punishment. Sh.V. Outlev notes that “countering judicial investigation is an activity at the stage of judicial investigation that prevents obtaining reliable information about the crime in question” [1, p. 9–10]. In turn, V.Y. Belitsky considers counteraction to judicial investigation as a special type of counteraction, consisting in obstructing judicial investigation as part of judicial proceedings [2, p. 163].

Keywords: official violent crimes, judicial investigation, law enforcement practice, new evidence, judicial investigation planning, judicial versions, countermeasure to judicial investigation

For citation: Galyautdinov R.R. About Counteracting the Criminal Cases Hearing Concerning Violent Crimes Committed by Officials and Systematic Tactics to Overcome It. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 154–161 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.13.

Противодействие судебному рассмотрению уголовных дел о должностных насильственных преступлениях и системные тактические приемы его преодоления. По нашему мнению, противодействие судебному рассмотрению уголовных дел представляет собой комплекс действий (бездействия), направленных на воспрепятствование установлению обстоятельств дела, необходимых как для установления реальных обстоятельств дела, так и для вынесения справедливого решения. По нашему мнению, виды противодействия судебному рассмотрению уголовного дела по должностным насильственным преступлениям, в отличие от противодействия по иным категориям уголовных дел, характеризуются большей степенью сложности и комбинированности способов такого противодействия, что обуславливается спецификой профессиональных знаний субъектов, оказывающих противодействие и их личных и служебных связей.

Проанализировав подходы к определению сущности противодействия, а также опираясь на эмпирический опыт изучения рассматриваемой категории дел, полагаем, что противодействие на стадии судебного разбирательства при рассмотрении уголовного дела не появляется внезапно, а берет свои истоки уже с досудебных стадий. В ходе же судебного разбирательства такое противодействие трансформируется в направлении судебных ситуаций и приобретает собственную специфику, обусловленную судебным этапом уголовного судопроизводства.

Субъектами оказания противодействия судебному рассмотрению уголовных дел по должностным насильственным преступлениям являются участники судебного разбирательства, как указывают опрошенные сотрудники прокуратуры, в 50% случаев субъектом противодействия выступают подсудимые, затем защитники (35 %), свидетели (10 %), потерпевшие (5 %).

В этой связи на основе классификации, проведенной Э.У. Бабаевой [3, с. 50–52] и в развитие ее мнения, мы предлагаем следующую классификацию.

1) Формально основанные на законе и незаконные.

Когда мы говорим о формальной законности при противодействующих мерах со стороны представителей защиты, то речь больше может идти о злоупотреблении правом, когда используемые механизмы закона применяются в целях, препятствующих установлению обстоятельств преступления. Приведем пример из практики. По уголовному делу в отношении судебного пристава И. подсудимый в ходе судебного следствия отказался от дачи показаний. Из материалов уголовного дела следует, что И. заявил о том, что наложение ареста на имущество А. было незаконным и противоправным. Однако А. продолжал приходить в отдел судебных приставов с просьбой дать ему разъяснения относительно наложения ареста на его движимое имущество. В один из визитов И. закрыл дверь кабинета на ключ и несколько раз ударил кулаком А. в область головы. Учитывая, что дача показаний подсудимым является его правом, а не обязанностью, оказанный акт противодействия, тем не менее, не противоречит закону¹.

Другой пример двойственного понимания применения закона. Подсудимый С. в ходе допроса сообщил ложные сведения относительно наличия у него алиби на момент совершения преступления². Было установлено, что поскольку представленная информация искажает объективную реальность произошедшего, будучи направленной на создание ложного представления о событии, этот акт противодействия незаконен.

2) По отношению к последствиям, причиненным в результате противодействия со стороны участников процесса: умышленные и неумышленные виды противодействия.

Приведем пример. По уголовному делу в отношении инспектора отдела безопасности ФКУ ИК А. свидетель в суде дал ложные показания, поскольку

¹ Архив Давлекановского районного суда Республики Башкортостан. Д. № 1-13/2016.

² Архив Белебеевского городского суда Республики Башкортостан. Д. № 1-98/2015.

получил вознаграждение. Исходя из материалов уголовного дела, было установлено, что инспектор отдела безопасности ФКУ ИК Б., будучи коллегой А., получил от последнего материальное вознаграждение в размере 100 тысяч рублей за умышленные ложные показания. Со слов Б., потерпевший В. создавал помехи при личном досмотре и толкнул инспектора А., при этом пытался ударить последнего в паховую область. В ответ на это А. применил физическую силу и спецсредства. Было установлено, что данные показания являются ложными. В этой ситуации помехи объективному рассмотрению дела были созданы умышленно³.

Другой пример. Ввиду протекания длительного периода времени потерпевший изменил показания, данные в ходе предварительного следствия, относительно механизма причинения ему телесных повреждений. Потерпевший в ходе судебного заседания не смог точно пояснить, в каком порядке ему наносились удары. Данная ситуация сложилась по субъективной причине, обусловленной забывчивостью потерпевшего⁴.

3) По степени сложности «исполнения» способы противодействия могут быть простые, сложные, комбинированные.

Первый пример простого способа противодействия. Свидетель С., будучи извещенным о дате судебного разбирательства путем направления повестки, а также смс информирования, неоднократно не является в суд для дачи показаний, объясняя это тем, что он по личным мотивам не хочет посещать никакие судебные заседания⁵.

В качестве сложного противодействия можно отметить ложность избранной подсудимым позиции, а в качестве комбинированного – затягивание процесса рассмотрения дела путем создания различных причин.

Приведем пример сложного противодействия из практики. По уголовному делу в отношении Т. в судебном заседании подсудимый отрицал свою причастность к применению насилия в отношении потерпевшего, однако в опровержение доводов подсудимого государственный обвинитель продемонстрировал суду видеозапись с камер видеонаблюдения, на которой видно, что в период времени, когда потерпевшему были причинены повреждения, он выходил из отдела полиции вместе с подсудимым. Указав на противоречие в показаниях подсудимого, государственному обвинителю удалось убедить суд в ложности избранной им (подсудимым) позиции на стадии судебного следствия⁶.

Приведем пример комбинированного способа противодействия из судебной практики, когда одним из видов оказания стороной защиты противодействия стало затягивание судебного следствия. По уголовному делу в отношении М. защитником неоднократно заявлялись ходатайства об отложении су-

³ Архив Чишминского районного суда Республики Башкортостан. Д. № 1-73/2019.

⁴ Архив Баймакского районного суда Республики Башкортостан. Д. № 1-31/2017.

⁵ Архив Сунженского районного суда Республики Ингушетия Д. № 3-205/2016.

⁶ Архив Чишминского районного суда Республики Башкортостан. Д. № 1-9/2016.

дебного заседания по различным причинам: участие в другом процессе, нахождение в отпуске, в связи с болезнью. Также в ходе судебного разбирательства заявлялись многочисленные ходатайства: об исключении доказательств, о назначении повторной судебно-медицинской экспертизы, о проведении следственных действий, что приводило к увеличению времени рассмотрения дела ввиду необходимости разрешения ходатайств в совещательной комнате с вынесением постановлений⁷.

4) По степени действенности – активные и пассивные. В качестве примера активного противодействия можно отметить склонение свидетеля к даче выгодных показаний, а в качестве пассивного – отказ потерпевшего от своих показаний в судебном заседании в силу простого отсутствия желания привлекать подсудимого к уголовной ответственности.

Приведем пример такого противодействия. В ходе судебного заседания свидетель Т. заявил, что он не давал показания, которые были оглашены государственным обвинителем. Государственный обвинитель показал свидетелю Т. его собственноручно сделанную запись в протоколе допроса на стадии следствия «с моих слов записано верно, мною прочитано, замечаний к протоколу не имеется». Свидетель подтвердил, что указанная фраза и подписи в протоколе были написаны им⁸.

Исходя из способов противодействия, научных мнений и на основе практических примеров, нами приведена собственная классификация мер преодоления и нейтрализации противодействия судебному расследованию при расследовании должностных насильственных преступлений.

1) Тактико-процессуальные.

В ходе судебного рассмотрения дела тактические приемы государственного обвинителя, как правило, сводятся к проверке достоверности показаний, данных допрашиваемым на стадии предварительного следствия. Тактические приемы противодействия и нейтрализации при расследовании должностного насильственного преступления основываются на психологии и логике.

В первом случае, государственным обвинителем могут быть использованы приемы снятия напряжения при допросе, воздействие на положительные качества допрашиваемого, во втором случае разъяснение уголовно-правовых последствий дачи ложных показаний (применяется к свидетелям и потерпевшим) [4]. Среди тактических приемов можно выделить следующие: 1) реализация тактических приемов допроса, основанных на использовании фактора внезапности; 2) допрашиваемому в судебном заседании предоставляется возможность излагать свою ложную легенду в целях последующего детального ее опровержения; 3) реализация приема в суде путем использования «инерции» и постановкой неожиданных вопросов; 4) выделение в ходе допроса в суде не-

⁷ Архив Белорецкого районного суда Республики Башкортостан. Д. № 8-301/2013.

⁸ Архив Баймакского районного суда Республики Башкортостан. Д. № 1-31/2017.

выясненных деталей дела, вызывающее у подсудимого стремление заполнить пробелы в соответствии со своей логикой показаний, зачастую ложных.

2) Тактико-логические.

В качестве эффективных тактических приемов, которые могут быть использованы государственным обвинителем в ситуации дачи ложных показаний допрашиваемым, являются установление позиции допрашиваемого, исследование показаний через призму методов наблюдения, анализа и сравнения показаний.

Как справедливо отмечает И.Л. Кисленко, одним из наиболее эффективных тактических приемов в ситуации изобличения ложных показаний является предъявление доказательств [5, с. 136]. В качестве примеров реализации данного приема может быть оглашение показаний, данных допрашиваемым на стадии следствия, в части противоречий с информацией, сообщенной суду, а также предъявление вещественных доказательств, обнаруженных на месте происшествия, либо у подсудимого, опровергающих его показания о непричастности к совершению преступления.

3) Тактико-комбинированные.

Для преодоления простых способов противодействия на практике используются тактические приемы, описанные нами выше. Проанализировав тактические приемы, предлагаемые теоретиками и разработанные в недрах тактики судебного следствия, отметим, что в случае оказания участниками уголовного судопроизводства такого способа активного противодействия судебному рассмотрению дела, как изменение показаний, позиция государственного обвинителя также должна быть активной.

В качестве приемов разоблачения ложных показаний стороной обвинения также могут использоваться перекрестный и шахматный допросы [6, с. 6]. Сущность первого состоит в поочередном задавании вопросов одному допрашиваемому как стороной обвинения, так и стороной защиты. В ходе перекрестного допроса защитник может избрать тактику, направленную на задавание вопросов свидетелю, способных привести его к ответам, выгодным стороне защиты. Тактика перекрестного допроса помогает государственному обвинителю увидеть позицию допрашиваемого по определенным вопросам с разных сторон и сделать необходимые выводы в формировании собственной позиции поведения в судебном следствии. Как отмечают ученые-криминалисты, перекрестный допрос характеризуется атмосферой напряжения для допрашиваемого, поскольку требует от него мгновенного формулирования ответов на вопросы, задаваемые противоборствующими сторонами состязательного процесса. Сущность шахматного допроса заключается в том, что государственный обвинитель в ходе допроса конкретного участника судебного следствия задает вопросы лицам, которые уже были ранее допрошены, однако повторно вызваны в суд для допроса, с целью подтверждения или опровержения показаний, даваемых допрашиваемым. В дополнение к шахматному допросу можно использовать такой тактический прием, как выбор порядка использования уже прове-

ренных доказательств. Так, если показания свидетеля явно противоречат многим проверенным доказательствам, то целесообразно сразу предъявить их. В других случаях целесообразно постепенно предъявлять доказательства, что может убедить допрашиваемое лицо в бесполезности ложных показаний. Избрание того или иного тактического пути зависит от личности допрашиваемого, его отношения к делу, характере доказательственного материала.

Список источников

1. Аутлев Ш.В. Противодействие в ходе судебного следствия по уголовным делам в суде первой инстанции и меры его преодоления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ш.В. Аутлев. – Ростов-на-Дону, 2011. – 28 с.
2. Белицкий В.Ю. К вопросу о понятии противодействия подсудимого судебному следствию при рассмотрении уголовного дела судом первой инстанции / В.Ю. Белицкий // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями. – 2015. – № 15 (1). – С. 162–164.
3. Бабаева Э.У. Проблемы теории и практики преодоления противодействия уголовному преследованию : монография / Э.У. Бабаева. – Москва : Юрлитинформ, 2010. – 276 с.
4. Карнаухова О.Г. К вопросу о классификации мотивов заведомо ложных показаний свидетелей и потерпевших / О.Г. Карнаухова // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2014. – № 1 (61). – С. 89–93.
5. Кисленко И.Л. Криминалистические основы поддержания государственного обвинения : монография / И.Л. Кисленко, С.Л. Кисленко. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 322 с.
6. Осодоева Н.В. О перекрестном допросе в российском уголовном процессе / Н.В. Осодоева // Юрислингвистика. – 2014. – № 3 (14). – С. 5–9.

References

1. Outlev Sh.V. Counteraction in the Process of the Judicial Investigation of Criminal Cases in the Court of First Instance and Measures to Overcome It. *Cand. Diss. Thesis*. Rostov-on-Don, 2011. 28p. (In Russian).
2. Belitsky V.Yu. On the Concept of the Defendant's Opposition to Judicial Investigation during the Hearing of a Criminal Case by the Court of First Instance. *Actual Problems of Combating Crimes and Other Offenses. Collection of Scientific Papers*. Barnaul, 2015, no. 15 (1), pp. 162–164. (In Russian).
3. Babayeva E.U. Problems of Theory and Practice of Overcoming Counteraction to Criminal Prosecution: Monograph. Moscow, Yurlitinform, 2010. 276 p. (In Russian).

4. Karnaukhova O.G. To a Question of Classification of Motives of Obvious False Testimonies of the Witnesses and the Victims. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo Universiteta MVD Rossii = Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2014, no. 1 (84), pp. 89–93. (In Russian).

5. Kislenko I.L., Kislenko S.L. Criminalistic Foundations of Maintaining Public Prosecution: Monograph. Moscow, Yurlitinform. 2013. 322 p. (In Russian).

6. Osodoeva N.V. About Cross Interrogation in the Russian Criminal Process. *YUrislingvistika = Legal Linguistics*, 2014, no. 3 (14), pp. 5–9. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Галяутдинов Рушан Радикович – *Galyautdinov Rushan Radikovich* –
кандидат юридических наук, доцент *Candidate of Sciences (Law), Associate*
кафедры криминалистики Инсти- *Professor of the Chair of Criminalistics,*
тута права *Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 10.06.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 21.06.2025.

The article was submitted 10.06.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 21.06.2025.

Научная статья

УДК 338.465

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.14

Замятин Сергей Александрович

АНО «Негосударственная судебная экспертиза

Новосибирской области», Новосибирск, Россия,

negos-expert@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0849-3624>

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННОГО ПОНЯТИЙНОГО АППАРАТА СТРОИТЕЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Аннотация. В статье рассмотрен генезис и содержание понятийного аппарата судебной строительно-технической экспертизы (ССТЭ), условия и тенденции формирования понятийного аппарата, общенаучные основы и принципы построения актуальной терминологии и терминосистемы ССТЭ. Раскрыто содержание общенаучных и отраслевых понятий «термин», «терминология», «терминосистема» применительно к судебной строительно-технической экспертизе. Указаны текущие проблемы и проведен анализ проблем развития отраслевой строительно-судебно-экспертной терминологии. Приведены практические примеры некорректных дефиниций специальных судебно-экспертных терминов, требующие надлежащего научного обоснования и уточнения нормативного определения. Автором рассмотрены некоторые варианты разрешения проблем судебной отраслевой строительно-технической терминологии во взаимосвязи с законами терминологии. В том числе, предложены научно обоснованные изменения содержания государственного стандарта ГОСТ Р 59529-2021 «Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения». В том числе, предложены авторские дефиниции системообразующих экспертологических понятий в области причинно-следственных отношений.

Ключевые слова: терминология, терминосистема, судебно-экспертная деятельность, судебная строительно-техническая экспертиза, специальные строительные знания

Для цитирования: Замятин С.А. Особенности формирования современного понятийного аппарата строительно-технической экспертизы в современных условиях / Замятин С.А. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.14 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 162–174.

Original article

Zamyatin Sergei Aleksandrovich

Autonomous Noncommercial Organisation “Non-Governmental Forensic Examination of the Novosibirsk Region”, Novosibirsk, Russia, negos-expert@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0849-3624>

TO THE MODERN CONCEPT FRAMEWORK OF THE CONSTRUCTION AND TECHNICAL EXPERTISE FORMATION IN MODERN CONDITIONS

Abstract. The article examines the genesis and content of the concept framework of the forensic construction and technical expertise (CTE), the conditions and trends of the concept framework formation, the general scientific foundations and principles of the development the current terminology and terminological system of CTE. The content of general and sectoral concepts “term”, “terminology”, “terminology system” is disclosed in relation to judicial construction and technical expertise. The current problems are indicated and the analysis of the problems connected with the industrial forensic terminology development is carried out. Practical examples of incorrect definitions of special forensic terms that require proper scientific justification and clarification of the normative definition are given. The author considers some options for solving the problems of judicial branch construction terminology in relation to the laws of terminology. In particular, scientifically based changes to the content of the state standard RNS 59529-2021 “Judicial construction and technical expertise. Terms and definitions» are proposed. In addition, the author’s definitions of system-forming expert concepts in the field of cause and effect relations are proposed.

Keywords: terminology, terminology system, forensic expertise, construction and technical expertise, special construction knowledge

For citation: Zamyatin S.A. To the Modern Concept Framework of the Construction and Technical Expertise Formation in Modern Conditions. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 162–174 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.14.

Значимость терминологии и ее влияние на судебно-экспертную практику. В судебно-экспертной теории и практике терминология занимает особое место, являясь не только способом выражения специальных знаний и средством научной рефлексии. В области строительно-технической экспертизы термины зачастую выступают отдельным предметом экспертного исследования, поскольку используются для выражения сущности объекта экспертизы, его свойств и причинных отношений. Интерпретации и истолкования специальных

понятий и терминов, мотивированные или связанные с заблуждениями, генетически связаны с конфликтами и одновременно выступают инструментами доказывания в судебных спорах. Этот «строительный язык» и сленг в какой-то мере знаком каждому обывателю. Многие строительные термины приобрели общезыковой характер интуитивно-бытового содержания, стали частью бытовой речи, но их восприятие участниками спора при этом может отличаться существенно. Поэтому научно-обоснованный понятийный аппарат является первоосновой судебно-экспертного исследования в рамках строительно-технической экспертизы (ССТЭ).

Неслучайно, предвзяв исследовательскую часть письменного заключения, судебный эксперт-строитель указывает, что все суждения экспертов с применением специальных терминов следует воспринимать буквально и однозначно в строгом соответствии с их нормативными определениями и в вводной части заключения приводить дефиниции терминов строительной области специальных знаний.

Данный пример практического приема, являясь вынужденной мерой, позволяет ограничить морфологический волюнтаризм в отношении терминов, являющихся научным средством выражения специальных знаний.

Условия и тенденции формирования понятийного аппарата ССТЭ. Наиболее распространенное в научных публикациях определение самого понятия «термин» принадлежит известному советскому ученому В.П. Даниленко [1, с. 15]: «Термин – это слово (или словосочетание) специальной сферы употребления, являющееся наименованием специального понятия и требующее дефиниции».

Понятийный аппарат, именуемый иначе «терминология», представляет собой как науку о терминах, так и совокупность терминов, а в завершенном виде – систему терминов.

По мнению современных исследователей, терминология настоящего времени – это искусственно формируемый лексический пласт, каждая единица которого имеет определенные ограничения для употребления и оптимальные условия для существования и развития [2, с. 6].

Обладая специфическими особенностями и собственной многовековой историей, строительная терминология образует судебно-экспертный понятийный аппарат судебной строительно-технической экспертизы и составляет его основу, которую принято называть областью специальных знаний.

При этом терминология может достигнуть уровня терминологической системы (терминосистемы), когда в ней эксплицируются основные понятия и связи между ними [3, с. 77–78].

Генезис «экспертологической» науки имеет синтетический характер [4, с. 226], что прямо отражается на терминологии, которая также синтезирует смежные терминологические поля строительства и экспертологии. При этом научный принцип иерархичности построения терминосистемы предопределяет

главенствующую роль общенаучных экспертологических понятий по отношению к специально-строительным, которые выполняют функцию надстройки в терминосистеме.

Это означает, что структура и дефиниции специального строительного понятийно-терминологического поля должны согласовываться с научными основами экспертологии и не могут им противоречить.

Таков, мы полагаем, основной аксиоматический принцип интеграции областей специальных строительных знаний и судебной экспертологии.

Развитие специальной лексики ССТЭ закономерно и зависит от множества факторов, включая науку, технологии, общественно-социальные факторы и прочее. Специальные языковые лексические формы-термины возникают и эволюционируют одновременно в процессе прикладной и научной деятельности. При этом необходимость точного и однозначного выражения специальных знаний требует не только уточнения лексических средств выражения существующих понятий, но и создания новых терминов. В этом выражается «конвенциональность» термина, т.е. целенаправленный характер его появления. Это свойство принято относить к одним из основных признаков термина, поскольку отличие образования терминов от образования «общеразговорных слов» состоит в том, что термины не образуются в собственном смысле этого слова, а создаются, творятся, придумываются [5, с. 29].

Однако на начальном этапе развития специальной терминологии, к которому следует отнести ССТЭ, основным способом образования терминов является заимствование их из смежных дисциплин и уточнение их содержания в отраслевой терминосистеме. В первую очередь, специальные термины ССТЭ заимствованы из строительства и судебной экспертологии.

Этот процесс закономерно обусловлен и, с точки зрения эволюции, неизбежен, но вместе с тем влечет за собой некоторые проблемы.

В частности, на первом этапе интеграция терминологий приводит к возникновению терминов-омонимов.

В первую очередь, следует упомянуть понятие «объект». Этот основной термин судебной экспертологии имеет совершенно отличное содержание от смысла строительного термина «объект». Причем оба отраслевых понятия первородные, системообразующие и окончательно сформировавшиеся. Они не могут быть изменены или заменены равнозначным синонимом. Поэтому при использовании требуют дополнительного уточнения.

Другой, широко распространенный в судебно-экспертной практике и строительстве термин «проектная документация», имеет несколько отличающихся смыслов в разных областях и условиях применения. В общеречевой практике в быту неточности и некоторые заблуждения относительно смысла этого понятия не имеют существенного значения, но, когда проектная документация выступает как объект судебно-экспертного исследования и участники су-

дебного процесса вступают в диалог с отличающимися представлениями о смысле этого понятия, возникает коллизия восприятия доказательств.

В быту к проектной документации относят любые результаты подготовки к строительству интеллектуального характера, отображающие образ будущего здания при подготовке строительства. То есть, любые изображения или описание планируемого процесса могут называться проектной документацией, отождествляя проект, проектную документацию, рабочую документацию, предпроектные разработки, отдельные изображения и результаты изысканий.

Специалист в области проектирования не путает термины «проектная» и «рабочая документация», поскольку это совершенно разные результаты проектной работы. Но, при этом, даже профессиональный сленг под термином «проектная документация» объединяет проектную документацию (стадию), рабочую документацию (стадию), а также находящийся в разработке или завершенный проект.

Наиболее строгим терминологическим подходом отличается государственная экспертиза проектной документации и инженерных изысканий в строительстве, регламентированная законом и рядом нормативных актов. Установленная государством процедура экспертизы проектной документации не допускает, например, смешения понятий «проектная документация» и «рабочая документация». Данная экспертиза руководствуется требованиями существующей системы нормативного регулирования проектирования, которая в достаточной степени устанавливает надлежащие свойства и признаки проектной документации, которыми эта документация должна обладать в силу своего предназначения и происхождения.

Но в судебных спорах проектная документация присутствует во всех своих ипостасях, начиная от источника требований к результатам строительства и заканчивая предметом спора о качестве и стоимости проектирования. Поэтому омонимия в этом случае недопустима.

Другим примером негативного последствия заимствования терминов может служить факт применения в ССТЭ в качестве судебно-экспертных терминов из технических документов, составляющих систему нормативного регулирования в строительстве, включая ГОСТ Р ИСО 6707-1-2020 «Здания и сооружения. Общие термины» и методик измерений и установления исследования качества строительной продукции.

Данные термины были априори восприняты как судебно-экспертные и перекочевали в портфель судебного эксперта без проведения адаптации. Однако целенаправленность и обусловленность строительных методик и судебно-экспертных методик совпадают только частично, но, при этом имеют и значительные отличия, отражающиеся на содержании нормативных документов. В результате чего буквальное заимствование строительных терминов при раз-

решении судебно-экспертных задач приводит к типичным систематически повторяющимся экспертным ошибкам.

ГОСТ Р ИСО 6707-1-2020 «Здания и сооружения. Общие термины» предлагает некорректные определения строительных понятий, в том числе, основных, формирующих образ объекта судебно-экспертного исследования. Например, колонна в данном стандарте определяется как: «3.3.1.10 колонна (column; pillar, GB): Конструктивный элемент (3.3.1.3) гибкой формы, обычно вертикальный, который передает на опору приложенные к нему усилия (3.7.3.22), работая, в основном, на сжатие (3.7.3.32)». На основании данной дефиниции эксперт может ошибочно применить к объекту не соответствующие требования к колоннам по качеству или расчеты, поэтому использование данных стандартов и дефиниций в ССТЭ недопустимо.

Отдельно можно отметить также специфическую форму интеграции понятий в судебную строительно-техническую экспертизу по инициативе «органов или лиц, наделенных правом назначать судебные экспертизы». Суды или следствие, решая собственные задачи, постоянно расширяют круг вопросов, ставящихся на разрешение строительно-технической экспертизы, развивая и создавая, таким образом, дополнительные компетенции ССТЭ.

Так, за последнее десятилетие сложилась судебная практика назначения и исследования в рамках ССТЭ понятий, отсутствующих в строительном словаре и нормативно-технических справочниках. Речь идет о таких понятиях как потребительская ценность, безопасная эксплуатация объекта и, даже, угроза (объекта) жизни и здоровью неограниченного круга лиц и прочее¹.

Несмотря на то, что происхождение данных терминов не имеет отношения к строительству, в настоящее время они стали частью реальности ССТЭ, что требует научно-обоснованной оценки в рамках развития специальной терминологии судебной строительно-технической экспертизы (ССТЭ).

По этому поводу Ф.Г. Аминев пишет: «Подчеркивая современное состояние судебной экспертологии, как сложившейся структурированной науки, отметим, что и внутри каждого раздела продолжается совершенствование понятийного аппарата. Так, совершенно очевидно оформление частного учения о судебно-экспертной деятельности в отрасль научного знания, разрабатывающую систему действий судебного эксперта и руководителя судебно-экспертной организации, иных экспертов из числа сведущих лиц по организации, производству, научно-методическому и информационному обеспечению судебных экспертиз, выполняемых по поручению лица или органа, их назначившего, и экспертной профилактики» [6, с. 145].

¹ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2021 № 309-ЭС21-2312026; Определение Верховного Суда РФ от 26.03.2020 № 310-ЭС19-26526 по делу № А84-2224/2018; Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 31.01.2019 № 305-ЭС18-17717.

Общенаучные основы построения терминосистемы ССТЭ. В этой же работе Ф.Г. Аминев отмечает, что за последние двадцать лет произошел серьезный прорыв в правовом, научно-методическом, организационном, материально-техническом обеспечении судебно-экспертного направления. В том числе, в формировании понятийно-терминологического аппарата. Об этом свидетельствуют не только не прекращающиеся научные дискуссии относительно названия науки (общая теория судебной экспертизы или судебная экспертология), но и действия по стандартизации, реализация в судебно-экспертной деятельности инновационных технологий, совершенствование понятийного аппарата [6, с. 143–144].

Полностью разделяя данную точку зрения, отметим, что благодаря усилиям известных российских ученых Т.В. Аверьяновой [7], Ф.Г. Аминева [6], А.М. Зинина [8], Ю.Г. Корухова [9], Н.П. Майлис [10], Е.Р. Россинской [11], С.А. Смирновой [12] и других дефинированность основных системообразующих понятий судебной экспертологии приобрела заверченный вид и основополагающие определения понятий в настоящее время можно считать сформированными.

При построении отраслевой терминосистемы общенаучные экспертологические термины должны составить базовую основу терминологического научно-отраслевого словаря ССТЭ, а нормативные определения этих терминов – критериальное поле для построения частно-специальных терминов.

В 2021 году Техническим комитетом по стандартизации 134 «Судебная экспертиза» Росстандарта принят государственный стандарт ГОСТ Р 59529-2021 «Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения», включающий 31 специальный термин, что совершенно не отражает границы реального терминологического поля ССТЭ. Кроме того, дефиниции некоторых понятий требуют согласования с системообразующими понятиями экспертологии и общими принципами науки терминологии.

Некоторые научно обоснованные требования и правила изложены в межгосударственных рекомендациях по стандартизации РМГ 19-96 «Рекомендации по основным принципам и методам стандартизации терминологии», разработанных Всероссийским научно-исследовательским институтом классификации, терминологии и информации по стандартизации и качеству (ВНИИКИ) Госстандарта России. Согласно данным рекомендациям дефиниции терминов ГОСТ Р 59529-2021 «Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения» требуют корректировки.

Так, считаем необходимым уточнить дефиницию термина «специальные строительно-технические знания», которая в ГОСТ Р 59529-2021 изложена следующим образом: «2. специальные строительно-технические знания: Профессиональные знания в области технологии изготовления и использования строительных материалов и изделий, предпроектных изысканий, проектирования, возведения, эксплуатации, реконструкции, ремонта, разрушения, демонтажа и утилизации зданий, строений, сооружений, а также инженерных коммуника-

ций, позволяющие в пределах установленной компетенции проводить отвечающие современным требованиям исследования строительных объектов и территорий, функционально связанных с ними, в целях обеспечения эффективности судопроизводства».

Перечисления наименований узкопрофильных прикладных областей, нечеткие критерии (такие, как «современные, эффективность, установленная компетентность») следует исключить, как рекомендуют пункты 3.3, 3.13 РМГ 19-96 «Рекомендации по основным принципам и методам стандартизации терминологии»: определение, в котором употребляются многозначные и синонимичные термины, следует уточнить, заменив эти термины стандартизованными и однозначно понимаемыми, недопустимы выражения в скобках, перечисления, относящиеся к определяемому понятию, сокращения.

Исходя из общих правил и требований к построению нормативных определений терминов полагаем наиболее точной дефиницию, предложенную профессором Ф.Г. Аминевым: «специальные знания – система знаний в узкопрофильной области науки, техники, искусства, ремесла, полученных в ходе соответствующего специального образования и профессионального опыта работы, которые требуются для решения вопросов, сформировавшихся в ходе судопроизводства, а также в ходе проверки сообщения о преступлении» [6, с. 146].

По нашему глубокому убеждению, определения терминов должны не только отражать морфологию и научную обоснованность на текущий момент развития, но и, по возможности, являться инструментом развития, предваряя научную эволюцию понятия, не вступая в противоречие с научно-прогнозируемыми изменениями представлений о понятиях. То есть, каркас дефиниции специальных отраслевых терминов составляет общенаучное содержание, при этом узкоспециальная надстройка дефиниции не должна ограничивать закономерную эволюцию понятия.

Речь, в частности, идет о тенденциях цифровизации, математизации, возрастании роли искусственного интеллекта в ССТЭ, что прямо отражается на терминологии, поскольку дефиниция специальных терминов должна учитывать возможность их системной и математической формализации. Полагаем, предложенные ниже дефиниции терминов отвечают этому критерию.

Возвращаясь к зависимости определений отраслевых судебно-экспертных строительных терминов от базовых общенаучных, следует также внести коррективы в дефиниции терминов ГОСТ Р 59529-2021 «судебная строительно-техническая экспертиза, задачи судебной строительно-технической экспертизы, объект судебной строительно-технической экспертизы». В редакции ГОСТ Р 59529-2021 определения этих терминов не отвечают современным научным представлениям в области судебной экспертологии и правилам, изложенным в РМГ 19-96 «Рекомендации по основным принципам и методам стандартизации терминологии».

Данные дефиниции также следует заменить на определения, предложенные Ф.Г. Аминовым [6, с. 147–148].

А именно, дефиницию в ГОСТ Р 59529-2021 «судебная строительно-техническая экспертиза: Род судебных экспертиз, представляющий собой исследование строительных объектов и территории, функционально связанной с ними для получения фактических данных, имеющих доказательственное значение в ходе судопроизводства по уголовным, гражданским и административным делам, а также при проверке сообщений о преступлениях» заменить на: «судебная строительно-техническая экспертиза – это исследование, проводимое лицом, обладающим специальными строительными знаниями, для решения вопросов, поставленных органом или лицом с соответствующими процессуальными полномочиями в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также при проверке сообщения о преступлении».

Заменить дефиницию в ГОСТ Р 59529-2021 «5. задачи судебной строительно-технической экспертизы: Действия, заданные в условиях следственно- или судебно-экспертных ситуаций, требующих своего разрешения путем проведения исследований с использованием специальных строительно-технических знаний» на «задача судебной строительно-технической экспертизы: способствование органам или лицам, имеющим право назначать судебную экспертизу, установлению обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу, а также в проверке сообщения о преступлении путем решения вопросов, требующих использования специальных строительных знаний, в виде проведения судебной экспертизы в целях соблюдения интересов граждан и государства».

В редакции ГОСТ Р 59529-2021 дефиниция термина «4. объект судебной строительно-технической экспертизы: Строительная продукция – здания, строения, сооружения, продукция стройиндустрии – строительные материалы, строительные изделия и строительные конструкции заводской готовности, строительные элементы иного происхождения, в том числе изготовленные кустарным способом; участки местности, функционально связанные со строительными объектами, оборудование стройплощадок, проектная документация, техническая документация и документы, в которых содержится доказательственная информация о событии, происшедшем в сфере строительного производства или эксплуатации строительных объектов и ставшем предметом расследования, судебного разбирательства либо проверки сообщения о преступлении» содержит недопустимое перечисление понятий, неточности и неопределенности и не соответствует общенаучному определению этого понятия.

В определении Е.Р. Россинской объекты судебной экспертизы – это материальные объекты-носители информации, которые отображают свойства исследуемого явления [13, с. 89].

Считаем, что определение Е.Р. Россинской прямо соответствует внутреннему содержанию понятия «объект строительно-технической экспертизы»

и должно быть включено в стандарт в соответствующей редакции: «объекты судебной строительно-технической экспертизы – это материальные объекты-носители информации, необходимой для решения экспертной задачи».

Необходимо также дополнить стандарт ГОСТ Р 59529-2021 «Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения» следующими отсутствующими в нем дефинициями терминов и приведенными в работе [6, с. 147–148]:

- субъект судебно-экспертной деятельности: лицо, участвующее в процессе назначения, производства и оценки судебных экспертиз;

- судебный эксперт: физическое лицо, обладающее системой специальных знаний в определенной узкопрофильной области науки, техники, искусства, ремесла, полученных в результате специального образования и профессиональной подготовки и назначенное в порядке процессуального законодательства;

- специалист: лицо, обладающее специальными знаниями, полученными в результате специального образования, профессиональной подготовки или практической работы в определенной области деятельности, привлекаемое к участию в процессуальных действиях в порядке, установленном процессуальным законодательством для содействия в обнаружении, фиксации и изъятии предметов и документов, применении технико-криминалистических средств и методов, в исследовании материалов дела и материалов проверки сообщения о преступлении, для формулирования и корректировки вопросов эксперту, а также для пояснения сторонам и суду вопросов, образующих его профессиональную компетенцию, и составления заключения.

- внутреннее убеждение эксперта: субъективно-объективная категория, заключающаяся в психологическом состоянии эксперта, возникающем при доказанности какого-то положения при достижении предельно возможного уровня решения поставленной перед ним экспертной задачи;

- здоровый экспертный скептицизм: сомнение в возможности достижения положительного результата, возникающее у судебного эксперта в процессе решения сложной экспертной задачи при сравнении с собственными познаниями.

Кроме того, предлагаем дополнительно включить в стандарт ГОСТ Р 59529-2021 «Судебная строительно-техническая экспертиза. Термины и определения» экспертологический ряд основных наиболее востребованных терминов судебной строительно-технической экспертизы, но отсутствующих в стандарте. Данные термины и определения представлены в редакции автора [14, с. 89]:

- качество: совокупность свойств, составляющих сущность материального объекта судебной экспертизы, присущих ему по происхождению или назначению;

- причина: релевантное условие, необходимое и достаточное для неизбежного перехода материального объекта судебной экспертизы в наблюдаемое дискретное состояние во времени или пространстве;

- причинная связь: форма передачи состояния материального объекта судебной экспертизы;

– условия: отражения изменяющейся материи в области наблюдения объекта судебной экспертизы;

– следствие: наблюдаемое дискретное состояние материи объекта судебной экспертизы во времени или пространстве.

Заключение. В заключение хотелось бы отметить нарастающие темпы развития понятийного аппарата строительно-технической экспертизы, что прямо связано с ее ролью в судопроизводстве, увеличением востребованности и усложнением решаемых задач. Вместе с тем расширяются границы терминологического поля строительной экспертизы и возрастает значимость правильного и однозначного изложения и восприятия специальных знаний, которые зависят, в первую очередь, от степени дефинированности понятий строительно-технической экспертизы и научной обоснованности определений терминов.

Поэтому в данных условиях особо важное значение приобретает целенаправленная систематическая научно-практическая деятельность по формированию терминосистемы судебной строительно-технической экспертизы. В том числе, создание системы стандартов по судебной строительно-технической экспертизе, содержащих не только нормы регулирования, но и дефиниции специальных терминов.

Список источников

1. Даниленко В.П. Русская терминология: Опыт лингв. описания / В.П. Даниленко ; АН СССР, Ин-т рус. яз. – Москва : Наука, 1977. – 246 с.

2. Шамсеева Г.Х. Юридическая терминология в английском и татарском языках : автореферат дис. ... канд. филол. наук : 10.02.20 / Г.Х. Шамсеева. – Казань, 2009. – 23 с.

3. Головин Б.Н. Лингвистические основы учения о терминах : учеб. пособие для филол. вузов / Б.Н. Головин, Р.Ю. Кобрин. – Москва : Высш. шк., 1987. – 103 с.

4. Россинская Е.Р. Судебная экспертология в свете новой номенклатуры научных специальностей / Е.Р. Россинская // Национальные и международные тенденции и перспективы развития судебной экспертизы : сборник докладов научно-практической конференции с международным участием, Нижний Новгород, 19–20 мая 2022 г. – Нижний Новгород : ННГУ, 2022. – С. 225–231.

5. Гринев-Гриневич С.В. Терминоведение : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / С.В. Гринев-Гриневич. – Москва : Академия, 2008. – 303 с.

6. Аминев Ф.Г. О современном понятийном аппарате судебной экспертологии / Ф.Г. Аминев // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2017. – № 4 (83). – С.143–149.

7. Аверьянова Т.В. Проблемы теории и практики судебной экспертизы / Т.В. Аверьянова // Вопросы экспертной практики. – 2017. – № S1. – С.1–8.

8. Зинин А.М. Судебная экспертиза : учебник для студентов вузов / А.М. Зинин, Н.П. Майлис. – Москва : Юрайт : Право и закон, 2002. – 318 с.
9. Словарь основных терминов судебных экспертиз / ред.-сост. Ю.Г. Корухов ; Некоммерческое партнерство «Палата судебных экспертов». – Москва : СУДЕКС, 2009. – 119 с.
10. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу : учебное пособие / Н.П. Майлис ; Московский университет МВД России, Фонд содействия правоохранительным органам «Закон и право». – Москва : ЮНИТИ-ДАНА : Закон и право, 2012. – 112 с.
11. Россинская Е.Р. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе / Е.Р. Россинская. – Москва : НОРМА, 2006. – 655 с.
12. Смирнова С.А. Судебная экспертиза на рубеже XXI века. Состояние, развитие, проблемы / С.А. Смирнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Санкт-Петербург : Питер, 2004. – 874 с.
13. Россинская Е.Р. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология) : учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Судебная экспертиза», квалификация «судебный эксперт» / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин ; под ред. Е.Р. Россинской ; Московский гос. юридический ун-т им. О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Норма : ИНФРА-М, 2016. – 367 с.
14. Замятин С.А. Методологические проблемы установления причины в рамках судебной строительно-технической экспертизы / С.А. Замятин // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях : материалы X Международной научно-практической конференции, посвященной двадцатилетию Института судебных экспертиз Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 30–31 января 2025 г. – Москва : Проспект, 2025. – С. 86–91.

References

1. Danilenko V.P. Russian Terminology. The Experience of Linguistic Description. Moscow, Nauka, 1977. 246 p. (In Russian).
2. Shamseeva G.H. Legal Terminology in English and Tatar Languages. *Cand. Diss. Thesis*. Kazan, 2009. 23p. (In Russian).
3. Golovin B.N., Kobrin R.Y. Linguistic Foundations of the Terms' Doctrine: Textbook for Philologists. Moscow, Vysshaya shkola, 1987. 103 p. (In Russian).
4. Rossinskaya E.R. Forensic Expertology in the Context of the New Scientific Specialties Nomenclature. *National and International Trends and Prospects for the Development of Forensic Examination. Collection of Reports of a Scientific and Practical Conference with International Participation, Nizhny Novgorod, May 19-20, 2022*. Nizhny Novgorod, NNSU, 2022, pp. 225–231. (In Russian).

5. Grinev-Grinevich S.V. Terminology: Textbook. Moscow, Academia, 2008. 303 p. (In Russian).
6. Aminev F.G. About the Modern Conceptual Apparatus Judicial Expertology. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2017, no. 4 (83), pp. 143–149. (In Russian).
7. Averyanova T.V. Problems of Theory and Practice of Forensic Examination. *Vo-prosy ekspertnoy praktiki = Issues of Expert Practice*, 2017, no. 1, pp. 1–8. (In Russian).
8. Zinin A.M., Mailis N.P. Judicial Examination: Textbook. Moscow, Pravo i zakon, 2002. 318 p. (In Russian).
9. Korukhov Yu.G. (ed.). Dictionary of Forensic Examinations' Basic Terms. Moscow, SUDEX, 2014. 119 p. (In Russian).
10. Mailis N.P. Introduction to Forensic Examination: Textbook. Moscow, UNITY-DANA, Law and Justice, 2012. 112 p. (In Russian).
11. Rossinskaya E.R. Judicial Expertise in Civil, Arbitration, Administrative and Criminal Proceedings. Moscow, NORMA, 2006. 655 p. (In Russian).
12. Smirnova S.A. Forensic Examination at the Turn of the 21st Century. Condition, Development, Problems. 2-d ed., St. Petersburg, Piter, 2004. 874 p. (In Russian).
13. Rossinskaya E.R. (ed.). Theory of Forensic Examination (Forensic Expertise): a Textbook for Students of Higher Educational Institutions Studying in the Specialty «Forensic Expertise», Qualification «Judicial Expert». Moscow State Law University Named after O. E. Kutafina. 2-d ed., Moscow, Norma, INFRA-M, 2016. 367 p. (In Russian).
14. Zamyatin S.A. Methodological Problems of Establishing the Cause in the Framework of Judicial Construction and Technical Expertise. *Theory and Practice of Forensic Examination in Modern Conditions. Proceedings of the X International Scientific and Practical Conference Dedicated to the Twentieth Anniversary of the Institute of Forensic Examinations of the Kutafin Moscow State Law University, Moscow, January 30–31, 2025*. Moscow, Prospekt, 2025, pp. 86–91. (In Russian).

Информация об авторе

Замятин Сергей Александрович –
Директор

Information about the Author

Zamyatin Sergei Aleksandrovich –
Director

Статья поступила в редакцию 09.06.2025; одобрена после рецензирования 18.06.2025; принята к публикации 20.06.2025.

The article was submitted 09.06.2025; approved after reviewing 18.06.2025; accepted for publication 20.06.2025.

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.15

Родина Елена Юрьевна

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
elena_rodina1981@mail.ru, [https://orcid.org/ 0000-0002-6147-6462](https://orcid.org/0000-0002-6147-6462)

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПОЛИГРАФА ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Аннотация. В стремительном темпе развития современных технологий расширяются возможности лиц, ведущих расследование, повышая тем самым статус правоохранительной сферы, обеспечивающей соблюдение закона и правопорядка. Актуальность применения нетрадиционных способов оценки криминалистически значимой информации (применение полиграфических исследований) обеспечивается в настоящее время обширной практикой применения современных устройств как в России, так и за рубежом. Цель: анализ практического опыта применения полиграфа, выявление проблем его применения в ходе предварительного расследования, выявление несовершенств нормативно-правового законодательства, регламентирующего использование полиграфа при расследовании преступления, в частности, при производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий, обоснование положительных результатов проведения психофизиологических исследований с использованием полиграфа. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; частнонаучные методы: юридико-догматический и метод толкования правовых норм. Результаты исследования: выявлены положительные и отрицательные стороны использования полиграфа в ходе предварительного расследования.

Ключевые слова: полиграф, отождествление, идеальные следы, опрос, следственные действия

Для цитирования: Родина Е.Ю. Особенности применения полиграфа при расследовании преступлений / Е.Ю. Родина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 175–186.

Rodina Elena Yurievna

Saint Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs
of the Russian Federation, Saint Petersburg, Russia,
elena_rodina1981@mail.ru, [https://orcid.org/ 0000-0002-6147-6462](https://orcid.org/0000-0002-6147-6462)

THE USE OF A POLYGRAPH IN CRIMES' INVESTIGATION

Abstract. In the rapid pace of modern technology, the capabilities of investigators are expanding, thereby enhancing the status of law enforcement as a law and order enforcer. The relevance of using non-traditional methods of assessing criminally significant information (the use of polygraphic studies) is currently ensured by the extensive practice of using modern devices both in Russia and abroad.

Purpose: to analyse the practical experience of using a polygraph, identify problems with its use during a preliminary investigation, identify imperfections in the regulatory legal legislation governing the use of a polygraph in the investigation of a crime, in particular in the conduct of investigative actions and operational investigative measures, substantiate the positive results of psychophysiological studies using a polygraph. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; private scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal norms. The results of the study: the positive and negative sides of using a polygraph during the preliminary investigation are revealed.

Keywords: polygraph, identification, ideal traces, survey, investigative actions

For citation: Rodina E.Yu. The Use of a Polygraph in Crimes' Investigation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 175–186 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.15.

Введение. Усовершенствование методов получения криминалистически значимой информации правоохрнительными органами – насущная необходимость сегодняшнего дня, которая обуславливает важность и актуальность вопроса использования технических устройств (полиграфа) в процессе оперативного сопровождения расследования преступлений и проведении процессуальных действий. Наиболее актуальным данный вопрос стоит по тяжким и особо тяжким преступлениям, особенно при решении тактических задач в оперативно-розыскных целях. Существенные изменения в структуре, динамике, тенденциях развития преступности, модификации известных и появления новых видов преступлений, способов их совершения требуют от правоохрнительных работников обновления системы приемов выявления и борьбы с преступностью. Одним из возможных решений данной проблемы является применение специальных знаний в области психологической науки и психофизиологической техники.

Вопросы внедрения полиграфа в правоприменительную практику исследовали многие ученые, такие как: Р.С. Белкин [1, с. 56], О.В. Белюшина [2], Ю.К. Орлов [3], Е.В. Комиссарова, А.П. Сошников [4] и другие.

Среди ученых существуют различные мнения по поводу использования полиграфа для нужд расследования. Многие ученые в настоящее время склонны согласиться, что полиграф может быть правомерно использован во время проведения допроса при условии неукоснительного соблюдения законности и учета физиологических особенностей человека. При этом согласимся с Ю.В. Кореневским, который указывает на некорректность попыток совмещения допроса с опросом с использованием полиграфа. По его мнению, это может привести к тому, что в таком гибриде не будет достигнута цель ни одного, ни другого действия [5, с. 94]. При этом, использование полиграфа для получения ориентирующей информации может оказаться весьма полезным для органов предварительного расследования. Специалисты могут проводить любые диагностические исследования по поручению следователя в рамках следственного действия.

По нашему мнению, недостаточно раскрыты правовые и методические возможности исследования с использованием полиграфа при проведении следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий для внедрения полученных результатов в уголовно-процессуальную деятельность, что и обуславливает актуальность данной темы. В соответствии с действующим законодательством при проведении следственных действий (розыскных мероприятий) разрешается применять необходимые методы, которые являются неотъемлемой частью организационных мероприятий, тактических приемов, в том числе применять технико-криминалистические средства. Основополагающими принципами выступает законность, оперативность и достоверность информации, полученной о преступлении или лице, его совершившем.

Кроме того, опрос участников уголовного судопроизводства (свидетеля, потерпевшего, подозреваемого и т.п.) с применением полиграфа отвечает основным общепризнанным принципам психодиагностического обследования

(законности, научности, полноты исследования, соблюдения прав человека) и является вполне законным способом получения информации от интересующих следствие лиц, при условии их добровольного согласия на проведение исследования. Полиграф по своим техническим характеристикам относится к группе психофизиологической аппаратуры и не может ни угнетать свободу, ни нанести вред здоровью человека и окружающей среде, то есть соответствует общим правилам применения технических средств.

В настоящее время существуют различные подходы к определению места и значения полиграфа, но единого системно-концептуального видения относительно правовой регламентации применения полиграфа не выработано. Международный опыт по практике применения полиграфа в правоохранительной деятельности показывает, что научная дискуссия вокруг этого вопроса ведется и сегодня среди ученых и практических работников. Одни ученые считают, что установить правду с помощью полиграфа невозможно, а применяют его не столько для получения сведений, сколько для психологического воздействия на человека, подозреваемого в совершении преступления. Кроме того, информация, полученная в результате опроса с применением полиграфа, не может быть использована в качестве доказательства в уголовном судопроизводстве, а также нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ прямо не указывают на основания применения полиграфа в процессе досудебного расследования.

Психофизиологическая экспертиза с использованием полиграфа как возможный источник доказательств. Использование полиграфа в уголовном судопроизводстве разных стран мира является бесспорным юридическим фактом. Практически не возникает вопроса о целесообразности применения этого прибора и его результатов при выполнении кадровых и служебных проверок по профессионально-психологическому отбору на службу и обучение, в то время как оно возникает относительно границ применения данного научно-технического прибора именно в уголовном судопроизводстве.

Ссылаясь на исследуемую эмпирическую зарубежную практику, в странах, где полиграф является легализованным прибором, его применяют в двух направлениях уголовного процесса:

- 1) В ходе проведения следственных действий.
- 2) При производстве судебной экспертизы, в том числе для решения задач уголовного судопроизводства.

Именно к такому мнению приходили в разное время ученые Ф. Берш (1959), Р. Эдвардс (1981), Р. Петерс (1982) и другие. В странах, где полиграф и деятельность по его использованию нормативно не урегулирована, в том числе в России, в основном прибор используют в кадровой работе и правоохранительной деятельности.

Первое направление более апробировано и решает широкий круг вопросов, поскольку его границы затрагивают профессиональный целенаправленный

психофизиологический отбор кадров: при найме персонала на работу; в целях периодических (плановых) проверок рабочего персонала; в случае выборочных (внеплановых) проверок сотрудников и т.п.

Второе направление имеет ряд невыясненных вопросов, требующих системного изучения, обобщения и выработки конкретных принципов использования полиграфа в уголовном судопроизводстве России. Именно это направление актуально для отечественной следственной и судебной правоприменительной деятельности. Более того, отечественными учеными отстаиваются позиции по разделению полиграфных исследований в рамках правоохранительной деятельности по следующим направлениям: криминалистическим и следственным.

С учетом того, что полиграф не имеет ныне законодательного закрепления в России, наиболее признанной остается оперативно-розыскная деятельность как составляющая негласных следственных (розыскных) действий, в которой и реализуется это экспертное исследование.

По мнению полиграфологов В.В. Семенова и Л.М. Иванова, практика использования научно-технического прибора полиграфа в оперативно-розыскной деятельности убедительно свидетельствует о возможности решения следующих вопросов:

- определение вероятности причастности опрашиваемого лица к подготовке и совершению преступления;
- во-вторых, оценка достоверности предоставленной информации опрашиваемым лицом;
- в-третьих, получить криминалистически значимую информацию о неизвестных ранее обстоятельствах преступления;
- в-четвертых, подтвердить выдвинутую криминалистическую версию [6, с. 72].

В.Я. Карлов также отмечает, что при расследовании преступлений с помощью полиграфа можно решить отдельные задачи [7, с. 23]. Действительно, накопленный опыт использования полиграфа при расследовании преступлений дает основания утверждать, что деятельность по применению этого научно-технического прибора сегодня – практически единственная процедура работы с идеальными следами и отображениями, подтвердившая свою эффективность на практике. Именно они являются ключевыми в формировании представления и воспроизведения лицом информации о произошедшем, поскольку идеальные следы – это реконструирование индивидом образа того или иного предмета (объекта), информация о котором хранится в долговременной памяти.

Идеальные следы, в отличие от материальных, недоступны для визуального видения произошедшего. Поэтому исследование идеальных следов с помощью аппаратно-программного прибора полиграфа позволяет не только провести проверку на предмет выяснения значимых вопросов для лица, которые отразятся в виде амплитудных колебаний на компьютерной полиграмме, обес-

печенных реакциями организма человека, но и определить наиболее перспективное направление расследования и доказательства о причастности или не причастности опрашиваемого к совершению уголовного правонарушения.

В связи с вышеизложенным считаем, что с помощью полиграфа и квалифицированного специалиста-полиграфолога возможно решить ряд серьезных задач, способных повлиять на ход и результаты расследования. Перечень задач определяется в зависимости от конкретной следственной ситуации, складывающейся на определенных этапах расследования преступлений. Например, следующие:

1. Проверка и оценка достоверности полученной в ходе следственных действий информации от подозреваемого или обвиняемого. Данная задача решается в ходе судебной психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа.

Специалист-полиграфолог, привлекаемый к участию в уголовном судопроизводстве как эксперт-полиграфолог, в основном, сталкивается с ситуацией, при которой подозреваемое или обвиняемое лицо отрицает свое участие в совершенном противоправном деянии. Вместе с тем, подэкспертное (подозреваемое или обвиняемое) лицо зачастую даже в ситуации проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа пытается внешне продемонстрировать открытое сотрудничество с экспертом-полиграфологом. Искренность же его поведения оценивается только после обработки полученных компьютерных полиграмм специалистом-полиграфологом.

В связи с чем, важное значение для результатов исследования имеет надлежащим образом организованная и проведенная процедура предтестовой беседы эксперта-полиграфолога с подэкспертным, а также правильно сформулированные вопросы – тесты опроса.

2. Проверка информации о невыясненных или неизвестных следствию обстоятельствах преступления, содержащих криминалистически значимые данные о личности преступника, механизме преступления и другие.

В основном построение опросных тестов будет базироваться на основе криминалистической характеристики преступления. В частности, на таких элементах:

- предмет непосредственного преступного посягательства;
- средства и орудия совершения преступления;
- способ совершения преступления и возможные способы сокрытия;
- цели и мотивы совершения преступления;
- личность преступника и потерпевшего.

В каждом случае объем и содержание значимой информации определяется индивидуально с учетом предоставленных эксперту-полиграфологу лицом, ведущим расследование, исходных данных, содержащихся в материалах уголовного дела.

3. Проверка правильности выдвинутой следствием криминалистической версии и как итог правильности выбранной линии поведения следствия по факту расследуемого преступного события.

Перед экспертом-полиграфологом встает довольно непростой вопрос – подтвердить или опровергнуть версионное умозаключение, выдвинутое уполномоченным законом субъектом уголовного процесса относительно расследуемого преступления как одного из методов криминалистического познания. С позиции науки криминалистики – это сложный мыслительный процесс, требующий детального изучения обстоятельств совершенного преступления. В процессе любой познавательной деятельности, как и при расследовании преступлений происходит не простая констатация фактов, а сложный диалектический процесс, базирующийся на аналитической деятельности. Лица, проводящие досудебное расследование, поэтапно движутся к установлению связей, существующих между отдельными фактами и обстоятельствами произошедшего, что исследуется, от знаний о настоящем – до знания о прошлом. Поэтому особое значение в этом процессе имеет такая формально-логическая категория, как гипотеза, то есть умозаключение с предположениями. В деятельности правоохранительных органов по расследованию преступлений она определена как криминалистическая версия.

Криминалистическая версия – это обоснованное предположение лица, уполномоченного осуществлять деятельность по выявлению и расследованию преступлений по фактам, явлениям или группам фактов или явлений, которые имеют или могут иметь значение для уголовного производства и свидетельствуют о сущности исследуемого события, о причинах, его вызвавших, о виновных лицах, характере их вины и других обстоятельствах, способствующих раскрытию преступления.

Следовательно, подтвердить выдвинутую криминалистическую версию следствием или опровергнуть ее для эксперта-полиграфолога означает должным образом оценить исходные данные, содержащиеся в материалах уголовного производства, а на их основе построить специальные тесты опроса подэкспертных лиц на полиграфе.

4. Содействие органам досудебного расследования в поиске без вести пропавшего лица путем инициирования проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в отношении свидетелей и потерпевших.

Зачастую случаи поиска без вести пропавших лиц характеризуются малочисленным объемом или отсутствием значимой для специалиста-полиграфолога информации.

Безусловно, основой психофизиологических тестов относительно проверки вербальных данных подэкспертного выступают исходные данные, полученные экспертом-полиграфологом из материалов уголовного дела. При этом нередко подэкспертными являются свидетели или потерпевшие, в том числе недобросовестные. В таких случаях полиграфологу следует наиболее внимательно выбирать соответствующие типы психофизиологических тестов. Именно благодаря грамотному, квалифицированному применению специальных знаний и умений полиграфологом через восприятие психофизиологических реакций

подэкспертных в процессе проведения экспертизы существуют достаточно высокие возможности по достижению значимых результатов.

5. Проверка достоверности полученных данных досудебным следствием во время проведения следственных (розыскных) действий, в том числе, по результатам тактики предъявления для опознания.

Результаты проведения психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа могут служить подтверждением или опровержением правильности получения данных относительно конкретного следственного (розыскного) действия, проведенного в установленном процессуальном порядке. Особое место в этом процессе занимает тактика проведения опознания. Предъявление для опознания – это следственное действие, заключающееся в предъявлении, демонстрировании (свидетелю, потерпевшему, подозреваемому или обвиняемому) лица или предмета с целью установления тождества или групповой принадлежности.

Результаты проведения этого следственного действия не всегда удовлетворяют стороны участников уголовного процесса. Поэтому возникает необходимость закрепить полученные данные проведением психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа, инициаторами которой выступают как уполномоченные органы досудебного расследования, так и адвокаты подзащитного. Необходимость со стороны следствия может возникнуть в случаях, когда есть основания полагать, что опознающий заведомо вводит в заблуждение досудебное расследование по разным причинам: заинтересованности в результатах уголовного производства, шантаже и запугивании лица или его родных и близких и другое. Тем самым опознающее лицо может изменить показания, данные следствию ранее, в процессе предварительно проведенного допроса. Со стороны защиты – если у защитника есть основания полагать, что допущено нарушение процессуальной формы проведения предъявления для опознания лицом, ведущим расследование, и как результат повлекло негативные последствия для подзащитного.

Предложенный выше перечень задач, которые можно выполнить с помощью психофизиологической экспертизы с использованием полиграфа в правоохранительной деятельности, имеет лишь частичное изложение, более конкретизированные задачи определяются потребностями досудебного следствия и возможностями эксперта-полиграфолога достичь соответствующего результата.

Возможность применения полиграфа подтверждается Приказом ФСБ России от 23.06.2011 № 277 «Об организации производства судебных экспертиз в экспертных подразделениях органов федеральной службы безопасности», где в качестве одного из видов судебных экспертиз приводят психофизиологическую экспертизу, под которой понимают исследование, направленное на диагностику наличия в памяти человека информации о событиях прошлого с использованием полиграфа. Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что

существует определенная нормативно-правовая база, регулирующая и закрепляющая возможность проведения полиграфических исследований [8, с. 359].

В качестве иллюстрации к вышеизложенному приведем как положительный, так и отрицательные примеры из правоприменительной практики по использованию полиграфа в ходе расследования и раскрытии преступлений: например, в постановлении № 44У-118/2018 4У-1310/2017 от 8 августа 2018 г. по делу № 1–7/2017, суд рассмотрев предъявленные доказательства со стороны защиты, пришел к выводу о том, что при оценке виновности подсудимых в качестве доказательства – заключение о проведении ПФЭ исследования, поскольку заключения так называемой психофизиологической экспертизы, исходя из положений ст. 74 УПК РФ, не являются доказательствами по уголовному делу. Использование достижений специалиста полиграфолога в процессе доказывания по уголовному делу законом не предусмотрено¹.

Одним из положительных примеров могут служить материалы уголовного дела о причинении тяжкого вреда здоровью, повлекшего смерть гр. К. в с. Ермаковское Красноярского края. За совершение данного преступления был задержан гр. Т., который признал, что избил гр. К. в ходе конфликта, возникшего между ними, при этом тот наносил потерпевшему удары металлической трубой. В дальнейшем гр. Т. от своих показаний отказался, заявив, что оговорил себя. При этом он согласился на проведение в отношении него исследования с применением полиграфа, настаивая на своей невиновности.

В ходе проведения психофизиологической экспертизы с применением полиграфа у обвиняемого гр. Т. были выявлены реакции, свидетельствующие о том, что он располагает информацией о деталях причинения тяжкого вреда здоровью потерпевшему гр. К., не согласующейся с его последующими показаниями, а именно в части того, что: показания, данные гр. Т. на первых допросах и в явке с повинной правдивы; в той ситуации он сам наносил металлической трубой удары по голове гр. К. В процессе судебного разбирательства, с учетом экспертного заключения и других доказательств судом была дана оценка изменению гр. Т. первоначальных показаний, как попытка избежать уголовной ответственности и наказания за совершенное преступление, что было отражено в приговоре Ермаковского районного суда Красноярского края².

Подводя итог вышеизложенного, приходим к следующим выводам.

1. Использование полиграфа в уголовном судопроизводстве, в частности, в деятельности по расследованию преступлений, имеет соответствующие основы для практического применения.

¹ Судебные и нормативные акты РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/TvcbXvBN0FbL/> (дата обращения: 20.04.2025).

² Из опыта применения при раскрытии преступлений полиграфа («детектора лжи»). Следственные органы по субъектам Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://krk.sledcom.ru/folder/875930/item/875931> (дата обращения: 20.04.2025).

2. Необходимость назначения и проведения психофизиологических экспертиз с использованием полиграфа обосновывается практическими потребностями досудебного следствия в отношении проблемных вопросов, возникающих на практике в конкретном случае открытого уголовного производства.

3. Использование результатов психофизиологической экспертизы с применением полиграфа в уголовном судопроизводстве создает условия для квалифицированного, беспристрастного расследования уголовного преступления.

Заключение. Наука и техника стремительно развиваются и позволяют усовершенствовать все сферы жизни. Применение полиграфа в уголовном судопроизводстве – довольно актуальная тема, ведь иногда в уголовных делах могут отсутствовать прямые доказательства вины лица в совершении преступления, и исследования, проведенные на полиграфе, могут стать ключевым доказательством в доказывании определенных обстоятельств дела или оценке уже полученных доказательств.

Полиграф – это многоцелевой прибор, предназначенный для одновременной регистрации нескольких физиологических процессов, связанных с возникновением эмоций. Полиграф представляет собой комплекс точных медицинских приборов, непрерывно и синхронно фиксирующих динамику целого ряда реакций допрашиваемого: давления крови, частоты пульса, глубины и частоты дыхания, кожно-гальванической реакции, степени мышечного напряжения, биотоков мозга и т.д.

Сфера использования полиграфа остается неизменной (полиграфологический опрос при раскрытии и расследовании преступлений, проведении судебной экспертизы правдивости показаний участников процесса, кадровые скрининги работников и кандидатов на вакантные должности, а также служебные проверки в области национальной безопасности).

Проведение полиграфологических опросов (тестов) не противоречит действующему законодательству РФ и не нарушает конституционные права граждан, поскольку такой вид опроса осуществляется только с их письменного согласия и с одновременной регистрацией изменений психофизиологических реакций в ответ на психологические стимулы, предоставляемые в виде вариантов ответов, предметов, схем, фото и т.д. В процессе такого опроса используется методика, которая не наносит вреда жизни, здоровью человека и окружающей среде.

Целесообразно с целью обеспечения качественного законодательного нормирования проведения полиграфологического опроса (тестирования) во время проведения кадровых и служебных проверок, выявления и расследования преступлений определить и нормативно закрепить возможность проведения этого мероприятия, а также участие эксперта-полиграфолога на разных этапах расследования.

Считаем, что целесообразно регламентировать порядок проведения полиграфного обследования (опроса или проверки) и использования его матери-

алов в уголовном производстве. В законодательстве необходимо четко урегулировать требования к лицам, обладающим правом проводить психофизиологическую экспертизу с использованием полиграфа, порядок и основания получения разрешения на проведение указанных выше действий. После нормативного урегулирования возможно использование полиграфа в правоохранительной практике вместе с другими техническими средствами, с помощью которых улучшается эффективность достижения задач правоохранительными органами.

Список источников

1. Белкин Р.С. Курс криминалистики: Криминалистические средства, приемы и рекомендации : в 3 т. Т. 3 / Р.С. Белкин. – Москва : «Юристъ», 1997. – 408 с.
2. Белюшина О.В. Полиграф в суде и на предварительном следствии / О.В. Белюшина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.bnti.ru/showart.asp?aid=908&lvl=02.13> (дата обращения: 20.04.2025).
3. Орлов Ю.К. Судебная экспертиза как средство доказывания в уголовном судопроизводстве / Ю.К. Орлов. – Москва : ИПК РФЦСЭ, 2005. – 264 с.
4. Комиссарова Я.В. Заключение полиграфолога как источник доказательств / Я.В. Комиссарова, А.П. Сошников // Актуальные проблемы современной криминалистики : материалы научно-практической конференции, Симферополь – Алушта 19–21 сентября 2002 г. : в 2 ч. – Симферополь : Доля, 2002. – Ч. 1. – С. 67–72.
5. Доказывание в уголовном процессе. Традиции и современность : монография / Ю.В. Корневский, Н.М. Кипнис, Е.Ю. Львова и др. ; под ред. В.А. Власихина. – Москва : Юристъ, 2000. – 271 с.
6. Семенов В.В. Правовые, тактические и методические аспекты использования полиграфа в уголовном судопроизводстве : учеб. пособие / В.В. Семенов, Л.Н. Иванов. – Москва : Юрлитинформ, 2008. – 178 с.
7. Карлов В.Я. Использование криминалистической техники в расследовании преступлений : науч.-практ. пособие / Карлов В.Я. – Москва : Экзамен, 2006. – 189 с.
8. Рудая М.Б. Актуальные вопросы, связанные с применением полиграфа при расследовании преступлений / М.Б. Рудая, К.С. Россомахина // Молодой ученый. – 2019. – № 20 (258). – С. 358–359.

References

1. Belkin R.S. Course of Criminalistics: Criminalistic Means, Techniques and Recommendations. In 3 vols., vol. 3. Moscow, Yurist, 1997. 408 p. (In Russian).
2. Belyushina O.V. Polygraph in Court and on Preliminary Investigation. *Rossiiskij poligraf = Russian Polygraph*, 2007, no. 3. Available at: <https://m.eruditor.one/file/893464/> (accessed: 20.04.2025). (In Russian).

3. Orlov Y.K. Forensic Expertise as an Instrument of Proof in Criminal Proceedings. Moscow, PPC Russian Federal Center of Forensic Science, 2005. 264 p. (In Russian).
4. Komissarova Y.V., Soshnikov A.P. Conclusion of a Polygraphologist as a Source of Evidence. *Actual Problems of Modern Criminalistics. Materials of the Scientific and Practical Conference, in 2 vols., Simferopol – Alushta, September 19–21, 2002.* Simferopol, Dolya, 2002, vol. 1, pp 67–72. (In Russian).
5. Korenevskiy Y.V., Kipnis N.M., Lvova E.Y. et al. Proof in Criminal Proceedings. Traditions and Modernity: A Monograph. Moscow, Jurist, 2000. 271 p. (In Russian).
6. Semyonov V.V., Ivanov L.N. Legal, Tactical and Methodical Aspects of the Polygraph Use in Criminal Proceedings: Textbook. Moscow, Yurlitinform, 2008. 178 p. (In Russian).
7. Karlov V.Ya. Use of Criminalistic Technique in the Investigation of Crimes: Scientific and Practical Textbook. Moscow, Ekzamen, 2006. 189p. (In Russian).
8. Rudaya M.B., Rossomakhina K.S. Actual Issues Related to the Use of Polygraph in Crimes Investigation. *Molodoj uchenyj = Young Scientist*, 2019, no. 20 (258), pp. 358–359. (In Russian).

Информация об авторе

Родина Елена Юрьевна –
кандидат юридических наук, доцент
кафедры криминалистики

Information about the Author

Rodina Elena Yurievna – *Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminalistics*

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 07.06.2025; принята к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 07.06.2025; accepted for publication 18.06.2025.

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.16

Скрипко Владимир Анатольевич

Сибирский институт управления – филиал РАНХиГС,

Новосибирск, Россия, v.scripko@bk.ru

О КЛАССИФИКАЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИ ЗНАЧИМОЙ КОМПЬЮТЕРНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Аннотация. В статье рассмотрено понятие компьютерной информации в криминалистике в свете теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности и учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем. Криминалистически значимая компьютерная информация определена на основе базовых понятий об информации и информации в компьютерной среде в свете ее неразрывности с понятием цифрового следа. Предлагается возможность классификации информации, находящейся в компьютерной среде, по отражению объектов реального (материального, предметного) мира, способу внесения в компьютерную среду, форме представления, месту хранения в этой среде и содержанию. Отмечена особенность компьютерной информации в ее неразрывной связи между содержанием и формой хранения, что позволяет исследовать ее как в рамках криминалистического исследования компьютерных средств, так и различных направлений криминалистической техники, и различных видов судебной экспертизы.

Ключевые слова: криминалистически значимая информация, цифровизация, цифровой след, классификация компьютерной информации, компьютерная среда, отражение материальных объектов

Для цитирования: Скрипко В.А. О классификации криминалистически значимой компьютерной информации / В.А. Скрипко. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.16 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 187–197.

Skripko Vladimir AnatolievichSiberian Institute of Management – Branch RANEPa,
Novosibirsk, Russia, v.skripko@bk.ru**CLASSIFICATION OF COMPUTER DATA RELEVANT TO FORENSIC ANALYSIS**

Abstract. The article examines the concept of computer information in forensics in the context of the theory of information and computer support for forensic activities and the doctrine of computer systems and tools' forensic examination. Forensically significant computer information is defined based on fundamental concepts of information and information in computing environment, considering its inherent connection with the concept of digital footprint. The possibility of classifying information in a computer environment is proposed according to: its reflection of real-world (material, physical) objects; the method of its introduction into the computer environment; its presentation format; its storage location within this environment; and its content. The article notes a characteristic feature of computer information – its inseparable connection between content and storage format, which allows for its examination both within the framework of forensic examination of computer systems and in various areas of forensic technology, as well as in different types of forensic expert examinations.

Keywords: forensically relevant information, digitalisation, digital footprint, classification of computer data, computer environment, representation of physical objects

For citation: Skripko V.A. Classification of Computer Data Relevant to Forensic Analysis. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 187–197 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.16.

Конец XX и первая четверть XXI века связаны с цифровизацией всех сфер деятельности общества. Использование определений «цифровой» и «электронный» прочно вошло в повседневный лексикон. Не обошел стороной этот процесс и криминалистику. Вопросы исследования компьютерных систем в рамках обеспечения раскрытия и расследования преступлений на сегодняшний день находятся на этапе своего научного становления, исследованиям в этой области посвящены труды В.Ю. Агибалова, В.Б. Вехова, А.Г. Волеводз, В.А. Мещерякова, Е.Р. Россинской, В.Н. Карагодина, А.И. Семикаленовой, В.Я Колдина, А.Б. Смушкина, А.Н. Яковлева и других.

Необходимо сразу отметить, что попытки выделить отдельно «цифровую криминалистику» или «электронную криминалистику» стоит отнести к модному веянию. Простой лингвистический разбор этих понятий говорит о том, что не

может быть отдельно рассматриваемых цифровых преступлений и какой-то отдельной науки, изучающей цифровые или электронные закономерности информации о преступлении и его раскрытии параллельно с криминалистикой. Вместе с тем и исследование компьютерных средств, и использование компьютерных технологий в раскрытии и расследовании преступлений используются в повседневной практике правоохранительных органов. И, несомненно, это направление должно быть интегрировано в криминалистику.

Представляется возможным остановиться на предложенной Е.Р. Россинской и А.И. Семикаленовой теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности и разрабатываемого в ее рамках учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем [1]. Такой подход должен подвести необходимую базу информационно-компьютерных технологий во все направления криминалистической техники, криминалистической тактики и методики расследования преступлений.

Основа раскрытия любого преступления – это информация. Раскрытие преступления, совершенного в сфере компьютерных технологий, преступления при совершении или сокрытии которого использовались компьютерные средства, невозможно представить без получения информации, находящейся в этой компьютерной среде. Понятие «компьютерная криминалистически значимая информация» неразрывно связано с понятием цифрового следа. Оба понятия являются одной из обсуждаемых и актуальных на сегодняшний день тем.

Большинство исследований, несмотря на различные подходы к природе цифрового следа, сводится к общему пониманию, что цифровой след в своей основе – это криминалистически значимая информация. Вместе с тем представляется необходимым определить классификацию этой информации по различным основаниям с точки зрения практического использования в рамках криминалистики и применения специальных знаний при проведении экспертных исследований.

Попробуем определить, что же такое компьютерная информация в криминалистике. Интернет-портал «Большая российская энциклопедия» дает определение информации как «сообщение или сигнал, совокупность данных, сведения»¹.

В русском языке слово «информация» появилось от латинского «informatiō» – «изложение», «истолкование», «разъяснение». Глагольная производная обозначала такие основные понятия, как «формирую», «организую», «обучаю», перешедшие к существительному «форма». На протяжении истории это слово использовалось для обозначения «учителя» в эпоху Петра I, а также определялось как «извещение и донесение». В советский период это понятие стало широко использоваться в публицистике и идеологии и далее в техниче-

¹ Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. URL: <https://bigenc.ru/c/informatsiia-50086f> (дата обращения: 21.04.2025).

ской сфере (производственно-техническая информация). Со второй половины XX столетия это слово тесно связано со сведениями хранения, передачи, обработки каких-либо объектов или данных, выражающихся цифрами, графиками [2].

Таким образом можно сказать, что смысл, вложенный в понятие информации, зависит от области применения и различных сфер деятельности. Так, в статье 2 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» информация определяется как «сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления»².

В повседневной жизни мы сталкиваемся с визуальной, воспринимаемой органами зрения, звуковой (органы слуха), тактильной (тактильные рецепторы), обонятельной (обонятельные рецепторы) и вкусовой (вкусовые рецепторы) информацией.

В сфере компьютерных технологий информацию разделяют по форме ее представления на: текстовую, числовую, графическую и звуковую. При этом под текстовой понимается информация в виде символов, обозначающих лексемы языка, числовой – в виде цифр и знаков, обозначающих математические действия, графической – в виде изображений, событий, предметов или графиков, звуковой – устная передача лексем языка.

В Уголовном кодексе РФ под компьютерной информацией понимаются «сведения (сообщения, данные), представленные в форме электрических сигналов, независимо от средств их хранения, обработки и передачи»³.

В.Ю. Агibalов выделял в компьютерной информации специальный машинный вид, автоматическую обработку, нахождение на материальном носителе и электромагнитном поле [3, с. 34].

Исходя из того, что компьютерная информация в криминалистике используется в первую очередь для целей доказывания, Е.Р. Россинская определяет ее как фактические данные, выделяя в них обработку компьютерной системой, передачу по телекоммуникационным каналам и доступность для восприятия [1, с. 752].

В.Н. Карагодин считает, что «не может быть никакого криминалистического понятия «компьютерная информация» и все вопросы, связанные с компьютерными средствами, должны решаться в рамках специальных знаний» [4, с. 118]. Несомненно, это область специальных знаний, но, как уже было отмечено ранее, на сегодняшний день компьютеризация затронула абсолютно все сферы деятельности и рассматривать вопросы, изучаемые отдельными направлениями криминалистики в отрыве от компьютерных средств, было бы

² Об информации, информационных технологиях и о защите информации : Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Примечание 1 к ч. 4 ст. 272 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 28.02.2025) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

неправильно. Так, Ю.Л. Дяблова предлагает рассматривать «с позиции цифровизации» «весь предмет криминалистики, все криминалистические учения, все разделы и подразделы» [5].

Основными видами информации, хранящейся в компьютерной среде и интересующей нас в целях расследования тех или иных преступлений, могут быть: изображение (фото и видео) объектов, лиц, местности, определенных действий; текстовые документы; документы в виде баз данных (таблицы); графическая информация (рисунки, графики, схемы); программы (программное обеспечение, вредоносные программы и т.п.); вебсайты и страницы сайтов; сообщения в мессенджерах, почтовых сервисах и социальных сетях; записи о действиях пользователя или программного обеспечения; иные записи, связанные с работой системы. При этом под компьютерной средой или компьютерным пространством стоит понимать любые носители информации, непосредственно компьютеры, серверы, иные приравненные к ним устройства, компьютерные сети различной конфигурации, включая интернет и телекоммуникационные линии.

По форме представления В.Б. Вехов разделяет такую информацию на: «файл, сетевой адрес, информационная система, база данных, программа для ЭВМ (компьютерная программа), доменное имя, электронное сообщение, электронная подпись, электронный документ, электронный журнал, электронные денежные средства, сайт, страница сайта» [6, с. 44]. Кроме того, им предложена классификация компьютерной информации по юридической форме (документированная и не документированная), режиму уголовно-правовой охраны (информация общего пользования и охраняемая законом) и возможности использования в качестве информационного оружия (вредоносные программы).

Классификация по форме представления информации по своей природе ближе к понятию цифровой след. С практической точки зрения, исходя из природы происхождения, компьютерную криминалистически значимую информацию представляется возможным классифицировать по отражению материальных объектов и способу внесения ее в компьютерную среду.

Так, по отражению материальных объектов можно выделить информацию, содержащую отражение объекта реального (материального, предметного) мира и информацию, не являющуюся отражением материального объекта. К первой группе относятся изображения (фото, видео) предметов, объектов, документов, живых лиц, записи голоса, звука механизмов и т.п. К ней также возможно отнести информацию о количественном и качественном составе вещества, полученную при использовании аналитического оборудования с прикладным программным обеспечением. Ко второй группе относится информация, непосредственно созданная с использованием компьютерных средств и программного обеспечения: текстовые документы, графики, рисунки, а также поддельные изображения, видео и звука, созданные, например, с использованием нейросетей (дипфейки).

По способу внесения (создания) в компьютерную среду предлагается рассматривать информацию:

- введенную непосредственно пользователем, такую как текстовые или графические документы, фотографии, видео и аудио записи и иное;
- введенную автоматизированными системами, к числу которых можно отнести системы видеонаблюдения, прикладное программное обеспечение аналитического оборудования и т.п.;
- созданную операционным программным обеспечением и связанную с фиксацией каких-либо действий в системе (запись, удаление, включение, подключение, переходы и иное);
- созданную нейросетью или искусственным интеллектом (синтез изображений, видео, аудио).

Известно, что любая информация в компьютерной среде представлена в неявном, закодированном виде. В физическом проявлении наличие или отсутствие сигнала выражено либо статически в виде различной намагниченности отдельных участков, например, твердотельный диск (SSD), диск на магнитных носителях (НЖМД), либо в виде регенерации (стирание и новое записывание) информации, например, оперативная память (RAM).

Информация записывается в виде последовательности байтов, группировка информации в файл осуществляется в виде записи кодов информации об определённой последовательности байтов, которые необходимо считать файлом (поименованная область данных). При этом структурно такая запись может храниться как последовательно на диске, так и в разных его частях, а в отдельных случаях и на разных носителях, в том числе разнесенных в пространстве. Визуально, хранимую в компьютерной среде информацию, мы можем наблюдать только с использованием специального программного обеспечения, контроллеров и т.п. Таким образом, компьютерную информацию по форме представления, опять же с практической для криминалистики стороны, мы можем классифицировать на:

- непосредственно файл, как базовый объект;
- файл или систему файлов в виде веб-страницы и сайта;
- файл или систему файлов в виде страниц обозревателей, браузеров, диалоговых окон программ и т.п.;
- сообщения в мессенджерах, почтовых сервисах и социальных сетях;
- отдельные записи в компьютерной системе (записи о включении, входе, метаданные файла, выходе в сеть, IP-адреса, доменные имена, пароли и логины и т.п.).

Говоря выше о неразрывной связи компьютерной криминалистически значимой информации и цифрового следа вполне логично принять за след в широком смысле ввод, создание, хранение и передачу информации, а к следам в узком смысле отнести непосредственно сведения в системных, временных,

специализированных файлах, сведения о свойствах и метаданных файлов и иные связанные непосредственно с записью, нахождением и перемещением закодированной информации на различные носители. Такие носители, а значит и информацию по месту ее хранения (записи) мы можем классифицировать как информацию, находящуюся на:

- магнитных дисках, лентах (дискеты, накопители на жестких магнитных дисках и т.п);
- полупроводниковых, твердотельных дисках (флеш-память, SSD-диски);
- оптических дисках (CD-ROM, DVD-ROM, Blu-ray);
- иных объектах (например, перфокарта).

Дополнительно по расположению носителей в компьютерной среде можно классифицировать информацию на: находящуюся на персональном компьютере, мобильном устройстве, сервере, в облачном хранилище.

Криминалистически значимую компьютерную информацию в более упрощенном виде можно представить как любую закодированную (преобразованную в цифровой вид) информацию, являющуюся в свою очередь своего рода наполнением или «содержимым» файла, веб-страницы, диалогового окна и т.п., а также сведений о способах записи, хранения и т.п. этой информации. Приведенное разграничение близко к классификации по юридическому положению, определенной В.Б. Веховым [6, с. 44], по которой содержимое файла может являться некой документированной информацией. Правда, в нашем случае это может быть как официально задокументированная информация, имеющая оригинал, так и неофициальная, которую мы все равно можем назвать документом. Это и копия текстового документа, и электронный документ, изображение, видео и аудиозапись, и иные сведения. Так, например, М.В. Кардашевская определяет все цифровые следы как «документ в виде зафиксированной криминалистически значимой компьютерной информации, имеющей свои реквизиты» [7, с. 85].

Остальные сведения о способах записи, хранения и т.п. информации, отнесенные выше к цифровым следам в узком смысле, можно считать неофициально задокументированной информацией. Стоит отметить, что такая информация может носить и официальный характер, связанный, например, с цифровой электронной подписью.

Свойство задокументированной и закодированной в цифровом виде информации оставаться целостной при перемещении с одного носителя на другой (перемещении в компьютерной среде) позволяет исследовать ее как в рамках различных направлениях криминалистической техники, так и различных видах судебной экспертизы. Так, на сегодняшний день в компьютерной среде могут быть представлены объекты автороведческой, фоноскопической, лингвистической, дактилоскопической, в некоторых случаях трасологической и иных видов судебных экспертиз. В то же время компьютерная информация, связанная с созданием, хранением, перемещением и иными действиями является от-

носительно узкой и исследуется в рамках криминалистического исследования компьютерных средств и систем, компьютерной (компьютерно-технической) экспертизы. Между тем неразрывная связь указанных видов криминалистически значимой информации предполагает и возможность интеграционного подхода к ее исследованию, предложенного Ф.Г. Аминевым [8].

Таким образом, под компьютерной криминалистически значимой информации можно понимать любую закодированную в цифровом виде информацию, находящуюся в компьютерной среде и имеющую отношение к расследуемому событию. Данную информацию можно классифицировать следующим образом.

1. По способу отражения материальных объектов – на информацию, содержащую отражение объекта материального, предметного мира и информацию, не являющуюся отражением материального объекта.

2. По способу внесения в компьютерную среду – на информацию, введенную пользователем, введенную автоматизированными системами, созданную операционным программным обеспечением, созданную нейросетью или искусственным интеллектом;

3. По форме представления – на файл как базовый объект, систему файлов в виде веб-страницы или сайта, систему файлов в виде страниц обозревателей, браузеров, диалоговых окон программ и т.п., сообщений в мессенджерах, почтовых сервисах и социальных сетях, отдельных записей в компьютерной системе (записи о включении, входе, метаданные файла, выходе в сеть, IP-адреса, доменные имена, пароли и логины и т.п.).

4. По месту хранения (записи) – на информацию, находящуюся на магнитных дисках или лентах, твердотельных дисках; оптических дисках и иных объектах. По месту нахождения накопителя в компьютерной среде можно классифицировать информацию как: находящуюся на персональном компьютере, мобильном устройстве, сервере, в облачном хранилище.

5. По содержанию – на документированную информацию, являющуюся содержимым файла и не документированную в виде служебных записей о создании, хранении, перемещении и иных сведений.

Список источников

1. Россинская Е.Р. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / Е.Р. Россинская, А.И. Семикаленова. – DOI 10.21638/spbu14.2020.315. – EDN VVNHJG // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2020. – Т. 11, № 3. – С. 745–759.

2. Крюкова О.С. О семантической истории слова «информация» / О.С. Крюкова // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 6, Языкознание: Реферативный журнал. – 2019. – № 3. [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semanticheskoy-istorii-slova-informatsiya> (дата обращения: 10.04.2025).

3. Агibalов В.Ю. Виртуальные следы в криминалистике и уголовном процессе : монография / В.Ю. Агibalов. – Москва : Юрлитинформ, 2012. – 152 с.

4. Карагодин В.Н. Исследования компьютерных информационных процессов в структуре науки криминалистики / В.Н. Карагодин. – EDN ILCRTI // Криминалистика в условиях развития информационного общества (59-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва, 18 мая 2018 года. – Москва : Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2018. – С. 115–119.

5. Дяблова Ю.Л. Цифровая криминалистика – будущее науки или тренд современности? / Ю.Л. Дяблова. – DOI 10.24412/2071-6184-2021-1-85-93. – EDN KACWJG // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. – 2021. – № 1. – С. 85–93.

6. Вехов В.Б. «Электронная криминалистика»: понятие и система / В.Б. Вехов. – EDN ZPTOTH // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики : сборник трудов участников Международной научно-практической конференции, Ростов-на-Дону, 25 мая 2017 года. – Ростов-на-Дону : Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2017. – С. 40–46.

7. Кардашевская М.В. К вопросу о криминалистической сущности цифровых следов / М.В. Кардашевская. – EDN BHZFUX // Уголовный процесс и криминалистика: теория, практика, дидактика : сборник материалов VIII Всероссийской научно-практической конференции, Рязань, 16 декабря 2022 года. – Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2023. – С. 83–86.

8. Аминев Ф.Г. Об интеграции специальных знаний в судебной экспертизе / Ф.Г. Аминев. – EDN YYUYCD // Современные проблемы отечественной криминалистики и перспективы ее развития : Сборник научных статей по материалам Всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), посвященной 20-летию кафедры криминалистики, Краснодар, 28–29 сентября 2018 года / Ответственный редактор Г.М. Меретуков. – Краснодар : Кубанский государственный аграрный университет имени И.Т. Трубилина, 2019. – С. 122–127.

References

1. Rossinskaya E.R., Semikalenova A.I. The Fundamental Doctrine of the criminalistics Study of Computer Tools and Systems as Part of the Theory of Information and Computer Support for Criminalistics Activities. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*. 2020. vol. 11, no. 3, pp. 745–759. DOI 10.21638/spbu14.2020.315. EDN VVHHJG (In Russian).
2. Kryukova O.S. On the Semantic History of the Word "Information". *Social'nye i Gumanitarnye Nauki. Otechestvennaya i Zarubezhnaya Literatura. Seriya 6: Yazykoznanie = Social Sciences and Humanities. Domestic and Foreign Literature. Ser. 6, Linguistics: Abstract Journal*, 2019, no.3. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-semanticheskoy-istorii-slova-informatsiya/> (accessed: 10.04.2025). (In Russian).
3. Agibalov V.Yu. Virtual Traces in Criminalistics and Criminal Procedure: Monograph. Moscow, 2012. 152 p. (In Russian).
4. Karagodin V.N. Research of Computer Information Processes in the Structure of Forensic Science. *Forensics in the Context of the Development of Information Society (59th Annual Forensic Readings): Collection of Articles of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, May 18, 2018*. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2018, pp. 115–119. EDN ILCRTI. (In Russian).
5. Dyablova Yu.L. Digital Forensics – the Future of Science or a Trend of Our Time? *Izvestiya Tul'skogo Gosudarstvennogo Universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki = Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences*, 2021, no. 1, pp. 85–93. DOI 10.24412/2071-6184-2021-1-85-93. EDN KACWJG. (In Russian).
6. Vekhov V.B. "Computer-Assisted" Criminalistics: Concept and System. *Criminalistics: Current Issues of Theory and Practice: Collection of Works of Participants of the International Scientific and Practical Conference, Rostov-on-Don, May 25, 2017*. Rostov-on-Don, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2017, pp. 40–46. EDN ZPTOTH. (In Russian).
7. Kardashevskaya M.V. On the Forensic Essence of Digital Footprints. *Criminal Procedure and Forensics: Theory, Practice, Didactics: Collection of Materials of the VIII All-Russian Scientific and Practical Conference, Ryazan, December 16, 2022*. Ryazan, Academy of Law and Management of the Federal Penitentiary Service, 2023, pp. 83–86. EDN BHZFUX. (In Russian).
8. Aminiev F.G. On the Integration of Special Knowledge in Forensic Examination. *Modern Problems of Russian Forensics and Prospects for Its Development: Collection of Scientific Articles Based on the Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference (with International Participation) Dedicated to the 20th Anniversary of the Department of Forensics, Krasnodar, September 28–29, 2018*. Krasnodar, Kuban State Agrarian University Named after I.T. Trubilin, 2019, pp. 122–127. EDN YYUYCD. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Скрипко Владимир Анатольевич –
заведующий учебной лабораторией
криминалистики, преподаватель ка-
федры уголовного права и процесса

Skripko Vladimir Anatolievich – Head
of the Criminalistics Training Laborato-
ry, Lecturer of the Chair of Criminal Law
and Procedure

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 02.06.2025

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.17

Халиуллина Айгуль Фаатовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

aigul229@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4193-2832>

ПРАВОВАЯ ФОРМА ИСПОЛЬЗОВАНИЯ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ С УЧАСТИЕМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Аннотация. В публикации раскрываются основные формы использования специальных знаний при расследовании преступлений, где основными участниками являются несовершеннолетние лица. Большая роль в расследовании этих преступлений принадлежит лицам, которые обладают специальными знаниями. В свою очередь, выбор указанных лиц определяется видом преступления, способом совершения, обстановкой. На примере отдельных видов преступлений представлен ряд ситуаций, которые определяют выбор лиц, обладающих специальными знаниями. Цель: рассмотреть и обосновать значимость, целесообразность участия лиц, обладающих специальными знаниями в различных следственных ситуациях. Методы: положения материалистической диалектики, теория познания и общая теория криминалистики. В ходе исследования использовались общенаучные и частно-научные методы: анализ, синтез, дедукция, индукция, научный прогноз, описание, формально-правовой, сравнительно-правовой и статистический методы. Результаты: исследование позволило разработать систему криминалистически значимых признаков, обуславливающих выбор специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних, что позволит сориентировать лиц, осуществляющих предварительное расследование, в различных следственных ситуациях.

Ключевые слова: несовершеннолетние, специальные знания, эксперт, специалист, форма использования специальных знаний, способ совершения преступления, сведущие лица

Для цитирования: Халиуллина А.Ф. Правовая форма использования специальных знаний при расследовании преступлений с участием несовершеннолетних / А.Ф. Халиуллина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.17 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 198–204.

Khaliullina Aigul Faatovna

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia,
aigul229@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0003-4193-2832>

THE LEGAL FORM OF USING SPECIAL KNOWLEDGE IN THE INVESTIGATION OF CRIMES INVOLVING MINORS

Abstract. The paper reveals the main forms of using special knowledge in the investigation of crimes where the main participants are minors. Persons with special knowledge play a major role in the investigation of these crimes. In turn, the choice of these persons is determined by the type of crime, modus operandi, environment. Using the example of certain types of crimes, the article presents a number of situations that determine the choice of persons with special knowledge. Purpose: to consider and substantiate the importance and expediency of the participation of persons with special knowledge in various investigative situations. Methods: the principles of materialistic dialectics, the theory of knowledge and the general theory of criminology. The research uses general scientific and specific scientific methods: analysis, synthesis, deduction, induction, scientific prediction, description, formal legal, comparative legal and statistical methods. Results: the study makes it possible to develop a system of criminalistically significant features that determine the choice of special knowledge in the investigation of crimes involving minors, which will allow to orient persons conducting a preliminary investigation in various investigative situations.

Keywords: minors, special knowledge, expert, specialist, form of using special knowledge, modus operandi, knowledgeable persons

For citation: Khaliullina A.F. The Legal Form of Using Special Knowledge in the Investigation of Crimes Involving Minors. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, № 2, pp. 198–204 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.17.

Введение. Значимую роль в расследовании преступлений, совершаемых с участием несовершеннолетних, занимает установление обстоятельств подлежащих доказыванию, при этом дополнительные гарантии, которыми наделил законодатель несовершеннолетних, существенно расширили круг таких обстоятельств. Но стоит учитывать тот факт, что часть этих обстоятельств правоприменитель способен установить только благодаря привлечению сведущих лиц к проведению следственных действий. Многие исследователи, обращаясь к теме применения специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве, отмечают давнюю историю обращения к знаниям специалистов в различных отраслях науки и знаний в уголовном и гражданском процессе [1, с. 71]. Этот

порядок закреплён в УПК РФ, но при этом важно учитывать ряд криминалистически значимых признаков (обстоятельств), от которых зависит выбор оптимальной правовой формы использования специальных знаний в делах, где участниками процесса выступают несовершеннолетние лица. Однако не только практика использования специальных знаний порождает новые проблемы. Некоторые из них зачастую возникают по вине самого законодателя, допустившего небрежность и в формулировках соответствующих правовых норм и в используемой им терминологии. Так, к примеру, отсутствие законодательной регламентации процесса вовлечения и участия специалиста в следственных действиях на стадии возбуждения уголовного дела влечёт ряд вопросов практического применения положений статьи 144 УПК РФ [2, с. 263].

Система криминалистически значимых признаков, обуславливающих выбор специальных знаний. Правовая форма использования специальных знаний обусловлена следующими обстоятельствами:

- а) вид преступления, совершённого несовершеннолетним, согласно его криминалистической классификации;
- б) характер и сущность подлежащих выяснению вопросов, требующих привлечения специальных знаний или навыков;
- в) связь возникающих специальных вопросов с предметом доказывания по делам данной категории;
- г) статус участников процесса, наделённых правом обращаться к сведущим лицам, и пределы их полномочий по делам о преступлениях несовершеннолетних;
- д) особенности личности несовершеннолетних участников и многие другие факторы.

Эти обстоятельства и являются основой или критериями систематизации правовых форм использования специальных знаний при расследовании преступлений, совершаемых несовершеннолетними. Осведомлённость следователя (суда) в разнообразии этих правовых форм, приведённых в систему, поможет им выбрать оптимальный вариант.

Говоря о видах преступлений, определяющих разнообразие и являющихся основаниями систематизации правовых форм использования специальных знаний по делам несовершеннолетних, прежде всего, имеются в виду те, которые, будучи основаны на их уголовно-правовой характеристике, различаются криминалистическими признаками [3, с. 673]. В частности, спецификой обстановки, места и способа совершения преступлений, объектом преступного посяательства, особенностями личности несовершеннолетнего преступника и другими криминалистически значимыми элементами преступления, составляющими его криминалистическую характеристику. Именно они в известной степени определяют потребность в применении специальных знаний, необходимых для установления важных обстоятельств преступлений, совершаемых

несовершеннолетними или при их участии. Наиболее информативна в этом отношении группа преступлений, отличающихся своей корыстной направленностью, позволяющей определиться с выбором правовой формы использования специальных знаний для выяснения обстоятельств таких преступлений.

Так, специалист-криминалист, приглашенный следователем для участия в осмотре места квартирной кражи, исследуя её материальную обстановку и комплексно представляя себе следовую картину, может провести ситуалогическое её исследование и высказать по обнаруженным следам обоснованные суждения:

- а) о способах проникновения посторонних лиц в охраняемое помещение, в том числе характерных для несовершеннолетних;
- б) об орудиях, использованных для взлома запирающего устройства, чаще других выбираемых несовершеннолетними для таких целей;
- в) о личности преступников – их возрасте, составе группы, характерном для подростков и детей поведении;
- г) о других криминалистически значимых признаках расследуемого события, участником которого стал несовершеннолетний.

Иногда специалисту удаётся обнаружить в материальной обстановке признаки, позволяющие конкретизировать корыстные мотивы, которыми преступники руководствовались. Например, локализация и характер следов на месте кражи позволяют судить об осведомленности преступника о местах хранения похищенных ценностей и т.д.

Надо полагать, что иных правовых форм использования специальных знаний потребует диагностика признаков, определяющих специфику действий несовершеннолетних преступников, совершающих насильственные преступления. Само по себе насилие приводит к таким изменениям в организме жертвы, которые потребуют привлечения для их осмотра сведущих в медицине лиц, способных ответить на многие вопросы: а) о времени причинения повреждений, их характере и степени тяжести; б) об использованных преступником орудиях; в) о способе совершенного над жертвой насилия, особенности которого иногда дают основания судить о принадлежности преступника к определенной возрастной группе.

Специалист в области судебной медицины, однако, не единственное сведущее лицо, принятие решения о привлечении которого может быть обусловлено криминалистическими особенностями совершаемых несовершеннолетними насильственных преступлений. Помимо них, при расследовании и разбирательстве в суде таких дел могут быть востребованы сведущие лица и иной специализации, приглашаемые по усмотрению следователя (дознателя). Их привлечение к производству по делу может оказаться полезным для выяснения, прежде всего, обстоятельств, указывающих на участие в преступлении именно подростков. Это особенно важно для принятия решений на этапе проведения доследственной проверки полученных сообщений о насильственном

преступлении. Например, специалист в области трасологии или криминалистического оружиеведения, исследуя повреждения на одежде и теле трупа, может обнаружить в них признаки, характерные для использования определенных видов орудий, и основываясь на своих знаниях о том, какие орудия чаще выбирают для совершения преступлений именно несовершеннолетние, высказать предположение о личности преступника и его принадлежности к определенной возрастной группе.

Помимо криминалистических особенностей самого преступления, выбор правовой формы использования специальных знаний, конечно же, зависит и от того, какие вопросы предстоит решить следователю (суду) путём обращения к сведущим лицам. В одних случаях сделать такой выбор не представляет большой трудности, для этого достаточно знать, решением каких вопросов занимается конкретная отрасль специального знания. Так, нетрудно выбрать форму использования специальных знаний, если возникают вопросы, касающиеся здоровья несовершеннолетнего обвиняемого. Любому ясно, что это должны быть лица, сведущие в медицине.

В других случаях выбор оказывается не таким простым. Особенно, когда требуется определить узкую специализацию сведущего лица, необходимую для решения конкретного вопроса. Например, далеко не каждому следователю или судье известны пределы компетенции уролога и сексолога, дающие основания их разграничивать, чтобы обоснованно решить, к кому из них следует обратиться для решения, например, вопроса о способности конкретного несовершеннолетнего, заподозренного в сексуальном насилии, совершить половой акт, или об уровне полового созревания подростка, задержанного по такому уголовному делу.

Проблема может возникнуть у следователя (суда) и с выбором между лицами, сведущими в области психологии и психиатрии, педагогики и психологии, между экспертом-почерковедом и специалистом по техническому исследованию документов и т.д. От правильности выбора по признакам специфики поставленного вопроса будет зависеть и обоснованность правовой формы использования специальных знаний для ответа на него.

Особую актуальность проблема приобрела в связи с расширением круга следственных действий, в производстве которых педагоги и детские психологи вправе или обязаны участвовать. Оценивая эту законодательную инициативу, многие авторы особо отмечали важность данного нововведения, прежде всего, с точки зрения защиты прав несовершеннолетних.

Тем не менее, некоторыми учеными высказывались и откровенно ошибочные оценки дополнений, введённых в УПК в 2013 году. Так, М.А. Шувалова, справедливо отметив существенное расширение «гарантий несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства», отмечает, что «благодаря внесённым изменениям в ч. 1 ст. 191 УПК РФ ... при проведении других следственных дей-

ствий, производство которых связано с участием несовершеннолетних обвиняемых, подозреваемых, также привлекается педагог или психолог» [4, с. 33].

Чтобы не быть голословным, обратимся к тексту закона. Формулировка части 1 ст. 191 УПК РФ, о которой ведёт речь М.А. Шувалова, на самом деле звучит так:

«1. При проведении допроса, очной ставки, опознания и проверки показаний с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля, не достигшего возраста шестнадцати лет либо достигшего этого возраста, но страдающего психическим расстройством или отстающего в психическом развитии, участие педагога или психолога обязательно. При производстве указанных следственных действий с участием несовершеннолетнего, достигшего возраста шестнадцати лет, педагог или психолог приглашается по усмотрению следователя. Указанные следственные действия с участием несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в возрасте до семи лет не могут продолжаться без перерыва более 30 минут. При производстве указанных следственных действий вправе присутствовать законный представитель несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля»¹.

Как можно заметить, положения части 1 ст. 191 УПК РФ, распространялись не на всех несовершеннолетних, привлекаемых к участию в перечисленных здесь следственных действиях, а только на несовершеннолетних свидетелей и потерпевших. Во всех остальных частях статьи 191 УПК (ч. 2-5) круг несовершеннолетних, о которых в ней говорится, также оказался ограничен свидетелями и потерпевшими. Это могло означать лишь то, что педагоги и психологи, как и раньше обязательно привлекались следователем лишь к допросу несовершеннолетних обвиняемых и подозреваемых (ст. 425 УПК РФ), так и сегодня в обязательном порядке участвуют только в данном следственном действии, и никаком ином. Вряд ли здесь было уместным расширительное толкование круга несовершеннолетних, участие которых в перечисленных в ст. 191 УПК РФ следственных действиях (очной ставке, опознании, проверке показаний на месте), обязывает следователя привлекать педагогов или детских психологов.

В заключении хотелось бы отметить, что дискуссии о сущности специальных знаний, о функциях и пределах компетенции экспертов и специалистов и по многим другим вопросам использования знаний сведущих лиц в уголовном процессе продолжают с большей или меньшей активностью. И сегодня не утихают, нередко возвращая ученых к давно, казалось бы, решенным проблемам. И такой интерес понятен, поскольку субъектам процессуального знания всегда важно знать, в чём состоит суть специальных знаний, востребуемых в уголовном процессе, какие из них вправе использовать специалист, а какие эксперт, каковы пределы полномочий того и другого. Отвечать на эти вопросы

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федер. закон от 18 дек. 2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52, ч. I. Ст. 4921.

приходится всякий раз, когда возникают сомнения в правомерности обращения к сведущим лицам за разъяснениями по поводу устанавливаемых обстоятельств уголовного дела, требующих специальных знаний или навыков.

Список источников

1. Верхотурова С.В. О роли специалиста в уголовном процессе / С.В. Верхотурова, С.И. Соболевская // Юридическая наука и правоохранительная практика. – 2021. – № 1 (55). – С. 71–81.
2. Лукошкина С.В. Участие специалиста на стадии возбуждения уголовного дела: к вопросу о соблюдении принципа состязательности процесс / С.В. Лукошкина // Академический юридический журнал. – 2021. – № 3 (85). – С. 260–267.
3. Эксархопуло А.А. Криминалистика : учебник / А.А. Эксархопуло. – Санкт-Петербург : Лема, 2009. – 902 с.
4. Шувалова М.А. Участие психолога и педагога в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.А. Шувалова. – Санкт-Петербург, 2019. – 252 с.

References

1. Verkhoturova S.V. On the Role of the Specialist in Criminal Proceedings. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika = Legal Science and Law Enforcement Practice*, 2021, no. 1, pp. 71–81. (In Russian).
2. Lukoshkina S.V. Practitioner Participation at the Stage of Initiating a Criminal Case: To the Issue of Compliance with the Principle of Adversarial Process. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Law Journal*, 2021, no. 3, pp. 260–267. (In Russian).
3. Exarchopulo A.A. Criminalistics. St. Petersburg, Lema, 2009. 902 p.
4. Shuvalova M.A. Participation of a Psychologist and Teacher in Criminal Proceedings. *Cand. Diss.* St. Petersburg, 2019. 252 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Халиуллина Айгуль Фаатовна – *Khaliullina Aigul Faatovna* – *Candidate of Sciences (Law), Associate Professor of the Chair of Criminalistics, Institute of Law*
 кандидат юридических наук, доцент
 кафедры криминалистики Института права

Статья поступила в редакцию 02.06.2025; одобрена после рецензирования 14.06.2025; принята к публикации 19.06.2025.

The article was submitted 02.06.2025; approved after reviewing 14.06.2025; accepted for publication 19.06.2025.

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.18

Харисова Зарина Ирековна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

zarinaid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3902-3459>

**ИНФОРМАЦИОННО-КОМПЬЮТЕРНАЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ
ПРЕСТУПЛЕНИЯ, СВЯЗАННОГО С НАРУШЕНИЕМ ПРАВИЛ
ЦЕНТРАЛИЗОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ ТЕХНИЧЕСКИМИ СРЕДСТВАМИ
ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ УГРОЗАМ УСТОЙЧИВОСТИ, БЕЗОПАСНОСТИ
И ЦЕЛОСТНОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЕТИ «ИНТЕРНЕТ» И СЕТИ
СВЯЗИ ОБЩЕГО ПОЛЬЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-ПРОГНОСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД**

Аннотация. В статье описаны элементы информационно-компьютерной криминалистической модели преступления в сфере компьютерной информации, детализировано их содержание на примере преступного деяния, связанного с нарушением правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования. Анализ выявленных элементов с учетом современного развития информационных технологий и теоретико-прогностического подхода позволил сделать вывод о возможности формирования на их основе цифрового двойника рассматриваемого преступления в виде его цифровой копии, что позволит в последующем оптимизировать эффективность расследования. Цифровой двойник преступления, построенный на основе предлагаемой современным реалиям криминалистической характеристики, будет представлять собой виртуальную модель, отражающую состояние и динамику реального преступного деяния.

Ключевые слова: преступления в сфере компьютерной информации, компьютерные преступления, информационная модель преступления, информационно-компьютерная криминалистическая модель, цифровая модель преступления, криминалистическая характеристика преступлений, алгоритмы расследования, компьютерная криминалистика, искусственный интеллект

Для цитирования: Харисова З.И. Информационно-компьютерная криминалистическая модель преступления, связанного с нарушением правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети «Интернет» и сети связи общего пользования: теоретико-прогностический подход / З.И. Харисова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.18 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 205–221.

Original article

Kharisova Zarina Irekovna

University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
zarinaid@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3902-3459>

**INFORMATION AND COMPUTER CRIMINALISTIC MODEL OF A CRIME RELATED TO THE RULES' VIOLATION OF CENTRALISED MANAGEMENT OF HARDWARE AND SOFTWARE AGAINST THREATS OF STABILITY, SECURITY AND INTEGRITY OF THE INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORK «INTERNET» AND PUBLIC COMMUNICATION NETWORK FUNCTIONING:
A THEORETICAL AND PREDICTIVE APPROACH**

Abstract. The article describes the elements of the information and computer criminalistic model of a crime in the field of computer information, their content is detailed on the example of a criminal act related to the rules' violation of centralised management of hardware and software against threats of stability, security and integrity of the information and telecommunications network «Internet» and public communication network's functioning on the territory of the Russian Federation. The analysis of the identified elements, taking into account the modern development of information technology and the theoretical and predictive approach, allowed concluding that it is possible to form on their basis a digital twin of the crime in question in the form of its digital copy, which will subsequently optimise the effectiveness of the investigation. A digital twin of a crime, built on the basis of the criminalistic characteristics offered to modern realities, will be a virtual model reflecting the state and dynamics of a real criminal act.

Keywords: computer crimes, cybercrimes, information model of crime, information and computer criminalistic model, digital model of crime, criminalistic characteristics of crimes, investigation algorithms, computer criminalistics, artificial intelligence

For citation: Kharisova Z.I. Information and Computer Criminalistic Model of a Crime Related to the Rules' Violation of Centralised Management of Hardware and Software against Threats of Stability, Security and Integrity of the Information and Telecommunications Network «Internet» and Public Communication Network Functioning: A Theoretical and Predictive Approach. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 205–221 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.18.

Введение. В условиях массовой цифровизации определение ответственности в области неправомерного использования глобальной сети «Интернет» и других информационно-телекоммуникационных сетей (далее – ИТС) представляется достаточно значимым. Так, ответственность за нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории РФ ИТС «Интернет» и сети связи общего пользования предусмотрена ст. 274.2 УК РФ, в соответствии с ч. 1 которой обязательным признаком является ранее наступившая административная ответственность за деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 13.42 КоАП РФ (подразумевая повторное нарушение).

Уголовно-правовые нормы, закрепленные ст. 274.2 УК РФ, направлены на охрану суверенного киберпространства от информационных посягательств путем установления ответственности для тех лиц, которые должны обеспечивать устойчивость, безопасность и целостность российской информационной инфраструктуры [1, с. 180]. Под техническим средством противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования ИТС «Интернет» и сети связи общего пользования (далее – ТСПУ) понимаются устройства управления маршрутизацией трафика и обеспечения непрерывности его передачи. При этом под угрозами безопасности ТСПУ понимаются, например, несанкционированное проникновение в программное обеспечение и технические средства сетей связи, умышленные дестабилизирующие воздействия (внутренние или внешние), ведущие к сбоям в работе сетей связи, распространение информации, запрещённой к свободному доступу согласно действующему законодательству и пр.

Угрозой целостности функционирования ТСПУ может являться нарушение способности взаимодействия сетей связи, при котором становятся невозможными соединение и передача информации между пользователями взаимодействующих сетей и доступ пользователей к контенту сети «Интернет»¹. Объективную сторону преступления образуют правила, изложенные в Постановлении

¹ Об утверждении Правил централизованного управления сетью связи общего пользования : Постановление Правительства РФ от 12.02.2020 № 127 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2025).

Правительства РФ от 12 февраля 2020 года № 126², а объектом является среда с функционирующими в ней ИТС «Интернет» и сетями связи общего пользования. Субъектом преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 274.2 УК РФ, является юридическое (должностное) лицо, либо индивидуальный предприниматель, подвергнутые административному наказанию за деяние, предусмотренное ч. 2 ст. 13.42 КоАП РФ [2, с. 39]. Указанное преступление может совершаться ввиду прямого умысла или по неосторожности.

По мере развития информационных технологий число атак на информационную инфраструктуру Российской Федерации неуклонно растёт³, что выражается воздействиями на официальные государственные сайты, ресурсы, корпорации и ведомства. Указанные преступления носят системный и многовекторный характер, причиняя существенный ущерб как государству, так и отдельно взятым гражданам страны. Закономерной реакцией на сложившуюся ситуацию стала разработка систем мониторинга сетей связи общего пользования, например, успешно функционируют система контроля состояния идентификационных модулей информационной системы «ПАК КСИМ», обеспечивающая мониторинг соблюдения операторами связи требований по идентификации абонентов, национальная система доменных имен, обеспечивающая доступность отечественных интернет-ресурсов в случае искажения или недоступности информации в глобальной системе регистрации доменов и безопасного их преобразования в IP-адреса, автономная система IP-сетей и маршрутизаторов, управляемых операторами, информационная система «Антифрод», позволяющая выявлять подменные номера и др.⁴. Отдельно стоит отметить появление требований предоставления доступа к сети «Интернет» только при наличии у операторов связи ТСПУ, а также заблаговременного согласования схем пропуска трафика через них⁵.

² Об установке, эксплуатации и о модернизации в сети связи оператора связи технических средств противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования : Постановление Правительства РФ от 12.02.2020 № 126 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.04.2025).

³ Протокол заседания коллегии ФСБ России от 27.02.2025 года [Электронный ресурс] // Официальный сайт Президента России : сайт. URL: <http://special.kremlin.ru/events/president/news/76338> (дата обращения: 22.03.2025).

⁴ Ежемесячный отчет Центра мониторинга и управления сетью связи общего пользования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр» (ФГУП «ГРЧЦ») : сайт. URL: https://portal.noc.gov.ru/documents/235/Публичный_отчет_декабрь_2024_итог_.pdf. (дата обращения: 25.04.2025).

⁵ Лицензионные требования к операторам связи, предоставляющим доступ в интернет [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций : сайт. URL: <https://rkn.gov.ru/press/news/news74806.htm> (дата обращения: 25.04.2025).

Таким образом, в условиях становления информационного общества обеспечение устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории РФ ИТС «Интернет» и сети связи общего пользования приобретает особую актуальность. Установление уголовной ответственности за несоблюдение требований, касающихся эксплуатации ТСПУ, обусловлено необходимостью надлежащего исполнения поставщиками услуг связи обязанностей по внедрению и использованию соответствующих технических решений. Основным предназначением ТСПУ является защита сегмента сети «Интернет» от угроз в виде распространения противоправного контента, утечки конфиденциальной информации и использования сетевых ресурсов для дестабилизации ситуации внутри страны, блокирования VPN-сервисов, а также анализа интернет-трафика пользователей и принятие решения о его пропуске, ограничении скорости или блокировке (для запрещённых ресурсов).

Учение о криминалистической характеристике преступления состоит из общей части, включающей понятие, структуру и взаимосвязи ее элементов, а также особенной, содержащей криминалистические характеристики отдельных категорий преступлений, выстраиваемых на основе изучения материалов уголовных дел, комплексного анализа и обобщения судебной и следственной практики [3, с. 589]. Обоснование дополнения структуры криминалистической характеристики преступлений может быть исключительно на основе эмпирических данных. По этой причине для нарушений правил централизованного управления ТС и противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации ИТС «Интернет» и сети связи общего пользования возможно построение лишь общей криминалистической характеристики преступления, что обусловлено отсутствием на текущий момент судебной практики по применению данной новеллы. Указанный факт может свидетельствовать либо о высокой степени уголовно-правовой охраны рассматриваемых процессов, либо о недостаточной правоприменительной активности в данной сфере. Кроме того, отсутствие практики применения указанной нормы существенно осложняет проведение анализа взаимосвязанности предлагаемых элементов криминалистической характеристики преступлений в сфере компьютерной информации и, соответственно, ограничивает возможность построения информационной модели (цифрового двойника преступления) [4, с. 3].

По этой причине анализ элементов рассматриваемого преступного деяния возможен лишь на основе теоретико-прогностического подхода с учетом современного развития информационных технологий.

При явной необходимости уголовно-правовой охраны киберпространства от информационных посягательств имеются исследования, которые подчерки-

вают отсутствие обоснованности и оправданности введения в УК РФ рассматриваемой статьи [5, с. 130]. Так, при условии отнесения объекта преступления к объектам критической информационной инфраструктуры, деяния по нарушению правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации ИТС «Интернет» и сети связи общего пользования могут быть квалифицированы как по ч. 3 ст. 274.1 УК РФ, а в случае, если объект не категоризован как критическая информационная инфраструктура – по ст. 274 УК РФ. По этой причине элементы криминалистической характеристики рассматриваемого преступления частично могут повторять составляющие характеристики преступлений по ст. ст. 274 и 274.1 УК РФ, что, отчасти обусловлено их родовой принадлежностью. Стоит так же отметить, что в ст. 151 УПК РФ отсутствуют указания о подсудности уголовных дел о преступлениях, предусмотренных статьей 274.2 УК РФ.

Способ совершения преступления. К основным преднамеренным способам совершения преступления, связанного с нарушением правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории РФ ИТС «Интернет» и сети связи общего пользования можно отнести воздействия в отношении:

- устойчивости функционирования сети «Интернет» и сети связи общего пользования в виде нарушения их работоспособности, при неисправности их фрагмента, а также в условиях внешних дестабилизирующих воздействий, что может привести к невозможности доступа к услугам связи из-за перегрузки узла, а также неспособности оказания услуг владельцам критически важных объектов;

- безопасности функционирования сети «Интернет» и сети связи общего пользования (несанкционированный доступ к техническим средствам и программному обеспечению сети связи, преднамеренные дестабилизирующие внутренние или внешние воздействия, при которых нарушается функционирование сети, а также воздействия, связанные с распространением в сети «Интернет» информации, доступ к которой подлежит ограничению), что может привести к: нарушению информационной безопасности автоматизированных систем управления сетями связи, точками обмена трафиком, технических средств и программного обеспечения центра мониторинга и управления сетью связи в составе радиочастотной службы, ТСПУ, национальной системы доменных имен, а также критической информационной инфраструктуры РФ; предоставлению доступа к ограниченному в соответствии с законодательством РФ ресурсам в сети «Интернет» или противодействию такому ограничению; осуществлению атак и воздействий (как преднамеренных, так и непреднамеренных) на технические средства и сети связи; нарушению доступности информационных ресурсов органов государственной власти в сети «Интернет» для

граждан; подмене абонентских номеров при осуществлении соединения, поступающего из-за пределов РФ; предоставлению доступа к информации в сети «Интернет» с возможностью получения услуг связи в нарушение законодательства РФ, передачи данных в сервисах обмена мгновенными сообщениями без их идентификации и пр.;

– целостности функционирования на территории РФ сети «Интернет» и сети связи общего пользования, что может привести к нарушению способности взаимодействия сетей связи, невозможности соединений и обмена информацией между пользователями.

Кроме указанных, в общем случае к способам совершения указанного преступного деяния можно отнести предоставление недостоверных сведений для определения состава ТСПУ [6, с. 45], их комплектации и мест подключения, несанкционированное отключение или изменение настроек систем фильтрации трафика, внесение изменений в конфигурацию оборудования, нарушающее работу систем информационной безопасности, использование вредоносного программного обеспечения для обхода или блокировки систем защиты информации, противодействие осуществлению дистанционного управления ТСПУ, допущение аппаратного, программного и физического воздействия неуполномоченных лиц на функционирование ТСПУ, несоблюдение регламентов управления сетью, необеспечение сохранности ТСПУ и защиты их от несанкционированного доступа, физическое вмешательство в работу серверов или маршрутизаторов и пр.

К основным непреднамеренным способам совершения рассматриваемого преступления можно отнести воздействия, которые приводят к невозможности доступа к услугам связи из-за аварий или технологической перегрузки узла связи, а также внешних дестабилизирующих воздействий природного и техногенного характера. Средствами совершения рассматриваемого преступления могут являться непосредственно ТСПУ, а также, например, информационные системы, функционирующие у операторов связи, персональные компьютеры и эксплуатируемые с ними и без них материальные носители (жесткие и оптические диски, USB-накопители, карты памяти и пр.).

Основными способами сокрытия следов совершения преступления могут выступить: подмена учетных записей; очищение журналов событий в системах управления сетью; физическое уничтожение носителей информации; использование средств анонимизации с целью маскировки доступа к системам управления сетью связи; фальсификация отчетов о технических сбоях.

Типичными следами совершения преступления могут являться записи о несанкционированных входах в систему управления сетью, аномалии в сетевом трафике, события в журналах сетевых подключений, MAC-идентификаторы сетевых устройств, серийные номера жестких дисков, SSD, USB-носителей, а также физические следы в виде поврежденного оборудования, следов несанкционированного доступа в местах расположения ТСПУ и пр.

Вероятными местами нахождения следов совершения преступления являются журналы функционирования специализированных систем управления и систем мониторинга киберинцидентами, протоколирующие аномальные события в работе оборудования, ошибки, сбои, фиксацию параметров нагрузки, журналы записей об административных операциях, конфигурационных изменениях, взаимодействии пользователей с системой. По физическому расположению – серверные, дата-центры, где размещены системы управления сетью, ТСПУ и сетевые устройства. Распространенность (серийность) преступного деяния может быть выявлена центром мониторинга и управления сетью связи в составе радиочастотной службы⁶.

Обстановка совершения преступления. Обстановка совершения преступления предполагает непосредственный доступ к объекту посягательства (преимущественно в момент отсутствия сотрудников), так и удаленный с использованием программно-аппаратных средств.

Местом совершения рассматриваемого вида преступления может являться место реализации преступного умысла по месту расположения оператора связи (серверные помещения операторов связи, удаленные рабочие места администраторов) или локация, где фактически располагалось оборудование, посредством которого реализован преступный план. В ближайшее время местом (средой) совершения рассматриваемых деяний с большей долей вероятности выступит киберпространство ввиду его распространенности среди обслуживающих ТСПУ организаций, реже – блокчейн (распределенные реестры) [7, с. 129], либо гибридные инфраструктуры.

Временем совершения преступления признается время окончания преступного деяния. Время нарушения правил централизованного управления ТСПУ может устанавливаться достаточно точно, поскольку инциденты безопасности могут протоколироваться системами мониторинга и управления сетями и может определяться, например, периодом проведения технических работ или загрузки обновлений, когда сетевая активность воспринимается как штатная.

Личность преступника. Субъект рассматриваемого преступления специальный и определяется должностным лицом, понятие которого сформулировано в примечании к ст. 274.2 УК РФ – это лицо, постоянно, временно либо по специальному полномочию выполняющее управленческие, организационно-распорядительные или административно-хозяйственные функции в коммерческой или иной организации, а равно индивидуальный предприниматель, подвергнутое административному наказанию за соответствующие деяния, предусмотренные КоАП РФ. Нарушение правил предполагает несоблюдение требо-

⁶ Центр мониторинга и управления сетью связи общего пользования на базе Федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр» [Электронный ресурс] // Официальный сайт ФГУП «Главный радиочастотный центр» : сайт. URL: <https://portal.noc.gov.ru/ru/cmu> (дата обращения: 25.04.2025 г.).

ваний установленных нормативных правовых предписаний, в связи с чем для выявления признаков состава преступления необходимо установить перечень локальных актов, которые определяют порядок функционирования ТСПУ.

Рассматриваемое преступное деяние может совершаться действующими или бывшими сотрудниками организаций [8, с. 184], системными администраторами функционирующих у оператора систем связи, что является большим преимуществом в сравнении с иными преступлениями в сфере компьютерной информации, по которым личность преступника, в большей мере, является не установленной [9, с. 107].

Личность потерпевшего и / или предмет посягательства. Предметом рассматриваемого преступного деяния являются непосредственно ТСПУ. Однако перечень указанных технических средств в открытом доступе отсутствует, поскольку, согласно разъяснениям радиочастотной службы, сведения о данных устройствах составляют коммерческую тайну [10, с. 663].

К лицам, участвующим в централизованном управлении ТСПУ, относятся операторы связи, собственники или владельцы сетей связи, точек обмена трафиком, линий связи, пересекающих государственную границу РФ, организаторы распространения информации в сети «Интернет», а также провайдеры хостинга. Так, в российском сегменте по состоянию на декабрь 2024 года насчитывалось 10 897 сетей вида «IPv4» и 2 232 сети вида «IPv», принадлежащих операторам связи, большая часть из которых выделена ПАО «Ростелеком», ПАО «Вымпелком», АО «ЭР-Телеком Холдинг», ПАО «МегаФон», ПАО «МТС», АО «Компания ТрансТелеКом» и ООО «Новотелеком», среди провайдеров хостинга функционировало 480 организаций, из которых 418 – юридические лица и 62 – индивидуальные предприниматели, а также 5 875 автономных систем IP-сетей и маршрутизаторов, управляемых операторами, имеющими единую политику маршрутизации с сетью «Интернет»⁷. Централизованное управление сетью связи общего пользования осуществляется Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.

По факту совершенного преступного деяния потерпевшая сторона должна провести организационно-технические мероприятия по восстановлению работоспособности сети связи общего пользования, изменению конфигурации технических средств, применению средств защиты информации, обеспечению резервирования линий и каналов связи, а также принять меры по предупре-

⁷ Ежемесячный отчет Центра мониторинга и управления сетью связи общего пользования [Электронный ресурс] // Официальный сайт Федерального государственного унитарного предприятия «Главный радиочастотный центр» : сайт. URL: https://portal.nos.gov.ru/documents/235/Публичный_отчет_декабрь_2024_итог_.pdf (дата обращения: 25.04.2025 г.).

ждению возникновения угроз и оповещению о наличии угроз и принимаемых мерах противодействия им.

Отдельно стоит отметить, что большинство преступлений в сфере компьютерной информации могут совершаться одними и теми же способами, с использованием одних и тех же средств, которые во многом оставляют схожие следы. Однако объединение информационных моделей по видам компьютерных преступлений нецелесообразно, несмотря на единый для всех преступлений, объединенных главой 28 УК РФ, комплекс способов сокрытия следов, например, в виде использования средств анонимизации (VPN-сервисов и прокси-серверов) [11, с. 72] и т.п., поскольку чем уже уровень обобщения преступлений, тем конкретнее по ним данные и выше практическая ценность такой характеристики при расследовании.

Содержательный анализ элементов криминалистической характеристики преступления в сфере компьютерной информации с точки зрения системно-структурного, а также кибернетического подходов сможет послужить основой для описания криминалистической формулы преступного деяния в сфере компьютерной информации, выражающей зависимость между элементами ее криминалистической характеристики и объективных закономерностей, а также формирования информационной модели [12, с. 18] (цифрового двойника) преступления на основе наиболее значимых элементов криминалистической характеристики. Однако сформированный комплекс элементов криминалистической характеристики преступления может приобрести практическое значение лишь в случае выявления между его составляющими корреляционных связей и зависимостей, носящих закономерный характер [13, с. 222].

Современные технологии, основанные на методах обработки больших данных, математической статистики, искусственном интеллекте и алгоритмах машинного обучения [14, с. 120], могут предоставить возможность построению типовых криминалистических характеристик преступлений в виде цифровых моделей [15, с. 557], отображаемых в машиночитаемой форме и представленных сведениями о криминалистически значимых признаках и их корреляционных связях между математическими категориями, уравнениями или неравенствами. Модели такого рода могут использоваться как для получения знаний о преступлениях различных видов и использования их следователями [16, с. 171], так и для разработки специального программного обеспечения, сопровождающего следственную и судебно-экспертную деятельность.

Для построения цифровой модели преступления между элементами криминалистической характеристики преступлений необходимо выделить корреляционных связей, что удобнее всего осуществлять с применением мате-

матических методов и алгоритмов искусственного интеллекта. При составлении криминалистических характеристик для наглядности могут использоваться схемы, отражающие элементы, связи системы расследуемого преступления или криминалистические формулы.

Например, основные закономерности общей системы преступления можно отобразить с помощью следующей криминалистической формулы [17, с. 59]:

$$\begin{aligned} \text{Пр} \rightarrow [\text{ОБНП} \& \text{С} \& \text{Д}^{\text{Фз}} \& \text{Д}^{\text{Пс}} \& \text{ФП} \& \text{М} \& \text{В} \& \text{ОБОпПр}] \\ \leftrightarrow [\text{Обст}^{\text{Пр}} \& \text{СоцУсл}^{\text{с}} \& \text{Сбт}^{1'2'3}], \end{aligned}$$

где символами обозначено:

[] – пределы совокупности, образующей целостный объект исследования, его элементы и связи;

Пр – преступление как сложная реальная система;

ОБНП – объект непосредственного посягательства;

С – субъект посягательства;

ДФз – физическая деятельность субъекта посягательства;

ДПс – психическая деятельность субъекта посягательства;

ФП – факты-последствия, результаты посягательства;

М – место посягательства;

В – время посягательства;

ОБОпПр – общественная опасность, противоправность посягательства;

& – знак, заменяющий союз «и»;

→ – знак, заменяющий слова «если, то»;

↔ – знак, обозначающий прямую и обратную связь;

СоцУслс – социальные условия жизни субъекта посягательства;

Обст^{Пр} – обстановка посягательства;

Сбт^{1, 2, 3} – события, сопряженные с посягательством (1 – предшествовавшие, 2 – сопутствующие, 3 – последовавшие).

Раскрыть содержание указанной формулы можно следующим образом: в случае совершения преступления существуют обусловленные обстановкой, социальными условиями и событиями (предшествовавшими, сопутствовавшими, последовавшими) посягательства, а также отображающиеся в них взаимосвязанные между собой структурные элементы рассматриваемого явления в виде объекта посягательства, субъекта, его физической и психической деятельности, фактов-последствий, места, времени посягательства, общественной опасности и противоправности содеянного.

Представленная формула в виде записи на символьном языке, выражающей зависимость между несколькими явлениями или процессами, показывает основные направления криминалистического поиска, и те объективные закономерности, которые позволяют оптимизировать расследование и предупреждение преступления. Выявление закономерностей отдельного вида или группы преступлений является предметом исследования частных криминалистических учений о преступлениях и методиках их расследования.

С учетом проведенного структурно-содержательного анализа закономерности системы преступления в сфере компьютерной информации, в частности, преступного деяния, связанного с нарушением правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам устойчивости, безопасности и целостности функционирования на территории Российской Федерации ИТС «Интернет» и сети связи общего пользования, можно будет отобразить следующим образом:

$$\text{Пр}^{\text{ски}} \rightarrow [\text{Лпотерп/Пп} \ \& \ \text{Лпрест} \ \& \ \text{ССП} \ (\text{С}^{\text{сокр}} \ \& \ \text{Т}^{\text{след}} \ \& \ \text{В}^{\text{мест}} \ \& \ \text{Р}^{\text{n}})] \\ \leftrightarrow [\text{Обст}^{\text{Пр}}(\text{М}\&\text{В})],$$

где символами обозначено:

[] – пределы объекта исследования, его элементы и связи;

$\text{Пр}^{\text{ски}}$ – преступление как реальная система;

$\text{Л}^{\text{потерп}}/\text{Пп}$ – личность потерпевшего и / или предмет посягательства;

$\text{Л}^{\text{прест}}$ – личность преступника;

ССП – способ совершения преступления (с описанием способа сокрытия следов $\text{С}^{\text{сокр}}$, типичных следов преступления $\text{Т}^{\text{след}}$, вероятных мест нахождения следов преступления $\text{В}^{\text{мест}}$, а также распространенности (серийности) преступного деяния Р^{n});

$\text{Обст}^{\text{Пр}}$ – обстановка совершения преступления (с указанием места совершения преступления М и времени совершения преступления В);

$\&$ – знак, заменяющий союз «и»;

$\rightarrow$ – знак, заменяющий слова «если, то»;

$\leftrightarrow$ – знак, обозначающий прямую и обратную связь (отображения и обусловленности).

Заключение. Представленная формула преступления в виде записи на символьном языке показывает основные направления криминалистического поиска, но выражает лишь общую зависимость между элементами криминалистической характеристики. Определить корреляционные связи между указанными элементами позволит лишь детализация всех возможных способов со-

вершения преступления (тактик преступников), средств (техник, используемых преступниками), оставляемых ими следов и пр. составляющих. Детализация способов совершения преступлений, в свою очередь, сформирует основу для построения цифровой модели преступления в сфере компьютерной информации (цифрового двойника преступления), которая позволит моделировать полную структуру преступной деятельности (подготовка, совершение и сокрытие преступления), а также ход его расследования в цифровом виде, на основе предварительно обученных алгоритмов искусственного интеллекта [18, с. 9], при этом анализируя возможные взаимосвязи путем сопоставления способов и средств совершения преступлений, оставляющих цифровые следы.

Таким образом, цифровой двойник преступления будет представлять собой виртуальную модель, отражающую состояние и динамику реального преступного деяния, позволяя исследовать различные сценарии его совершения, выявлять закономерности между его элементами криминалистической характеристики, а также прогнозировать ход следственных действий.

Список источников

1. Дремлюга Р.И. Проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за преступления, предусмотренные ст. 274.2 УК РФ / Р.И. Дремлюга. – DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-1 // Труды Института государства и права РАН. – 2024. – Т. 19, № 1. – С. 165–189.
2. Аристархов А.Л. Прокурорский надзор за исполнением законов органами предварительного расследования при выявлении и расследовании преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий : науч.-практ. пособие / А.Л. Аристархов, К.В. Камчатов и др. – Москва : Университет прокуратуры РФ, 2023. – 122 с.
3. Эксархопуло А.А. Криминалистика. Теоретический курс : монография / А.А. Эксархопуло, И.А. Макаренко, Р.И. Зайнуллин и др. – Уфа : НИИ ППГ, 2022. – 650 с.
4. Homaei M. A Review of Digital Twins and Their Application in Cybersecurity Based on Artificial Intelligence / M. Homaei, O. Mogollon-Gutierrez, J. Sancho. – DOI 10.1007/s10462-024-10805-3 // Artificial Intelligence Review. – 2024. – V. 57 (201). – P. 1–65.
5. Дроздецкая А.С. Некоторые проблемы законодательной конструкции состава преступления, предусмотренного статьей 274.2 Уголовного кодекса Российской Федерации / А.С. Дроздецкая // Следственная деятельность: проблемы, их решение, перспективы развития : материалы VII Всероссийской молодежной научно-практической конференции, Москва, 27 ноября 2023 г. – Москва : Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, 2024. – С. 125–130.

6. Щетинина Н.В. Преступление, предусмотренное ч. 1 ст. 274.2 УК РФ: комментарий новеллы / Н.В. Щетинина // Уголовное право. – 2024. – № 11 (171). – С. 43–49.

7. Кузнецов Е.Н. Мировые тенденции цифровизации исполнительного производства / Е.Н. Кузнецов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2022. – № 4 (16). – С. 126–132.

8. Макаренко И.А. Тактические особенности получения информации о личности преступника при производстве осмотра места происшествия / И.А. Макаренко // Актуальные проблемы криминалистической тактики : материалы Международной научно-практической конференции, Москва, 28 марта 2014 г. – Москва : Издательство «Юрлитинформ». – 2014. – С. 184–188.

9. Аминев Ф.Г. О некоторых современных возможностях криминалистического моделирования личности неустановленного преступника / Ф.Г. Аминев, А.В. Чемерис. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 1 (21). – С. 105–113.

10. Русскевич Е.А. Нарушение правил централизованного управления техническими средствами противодействия угрозам информационной безопасности / Е.А. Русскевич. – DOI 10.21202/jdtl.2023.28 // Journal Of Digital Technologies and Law. – 2023. – № 1 (3). – С. 650–672.

11. Антонян Е.А. Обзор правоприменительной практики по противодействию киберпреступлений / Е.А. Антонян, Е.Р. Россинская, Е.Н. Клещина. – Москва : Консорциум «Инновационная юриспруденция», 2024. – 88 с.

12. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуалогия : монография / Т.С. Волчецкая ; под ред. Н.П. Яблокова. – Москва : МГУ, 1997. – 248 с.

13. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики : монография / Р.С. Белкин. – Москва : Норма, 2001. – 240 с.

14. Макаренко И.А. Макаренко И.А. Содержание криминалистического обеспечения расследования преступлений / И.А. Макаренко // Криминалистика, уголовный процесс и судебная экспертология в XXI веке: векторы развития (66-е ежегодные криминалистические чтения) : сборник статей Международной научно-практической конференции, Москва 25 апреля 2025 г. : в 3 ч. – Москва : Академия управления МВД России, 2025. – Ч. 2. – С. 119–126

15. Криминалистика : учебник / под ред. докт. юрид. наук, проф. И.М. Комарова. – Москва : Юрлитинформ, 2023. – 712 с.

16. Подольный Р.Н. Использование специальных знаний на подготовительном этапе к расследованию преступлений, совершенных с применением цифровых технологий / Р.Н. Подольный. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.24.17 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 4 (24). – С. 168–175.

17. Курс криминалистики: методика расследования преступлений против общественной безопасности, других видов и групп преступлений: сборник научных трудов / под ред. О.Н. Коршуновой. – Москва : Юридический центр, 2024. – 752 с.

18. Аминев Ф.Г. По вопросу научно-методического обеспечения использования искусственного интеллекта в судебно-экспертной деятельности / Ф.Г. Аминев // Российская правовая система: в поисках национальной идентичности : сборник докладов XIV Московской юридической недели, Москва, 26–29 ноября 2024 г. – Москва : Издательский центр Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 2025. – С. 8–11.

References

1. Dremluga R.I. Issues of Criminal Legal Regulation of Liability for Crimes Under Art. 274.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAS = Proceedings of the Institute of State and Law of the RAS*, 2024, no. 19(1), pp. 165–189. DOI 10.35427/2073-4522-2024-19-1/ (In Russian).

2. Aristarkhov A.L., Kamchatov K.V. Prosecutor's Supervision Over the Implementation of Laws by Preliminary Investigation Bodies in the Detection and Investigation of Crimes Committed Using Information and Telecommunication Technologies: Scientific and Practical Manual. Moscow, University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation, 2023. 122 p. (In Russian).

3. Eksarkhopulo A.A., Makarenko I.A., Zainullin R.I. et al. Forensic Science. Theoretical Course: Monograph. Ufa, Research Institute of PPG, 2022. 650 p. (In Russian).

4. Homaei M., Mogollon-Gutierrez O., Sancho J. A Review of Digital Twins and their Application in Cybersecurity Based on Artificial Intelligence. *Artificial Intelligence Review*, 2024, no. 57 (201), pp.1– 65. DOI: 10.1007/s10462-024-10805-3/ (In English).

5. Drozdetskaya A.S. Some Problems of the Legislative Construction of the Crime Provided for in Article 274.2 of the Criminal Code of the Russian Federation. *Investigative Activity: Problems, their Solution, Development Prospects. Proceedings of the VII All-Russian Scientific and Practical Conference, Moscow*. Moscow, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation, 2024, pp. 125–130. (In Russian).

6. Shchetinina N.V. The Crime Provided for in Part 1 of Art. 274.2 of the Criminal Code of the Russian Federation: Commentary on the Novella. *Uголовное право = Criminal law*, 2024. no. 11 (171), pp. 43-49. (In Russian).

7. Kuznetsov E.N. World Trends in the Digitalization of the Execution Proceedings. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2022, no. 4(16), pp. 126–132. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2022.16.15/ (In Russian).

8. Makarenko I.A. Tactical Features of Obtaining Information about the Identity of a Criminal During the Crime Scene Inspection. *Actual Problems of Forensic Tactics: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Moscow, March 28, 2014*. Moscow: Publishing House «Yurlitinform», 2014, pp. 184–188. (In Russian).
9. Aminev F.G., Chemeris A.V. On Modern Forensic Personality Modeling of an Identified Offender. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 1(21), pp. 105–113. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.21.10/ (In Russian).
10. Russkevich E.A. Violating the Rules of Centralized Management of Technical Means of Counteracting the Threats to Information Security. *Journal of Digital Technologies and Law*, 2023, no. 1 (3), pp. 650–672. DOI: 10.21202/jdtl.2023.28/ (In Russian).
11. Antonyan E.A., Rossinskaya E.R., Kleshchina E.N. Review of Law Enforcement Practice in Combating Cybercrime. Moscow, Consortium «Innovative Jurisprudence», 2024. 88 p. (In Russian).
12. Volchetskaya T.S. Forensic Situationology: Monograph. Moscow, Kaliningrad University, 1997. 248 p. (In Russian).
13. Belkin R.S. Forensic Science: Problems of Today. Topical Issues of Russian Forensic Science: Monograph. Moscow, Norma, 2001. 240 p. (In Russian).
14. Makarenko I.A. Contents of Forensic Support for Crime Investigation. *Forensic Science, Criminal Procedure and Forensic Expertology in the 21st Century: Development Vectors (66th Annual Forensic Science Readings). Collection of Articles from the International Scientific and Practical Conference, Moscow, April 25, 2025, in 3 vols*. Moscow, Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2025, vol. 2, pp. 119–126. (In Russian).
15. Komarov I.M. (ed.). Forensic Science: Textbook. Moscow, Yurlitinform, 2023. 712 p. (In Russian).
16. Podolny R.N. The Use of Special Knowledge at the Preparatory Phase of Digital Crimes Investigations. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 4(24), pp. 168–175. DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.24.17/ (In Russian).
17. Korshunova O. N. (ed.). Forensic Science Course: Methodology of Investigation of Crimes against Public Safety, Other Types and Groups of Crimes: Collection of Scientific Papers. Moscow, Legal Center, 2024. 752 p. (In Russian).
18. Aminev F.G. On the Issue of Scientific and Methodological Support for the Use of Artificial Intelligence in Forensic Activities. *Russian Legal System: in Search of National Identity. Collection of Reports of the XIV Moscow Legal Week, Moscow, November 26–29, 2024*. Moscow, Publ. Center of the O.E. Kutafina (MSAL), 2025, pp. 8–11. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Харисова Зарина Ирековна – кандидат технических наук, доцент, старший преподаватель кафедры криминалистики Института права.

Kharisova Zarina Irekovna – Candidate of Technical Sciences, Associate Professor, Senior Lecturer of the Chair of Criminalistics, Institute of Law.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 18.06.2025.

The article was submitted 30.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 18.06.2025.

ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС; АРБИТРАЖНЫЙ ПРОЦЕСС

CIVIL PROCEDURE; ARBITRAL PROCEDURE

Научная статья

УДК 347.931

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.19

Агаронян Эдмон Амаякович

Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, Россия,

Sadmirror@bk.ru

**СООТНОШЕНИЕ ПРАВОВЫХ КАТЕГОРИЙ «СВОЙСТВО ЗАКОННОСТИ
СУДЕБНЫХ АКТОВ» И «ЗАКОННАЯ СИЛА СУДЕБНЫХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ»**

Аннотация. Понимание сущности и значения правовых категорий «законность», а также «законная сила» судебных постановлений важно с точки зрения эффективного определения ключевых особенностей процесса вынесения судебного постановления в рамках динамично развивающейся отечественной правовой системы. Цель: анализ определения и правового значения понятий «свойство законности судебных актов» и «законная сила судебных постановлений», а также рассмотрение их системной взаимосвязи как составных элементов процесса вынесения судом соответствующего постановления. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы; юридико-догматический метод и толкования правовых норм. Результаты: исследование позволило выявить неоднозначную взаимосвязь законности и законной силы судебных постановлений, установить их процессуальное правовое значение, сопоставить их, обозначив связь законности с некоторыми принципами гражданского процессуального права, а также определить процесс вступления постановления в законную силу в качестве исключительно процессуального термина, связанного с последствиями принятия конкретного судебного постановления.

Ключевые слова: правосудие по гражданским делам, судебные постановления по гражданским делам, законность как свойство судебных постановлений, вступление судебного постановления в законную силу

Для цитирования: Агаронян Э.А. Соотношение правовых категорий «свойство законности судебных актов» и «законная сила судебных постановлений» / Э.А. Агаронян. – 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.19 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 222–232.

Original article

Agharonyan Edmon Amayakovich

Saratov State Law Academy, Saratov, Russia,
Sadmirror@bk.ru

THE LEGAL CATEGORIES' RATIO «JUDICIAL ACTS LEGALITY» AND «LEGAL FORCE OF COURT RULINGS»

Abstract. Understanding the essence and meaning of the legal categories such as “legality” and “legal force” of court rulings is important because it is necessary to find the key features of the court ruling process within the framework of the domestic legal system developing. Purpose: to analyse the definition and legal meaning of such concepts as ‘judicial acts legality’ and ‘legal force of court rulings’, as well as the consideration of their broader context as constituent elements of the court ruling process. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private-scientific methods; legal-dogmatic method and interpretation of norms. Results: the research allowed us to identify the ambiguous relationship between the legality and legal force of court rulings, to determine their procedural legal meaning, to compare them, and to find out the relationship of legality with some principles of civil procedure law and also to define the process of a court ruling entry into legal force as a procedural term denoting the consequences of a particular court ruling.

Keywords: civil justice, civil court rulings, court rulings’ legality, court ruling entry into legal force.

For citation: Agharonyan E.A. The Legal Categories’ Ratio “Judicial Acts Legality” and “Legal Force of Court Rulings”. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 222–232 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.19.

Введение. Исследование вынесения судебных постановлений предполагает необходимость понимания сущности и значения законности выносимых актов, а также вступления указанных судебных актов в законную силу. Последовательное и гармоничное движение гражданского процесса в стадиях (в рамках одной из которых происходит вынесение судебного акта по рассматриваемому гражданскому делу) определяется совокупными процессуальными задачами, целями и принципами. Конкретный итог стадии судебного разбирательства по делу (предполагающей вынесение в результате рассмотрения и разрешения по существу гражданского дела соответствующего законного постановления, своевременно вступающего в законную силу) обуславливает процессуальные правовые последствия для участников гражданского судопроиз-

водства. Необходимость осуществления судом конкретного процессуального действия (имеется в виду вынесение постановления), объясняемая вытекающей напрямую из положений гражданского процессуального закона обязанностью суда, связана с некоторыми гражданскими процессуальными принципами, влечёт обязательные для участвующих в процессе субъектов последствия, определяющие ход развития гражданских процессуальных правоотношений.

Законность как свойство судебного постановления. Следует отметить, что законными считаются не все судебные постановления, поскольку закреплённые в гражданском процессуальном законе положения очевидно указывают на то, что данное требование относится лишь к решениям, хотя это не может представляться разумным ввиду того, что иные постановления суда (в частности, определения) также должны быть вынесены в соответствующем законном порядке.

Рассмотрим сущность и значение правовой категории «законность судебного постановления». Следует отметить, что некоторые учёные определяют законность в качестве необходимого и обязательного требования, предъявляемого к судебному акту. С позиции М.Г. Авдюкова, законность выносимого судебного постановления означает точное и неуклонное соблюдение судом при рассмотрении и разрешении гражданского дела действующих материальных и процессуальных правовых норм. Правовед полагал, что суд наделён обязанностью по выяснении всех обстоятельств гражданского дела решить возникший спор, основываясь на конкретной материально-правовой норме, регулирующей данный вид правоотношений. Выбрав соответствующую (надлежащую) правовую норму, знающий право суд обязан применить её в отношении обстоятельств рассматриваемого гражданского дела. Применение же судом такой нормы предполагает верное её истолкование, соответствующее её точному смыслу и содержанию, а также проверку на предмет издания указанной нормы компетентным органом в законном порядке (проверяется и отношение нормы права к числу действующих). Соблюдение же норм процессуального права означает точное и неуклонное исполнение указанных норм, предполагающее вынесение судом постановления в законном составе в условиях реализации процессуальных принципов независимости судей и подчинения их лишь закону; соблюдения национального языка судопроизводства; гласности судопроизводства. Ученый отмечает, что соблюдение процессуальных норм обусловлено и недопущением иных существенных ошибок, которые впоследствии могут стать безусловным основанием к отмене вынесенного постановления. К примеру, это вынесение соответствующего судебного акта в отношении не привлечённых в дело в качестве сторон лиц; нарушение права на предъявление искового заявления; неподписание акта соответствующим судебным составом; нарушение предусмотренных правил извещения сторон. Как видим, такие основания относятся напрямую к реализации механизма судебной защиты прав, свобод и интересов [1, с. 103–126].

Согласно точке зрения Н.Б. Зейдера, законность, выступающая в качестве основного предъявляемого к судебному постановлению требования, выводится из того положения, что правосудие служит строгому проведению закона в жизнь. Это означает, что реализуемый в судебных актах закон применяется к отдельным конкретным правоотношениям и фактам, определяя тем самым порядок отправления правосудия. Н.Б. Зейдер утверждал, что законность (как требование) вытекает из того положения, что судебное постановление есть акт суда, устанавливающий объективную истину по рассматриваемому гражданскому делу [2, с. 67].

Выделением законности как важного свойства, присущего судебному постановлению и связанному с некоторыми иными его свойствами (например, обоснованностью), а также с его законной силой, занимался М.А. Гурвич. Ученый считал, что законность и обоснованность судебного последствия тесно связаны с существенными правовыми последствиями его вынесения. Отмечая неразрывную связь законности и обоснованности, ученый писал о том, что неверное установление судом в рамках рассмотрения и разрешения по существу конкретного дела фактического основания акта (в частности, допущенное вследствие нарушения процессуальной формы) повлечёт за собой вынесение незаконного постановления. Согласно его твердому убеждению, законное судебное постановление есть обоснованное (и никак не наоборот), поскольку последнее может быть и незаконным. Это означает, что законность и обоснованность есть две самостоятельных и взаимозависимых категорий, обуславливающих, как писал М.А. Гурвич, «две различные стороны разрешения спора – установление фактической и правовой стороны дела» [3, с. 89–93].

Законным может считаться лишь то судебное постановление, которое вынесено с учётом точного соблюдения материальных, а также процессуальных норм, подлежащих применению к конкретному правоотношению. Более того, в рамках данной позиции выделяется необходимость соблюдения судом при принятии соответствующего акта логической связи между его составными структурными элементами. Обозначая судебное постановление как итоговый процессуальный акт по делу, ученые выдвигают позицию о том, что законность связана с обоснованностью и достигается при установлении значимых и общеизвестных обстоятельств, доказательств, подтверждающих относимые и допустимые в силу закона обстоятельства, а также соответствующих установленным фактам (вытекающих из договорных отношений) судебных выводов. При том законность достигается при соблюдении следующих условий: обосновании постановления лишь обстоятельствами, установленными в открытом заседании; осуществлении совокупной оценки доказательств; применении материального или процессуального закона (регулирующего конкретное спорное правоотношение); применении аналогии закона и права лишь в случае «отсутствия закона прямого действия» или «при указании в законе о применении обычаев делового оборота» [4, с. 11].

Как отмечает Л.А. Пахомова, выносимый судом акт не может рассматриваться в отрыве от соответствующей правоприменительной деятельности судебного органа власти. Ученый указывает, что законность есть обобщенное понятие, охватывающее все стороны судебного постановления (то есть постановление суда как акт полностью опосредовано с юридической точки зрения). Это закреплено и законодательным их установлением, и сведением допускаемых судом ошибок (нарушением соответствующих требований) ко всевозможным правовым последствиям для судебного акта [5, с. 116].

Как отмечает С.К. Загайнова, требование законности распространяет своё действие в отношении всех судебных постановлений [6, с. 23], у нее законность судебного постановления как акта правосудия определяется совокупностью обязательных качественных условий при его вынесении: соблюдение законным судом соответствующей процедуры, установленной гражданским процессуальным законом [7, с. 238].

О законной силе судебного постановления. В доктрине высказаны различные точки зрения относительно сущности законной силы судебного акта как самостоятельной правовой категории. Одни относят законную силу к «правовому действию акта» [1, с. 28], другие понимают её в качестве «неизменности» постановления [3, с. 146–147], третьи определяют её как «непосредственное проявление действия нормы права» [8, с. 226].

Существуют и иные позиции, согласно которым законная сила судебного акта может быть обозначена в качестве «обеспеченной законом обязательности действия – стабильности» [9, с. 320], а также «правового действия», обеспечивающего осуществление соответствующих прав по требованию заинтересованных лиц и окончательное установление наличия или же отсутствия прав и лежащих в их основании фактов [10, с. 274; 11].

Каждая из указанных точек зрения справедливо отражает конкретные положения, выдвигаемые различными учёными-процессуалистами в рамках доктринального поля, однако следует охватить в полной мере все характерные признаки рассматриваемой процессуально-правовой категории.

В этой связи следует согласиться с И.М. Мацкевичем, который связывает указанную категорию с «воплощением силы и авторитета судебной власти», указывая на то, что законная сила судебного акта есть «правовое действие материально-правового и процессуального закона в конкретном акте правосудия». Особый характер силы автор объясняет тем, что благодаря законной силе возможно наделение выносимого судом правоприменительного акта такими свойствами, как обязательность, исключительность, неопровержимость, преюдициальность и исполнимость [12, с. 37].

Следует отметить, что без законной силы абсолютно невозможно выделение специального качества судебного постановления как акта правосудия, а значит не было бы и возможно выделение и функционирование свойства обя-

зательности постановления по отношению ко всем участникам гражданского судопроизводства. О связи законной силы и обязательности как свойства писал А.Ф. Клейнман. Он утверждал, что обязательность составляет саму суть данного понятия, поскольку именно это свойство постановления суда обеспечивает активное и целенаправленное действие сосредоточенного в нём государственно-властного предписания [13, с. 90].

Кроме того, если постановление не вступит в законную силу, логично, что не было бы и речи об исполнении судебного акта, поскольку оно в таком случае полностью зависело бы от волеизъявления сторон, участвующих в процессе.

Идеи о выделении законной силы постановления суда как ключевого атрибута акта правосудия придерживается Т.В. Сахнова. Учёный обращает внимание на тот факт, что законная сила есть «выражение государственной воли», поскольку судебный акт как таковой выступает в качестве предоставляемой государством гарантии надлежащей реализации субъективного права или же законного интереса [14, с. 126].

Несмотря на отсутствие прямого указания в действующем гражданском процессуальном законе положения о вступлении в законную силу иных судебных постановлений (помимо решений), тем не менее, важно рассмотреть указанный вопрос, принимая во внимание промежуточные судебные определения (руководящие ходом движения дела в суде), а также определений, оканчивающих процесс без вынесения соответствующего итогового судебного акта. С одной стороны, действующее процессуальное законодательство не даёт чёткого ответа на вопрос о том, вступают ли в законную силу вышеуказанные судебные постановления, однако если учесть используемую законодателем в статье 13 ГПК РФ формулировку «вступившие в законную силу судебные постановления» как родовую категорию, становится очевидно, что в законную силу вступают все выносимые судом акты (в частности, судебные приказы, определения, а также постановления президиума суда надзорной инстанции).

Пределы законной силы определяют динамический аспект вступившего в законную силу судебного постановления и обусловлены характером выносимого судом акта (речь идёт об определении постановления суда, прежде всего, как правоприменительного акта).

Объективные пределы законной силы судебного постановления определяются непосредственно его предметом, то есть установленным судом правоотношением материально-правового характера, реально существующего между сторонами. Логично, что такое понимание предполагает и охват соответствующих юридических фактов, лежащих в основании возникновения, изменения или же прекращения конкретного правоотношения. Субъективные же пределы законной силы определены субъектным составом данных правоотношений.

Интересным выступает вопрос об определении временных пределов законной силы соответствующих судебных постановлений.

С позиции А.М. Безрукова, невозможность исполнения судебного постановления не означает утраты указанным актом законной силы, поскольку законная сила действует на будущее время. Соответствующие факты и правоотношения устанавливаются на момент вынесения судом конкретного постановления [15, с. 46–48].

С точки зрения Д.В. Конева, временные пределы законной силы означают, что стороны, участвующие в процессе, связаны лишь теми доводами, которые указаны в тексте судебного постановления и имеются ко времени последнего судебного заседания [16, с. 102].

Действие силы акта на будущее время не всегда значит, что границы указанного действия отсутствуют. Законная сила для некоторых судебных актов по различным причинам может иметь определённое конкретное ограничение по времени действия.

Лишение законной силы окончательных (уже вступивших в законную силу) постановлений суда, презюмируемых, по сути, верными, может быть осуществлено лишь в предусмотренных законом процедурах кассационного, надзорного пересмотра, а также в рамках пересмотра по новым или же вновь открывшимся обстоятельствам. Тем не менее, для некоторых принимаемых судом окончательных актов (их круг определён в действующем законе) установлен иной порядок утраты ими законной силы. Они, в отличие от отменяемых в прямом смысле этого слова постановлений, теряют свою силу вследствие принятия последующего судебного акта, регулирующего сходные правоотношения (когда ввиду изменения обстоятельств требуется изменение и порядка регулирования указанных отношений). Таким образом, в указанных случаях отмены выносимых постановлений не требуется, поскольку они законны и обоснованы в отношении установленных на момент рассмотрения гражданского дела фактов. Промежуточные же постановления, имеющие временную силу, могут утратить её лишь в случае их отмены (в соответствующем законном порядке) судом, непосредственно их принявшим.

Следует согласиться с разумностью выделения некоторыми исследователями [17, с. 29] системы пределов действия законной силы во времени и отметить следующие характерные ей элементы: постановление считается правильным и будет наделено законной силой до тех пор, пока оно не будет отменено по соответствующим основаниям, предусмотренным для отмены в кассационном, надзорном порядке, по новым или вновь открывшимся обстоятельствам; вновь вынесенный акт лишает законной силы ранее вынесенное по сходному предмету судебное постановление; постановление суда презюмируется временным, а для лишения его силы необходима отмена самим судом, принявшим его.

О выделении значения взаимосвязи законности и законной силы судебного постановления с некоторыми гражданскими процессуальными принципами. Важно определить взаимную связь законности и процесса вступ-

ления постановления в законную силу с существующими гражданскими процессуальными принципами, а также выделить значение такой связи с позиции реализации механизма судебной защиты, обеспечивающей баланс интересов участников гражданского судопроизводства и стабильное развитие гражданских процессуальных правоотношений.

Следует подчеркнуть, что вынесение судебного постановления тесным образом связано с некоторыми общеправовыми принципами (например, принципом законности), межотраслевыми (к примеру, с гласностью судебного разбирательства, состязательностью, диспозитивностью), а также с отраслевыми принципами судопроизводственного характера [18, с. 24].

Рассматриваемые выше категории связаны с принципом доступности судебной защиты прав и интересов с той позиции, что государством гарантирована и обеспечена возможность обращения стороны за судебной защитой в компетентный суд, что предполагает под собой разрешение возникающего спора вынесением соответствующего законного судебного акта, который может быть обжалован, в частности, по вступлении в законную силу в соответствующем предусмотренном законом порядке (по конкретным процессуальным основаниям).

Судьба силы судебного постановления как процессуального итога рассмотрения и разрешения по существу гражданского дела в судебном порядке, определяемая благодаря действию принципа диспозитивности, предрешается на стадии принятия заинтересованной стороной решения о пересмотре дела в конкретном определённом порядке, предусмотренном положениями действующего гражданского процессуального закона.

Кроме того, законность судебного постановления предполагает в некотором смысле в отношении некоторых определённых судебных актов промежуточного характера и реализацию принципа судейского руководства, поскольку управление ходом движения процесса, соблюдение порядка, а также содействие сторонам в осуществлении их прав и исполнении обязанностей посредством вынесения соответствующих постановлений возможно в рамках действия именно этого процессуального принципа, имеющего функциональное назначение.

Значение выделения взаимосвязи категорий законности и законной силы с действием отраслевых гражданских процессуальных принципов судопроизводственного назначения важно ввиду того, что их гармоничное и стабильное взаимодействие выступает в качестве залога обеспечения эффективного действия механизма судебной защиты, а также развития гражданских процессуальных правоотношений.

Заключение. Законность и законная сила судебных постановлений охватывают все выносимые судом постановления. Законность выступает в качестве свойства, характеризующего судебный акт, а также одновременно в качестве требования, предъявляемого к нему. Законная сила предполагается как термин процессуального значения, обозначающий последствие вынесения судебного

акта. Законность не зависит от законной силы и наоборот, то есть в законную силу может вступить любой судебный акт (в том числе и незаконный). Обе указанные категории тесно связаны с некоторыми отраслевыми процессуальными принципами, что предопределяет движение гражданского судопроизводства, обеспечивает реализацию механизма судебной защиты и гарантирует стабильное развитие соответствующих гражданских процессуальных правоотношений.

Список источников

1. Авдюков М.Г. Судебное решение / М.Г. Авдюков. – Москва : Госюриздат, 1959. – 192 с.
2. Зейдер Н.Б. Судебное решение по гражданскому делу / Н.Б. Зейдер. – Москва : Юрид. лит., 1966. – 192 с.
3. Гурвич М.А. Судебное решение. Теоретические проблемы / М.А. Гурвич. – Москва : Юрид. лит., 1976. – 176 с.
4. Соцуро Л.В. К вопросу о законности и обоснованности судебных актов / Л.В. Соцуро // Арбитражный и гражданский процесс. – 2005. – № 7. – С. 10–17.
5. Пахомова Л.А. Требования, предъявляемые к форме и содержанию постановлений суда первой инстанции в гражданском судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Л.А. Пахомова. – Саратов, 2010. – 192 с.
6. Загайнова С.К. О требованиях, предъявляемых к судебному решению в гражданском и арбитражном процессе / С.К. Загайнова // Закон. – 2007. – № 11. – С. 23–31.
7. Загайнова С.К. Судебные акты в механизме реализации судебной власти в гражданском и арбитражном процессе / С.К. Загайнова. – Москва : ВолтерсКлувер, 2007. – 400 с.
8. Курс советского гражданского процессуального права : в 2 т. Т. 1 / под ред. А. А. Мельникова. Теоретические основы правосудия по гражданским делам. – Москва : Наука, 1981. – 463 с.
9. Гражданский процесс : учебник / под ред. Ю.К. Осипова. – Москва : БЕК, 1996. – 475 с.
10. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу РСФСР / под ред. М.К. Треушникова. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : Городец, 1997. – 588 с.
11. Александров А.С. Судебный процесс – источник права и справедливости / А.С. Александров, И.А. Александрова // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 1 (67). – С. 11–29.
12. Мацкевич И.М. Законная сила судебного решения / И.М. Мацкевич // Законность. – 1999. – № 2. – С. 37–41.
13. Клейнман А.Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (Очерки по истории) / А.Ф. Клейнман. – Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1967. – 119 с.

14. Сахнова Т.В. Законная сила судебного решения и иных судебных постановлений / Т.В. Сахнова // Правоведение. – 2007. – № 3. – С. 126–138.

15. Безруков А.М. Преюдициальная связь судебных актов : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / А.М. Безруков. – Екатеринбург, 2005. – 180 с.

16. Конев Д.В. Признание и приведение в исполнение иностранных судебных актов по гражданским и торговым делам в Федеративной Республике Германия: сравнительно-правовой анализ: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / Д.В. Конев. – Екатеринбург, 2008. – 290 с.

17. Терехов В.В. Временные границы законной силы судебного решения / В.В. Терехов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2013. – № 6. – С. 28-32.

18. Решетникова И.В. Гражданский процесс : учебное пособие / И.В. Решетникова, В.В. Ярков. – 8-е изд., перераб. – Москва : Норма: ИНФРА-М, 2023. – 272 с.

References

1. Avdyukov M.G. Court Ruling. Moscow, State Juridical Publ. House, 1959. 192 p. (In Russian).

2. Zeyder N.B. Civil Judgment. Moscow, Juridical Lit., 1966. 192 p. (In Russian).

3. Gurvich M.A. Court Ruling. Theoretical Issues. Moscow, Juridical Lit., 1976. 176 p. (In Russian).

4. Sotsuro L.V. To the Question of Court Rulings' Legality and Validity. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2005, no. 7, pp. 10–17. (In Russian).

5. Pakhomova L.A. Requirements for the Form and Content of the First Instance Court's Rulings in Civil Procedure. *Cand. Diss.* Saratov, 2010. 192 p. (In Russian).

6. Zagainova S.K. On the Requirements for Court Ruling in Civil and Arbitral Procedure. *Zakon = Law*, 2007, no. 11, pp. 23-31. (In Russian).

7. Zagainova S.K. Court Rulings as a Mechanism for the Implementation of Judicial Power in Civil and Arbitral Procedure. Moscow, VoltersKluwers, 2007. 400 p. (In Russian).

8. Melnikova A. A. (ed.). The Course of Soviet Civil Procedure Law: Theoretical Basics of Justice in Civil Cases. Moscow, Science, 1981. 463 p. (In Russian).

9. Osipova Yu. K. (ed.). Civil Procedure. Textbook. Moscow, BEK, 1996. 475 p. (In Russian).

10. Treushnikov A. M.K. (ed.). Commentary to the Civil Procedure Code of RSFSR. 2nd ed., Moscow, Gorodets, 1997. 588 p. (In Russian).

11. Aleksandrov A.S., Aleksandrova I.A. Judicial Process – Source of Law and Justice. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 1 (67), pp. 11–29. (In Russian).

12. Matskevich I.M. The Legal Power of Court Ruling. *Zakonnost = Zakonnost Journal*, 1999, no. 2, pp. 37–41. (In Russian).

13. Kleyman A.F. The Newest Currents in the Soviet Science of Civil Procedural Law. Historical essays. Moscow, Moscow University Publ. House, 1967. 119 p. (In Russian).

14. Sakhnova T.V. The Validity of Court Decision and Other Awards. *Pravovedenie = Jurisprudence*. 2007, no. 3, pp. 126–138. (In Russian).

15. Bezrukov A.M. Prejudicial Connection of Court Rulings. *Cand. Diss.* Ekaterinburg, 2005. 180 p. (In Russian).

16. Konev D.V. Recognition and Enforcement of Foreign Judicial Acts in Civil and Commercial Cases in the Federal Republic of Germany: A Comparative Legal Analysis. *Cand. Diss.* Ekaterinburg, 2008. 290 p. (In Russian).

17. Terekhov V.V. Time Limits of Court Decision's Legal Power. *Arbitrazhnyy i grazhdanskiy protsess = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2013, no. 6, pp. 28–32. (In Russian).

18. Reshetnikova I.V., Yarkov V.V. Civil Procedure: Textbook. 8th ed., Moscow, Norma:INFRA–M, 2023. 272 p. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Агаронян Эдмон Амаякович – аспи- **Agharonyan Edmon Amayakovich** –
рант кафедры гражданского процесса *Postgraduate Student of the Chair of
Civil Procedure*

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 21.05.2025; принята к публикации 02.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 21.05.2025; accepted for publication 02.06.2025.

Научная статья

УДК 347.91/.95

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.20

Сулейманов Амир Азатович

Челябинской государственной университет; ПАО «Россети Урал» –

«Челябэнерго», Челябинск, Россия,

amir.su1eymanov@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РИСКА И ЕГО СООТНОШЕНИЕ С ЦИВИЛИСТИЧЕСКИМ ПРОЦЕССУАЛЬНЫМ ПРАВООТНОШЕНИЕМ

Аннотация. Процессуальные действия (бездействия) участников гражданского процесса возникают с момента порождения одноименного правоотношения. В то же время результат процессуального поведения лиц, участвующих в деле, может подвергаться риску (наступление негативных последствий вследствие совершения или несовершения действия участниками гражданского процесса). В настоящее время момент возникновения риска как процессуальной категории учеными с точностью не определен. В данной статье поднимается вопрос о возникновении риска в гражданском процессе, а именно в исковом производстве. Автором выделены процессуальные аспекты, которыми могут быть признаны рискованные действия в силу их совершения или несовершения. Одновременно с этим, автором анализируется момент начала процессуального правоотношения, чтобы сочетать его с риском или противопоставить ему. Для достижения этой цели в основу положено понятие «спор», разрешение которого необходимо в ходе рассмотрения дела. Под спором понимается конфликт, возникающий между несколькими лицами по притязанию на конкретное имущество (благо). В статье делается вывод, что процессуальный риск возникает ранее процессуального правоотношения. Данный вывод позволяет развить учение о процессуальном риске, в том числе определить границы процессуального риска, уточнить лиц, действия (бездействия) которых подвержены наступлению процессуального риска, а также осветить другие вопросы, которые могут возникнуть в ходе практической деятельности участников гражданского правоотношения.

Ключевые слова: риск, возникновение риска, спор, процессуальное правоотношение, интерес сторон, начало процесса, нарушение интереса, досудебный порядок

Для цитирования: Сулейманов А.А. Возникновение процессуального риска и его соотношение с гражданским процессуальным правоотношением / А.А. Сулейманов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.20 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2025. – № 2. – С. 233–249.

Suleymanov Amir Azatovich

Chelyabinsk State University, PJSC “Rosseti Ural” – “Chelyabenergo”,
Chelyabinsk, Russia, amir.suleymanov@mail.ru

THE PROCEDURAL RISK FORMATION AND ITS CORRELATION WITH CIVIL PROCEDURAL LEGAL RELATION

Abstract. Procedural actions (inactions) of the participants in civil law process arise from the moment of the legal relation’s creation. At the same time, the result of the procedural behaviour of persons participating in the case may be at risk (the coming of negative consequences due to actions or inactions of the participants of the civil process). At present, the moment of risk’s formation as a procedural category is not determined by scientists. This article raises the issue of the risk’s appearance in civil proceedings, namely in action proceedings. The author highlights the procedural aspects that can be recognised as risky actions due to their commission or non-commission. At the same time, the author analyses the moment of commencement of the procedural legal relation in order to combine it with risk or to oppose it. A dispute is understood as a conflict between several persons over a claim to the same property (good). The article concludes that procedural risk arises before the procedural legal relation. This conclusion allows us to develop the doctrine of procedural risk, including the definition of the procedural risk boundaries, clarification of persons whose actions (inactions) are subject to the procedural risk formation.

Keywords: risk, risk formation, dispute, procedural legal relation, interest of the parties, commencement of proceedings, violation of interest, pre-trial procedure

For citation: The Procedural Risk Formation and Its Correlation with Civil Procedural Legal Relation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2025, no. 2, pp. 233–249 (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.26.20.

Введение. Посредством механизма процессуальных правоотношений сторона защищает свои нарушенные или оспариваемые права. Защита может проявляться в использовании досудебного порядка урегулирования спора или посредством обращения в суд. При этом, совершая те или иные действия, участники процессуального правоотношения подвергают их результат опасности, который выражается в наступлении негативных последствий, например: для истца – отказ в удовлетворении исковых требований, для ответчика, наоборот, удовлетворение требований истца.

Основой для наступления негативных последствий являются действия рискующего. При этом момент возникновения процессуального риска в насто-

ящее время не установлен. Данная проблема возникает по той причине, что в настоящее время отсутствует полное и всестороннее учение о процессуальном риске. Такое обстоятельство порождает множество вопросов и задач, которые возникают при разрешении споров между участниками гражданского оборота. В целях настоящего исследования под процессуальным риском мы будем понимать потенциальную возможность наступления негативных последствий для участников гражданского судопроизводства. Данное понятие не содержит исчерпывающих признаков рассматриваемого понятия, однако оно поможет другим исследователям данной темы искоренить возможные тавтологические споры относительно настоящей работы.

Исследование вопроса. По поднимаемому вопросу исследователи процессуального риска приходят к различным выводам. И.В. Решетникова, связывая процессуальное и материальное право, указывает, что риск в процессе является продолжением предпринимательского риска [1, с. 94]. А.В. Юдин отмечает, что любой материальный риск должен проецироваться лицом на потенциально возможный процессуальный риск [2, с. 20]. В свою очередь, Н.С. Звягина считает, что процессуальный риск сопровождает процессуальные действия и бездействия и обращает внимание на безусловную связь процессуального риска с процессуальным поведением сторон. В связи с этим, автор приходит к выводу, что под рисковыми процессуальными действиями стоит понимать действия лиц, участвующих в деле, и их представителей, предполагающие выбор варианта поведения и вероятность наступления разных последствий [3, с. 15]. Как видно из приведенных мнений, ученые различно понимают время возникновения процессуального риска. Вместе с тем, данный вопрос подробно ими не рассмотрен.

В ходе исследования выделены существующие точки зрения о возникновении судебного процесса. При их сравнении автор настоящего исследования анализирует момент начала развития процессуального риска, с наступлением обстоятельств которого возникает потенциальная опасность наступления негативных последствий. Выводы, полученные в ходе исследования о различном моменте возникновения цивилистического процессуального правоотношения и процессуального риска, представляют научную новизну исследования.

Целью статьи является пополнение теоретического объема знаний об учении о процессуальном риске, в ходе исследования которого дополнительно поднимается вопрос о необходимости рассмотрения начала цивилистического процесса с момента образования спора между сторонами. Такое понимание процессуального правоотношения позволяет определить, что риск при всех возможных точках зрения не соприкасается с названным правоотношением, а возникает раньше его. Данной целью определяются соответствующие задачи работы, которыми являются определение теорий возникновения процессуального правоотношения, определение момента возникновения спора и влияние тех или иных институтов на развитие процессуального риска.

Теоретическая значимость работы проявляется в определении момента начала процессуального риска. Выявление особой конструкции необходимо для подтверждения выводов настоящего исследования, в связи с чем принят подход к расширению понятия цивилистического процесса. Практическая значимость исследования направлена как на ликвидацию возможного наступления негативного последствия, так и на минимизацию последствий для участников судопроизводства.

Методология исследования основывается на анализе трудов отечественных и зарубежных авторов, материалов судебной практики и российского законодательства. В качестве методов исследования использовались научное познание, сравнение, анализ и синтез, индукция и дедукция и формально-логический метод.

Результаты. Для решения поставленных задач мы считаем необходимым рассмотреть момент возникновения процессуального риска при степени влияния на результат процесса. Конечно, любое процессуальное действие или бездействие влияет на итог процесса. Но, на наш взгляд, результат исхода процесса в большей степени составляют, с одной стороны, сбор и представление доказательств и истечение срока исковой давности – с другой стороны.

Рассмотрение спора в суде парализует материальное правоотношение сторон, приводя его в неопределенность. Возникшая неясность означает, что в ходе исполнения или неисполнения действий неясность не может быть с точностью определена и зависит от правильности и своевременности рассмотрения и разрешения дела и установленных в нем фактических обстоятельств дела. Спор между сторонами основывается на конкретизации их требований и возражений, которые опираются на аргументирование, поэтому в каждом конкретном случае возможность убеждения одним лицом другого определяется в круге доказательств. Именно поэтому, стоит согласиться с С.И. Поварнинным, который утверждал, что в абстрактном понимании под спором признается состязание доказательствами между спорящими. В качестве систематизации доказательств используются тезисы для убеждения одной стороны другой [4, с. 4–5]. Доказательства сохраняют знания о фактах, имевших место в прошлом, обеспечивая установления истины по делу [5, с. 4]. Поэтому собранные доказательства дают возможность сторонам (с помощью привлекаемого государственного суда, частного арбитра или третьей стороны) разрешить спор.

В то же время сосредоточение доказательственного материала в суде первой инстанции реализует принцип концентрации процесса, поскольку такой сбор направлен на правильное рассмотрение и разрешение дела, а также и на последующую проверку законности и обоснованности судебного решения [6, с. 27]. В случае же, если до судебного процесса стороны не произведут сбор соответствующих доказательств и своевременно не представят их суду, то такое поведение может негативно сказаться как на принятии искового прошения судом

(неприложение к исковому заявлению доказательств), так и на продолжительности рассмотрения дела (возложение на сторону бремени доказывания под страхом негативных последствий). По этой причине истец может самостоятельно затянуть возбужденный им судебный процесс в силу непредставления доказательств или их недостаточности.

Согласно праву континентальной системы, обстоятельства, требующие доказывания, определяются гражданским материальным правом, а не судебной практикой. В связи с этим спорящие могут с достаточной определенностью установить какие обстоятельства будут приняты судом, а какие – нет. Следовательно, отсутствие действий по сбору доказательственного материала может стать одной из составляющих процессуального риска, возникающего до начала судебного процесса и проявляющегося в несвоевременности защиты нарушенного права.

Интересом в разрешении спора обладают обе стороны конфликта с целью установления правовой определенности в их правоотношении. С учетом того, что такой интерес всегда является противоположным, стороны могут прибегать к различным способам достижения результата, в том числе ответчик может заявить о пропуске срока исковой давности. Ведь такое заявление освобождает его от исполнения какого-либо обязательства.

Как обоснованно отмечает С.В. Сарбаш, фактически исковая давность благосклонно защищает существующий порядок от притязаний из прошлого и становится надежным свидетелем ответчика [7, с. 863]. Аналогичное понимание исковой давности как гражданско-правового инструмента защиты стороны от предъявленного ей иска приводится в судебной практике¹. Ведь требование о защите права как основное право человека принимается судом к рассмотрению независимо от истечения срока исковой давности [8, с. 469].

По той причине, что исковая давность применяется только по заявлению стороны в споре, которая в силу положений законодательства несет бремя доказывания обстоятельств, свидетельствующих об истечении срока исковой давности², интерес истца подвергается риску неудовлетворения заявленных требований, в связи с чем нарушенное право будет считаться незащищенным. В случае же, если истец как лицо, опровергающее факт истечения срока исковой давности, должным образом не зафиксирует и не представит основания для

¹ Постановления Арбитражного суда Уральского округа от 18.01.2024 № Ф09-8451/23 по делу № А60-7508/2023, от 28.02.2023 № Ф09-1956/22 по делу № А50-4383/2018, от 28.12.2022 № Ф09-3242/18 по делу № А50-24503/2016.

² Пункт 2 статьи 199 Гражданского кодекса Российской Федерации // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; абзац 1 пункта 10 О некоторых вопросах, связанных с применением норм Гражданского кодекса Российской Федерации об исковой давности: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29.09.2015 № 43 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – Постановление Пленума о применении исковой давности).

применения положений о приостановлении срока исковой давности и/или его перерыва, то суд при наличии заявления ответчика предсказуемо прибегнет к применению института срока исковой давности и откажет в иске истцу. В связи с этим следует признать, что риск отказа в удовлетворении требований истца может быть обусловлен пропуском им срока исковой давности. Конечно, риск пропуска исковой давности не возникает для тех требований, на которые законодатель не распространил течение срока исковой давности. Поэтому стоит признать, что истечение срока исковой давности подвергает риску тот интерес, который зависит от названного института. По той причине, что срок протекает вне процессуальных правоотношений, процессуальный риск отказа в удовлетворении требований возникает до возбуждения судопроизводства по делу.

Названные обстоятельства могут встречаться в любых процессуальных правоотношениях. Однако это не означает, что процессуальный риск возникает исключительно из указанных аспектов.

До возбуждения судебного процесса его стороны могут принять условия по договорной подсудности, арбитрабельности спора или иного способа его урегулирования. Несмотря на то, что процесс сторонами еще не возбужден, они принимают на себя расходы, связанные с его возможным рассмотрением, толкованием, сложившимся в определенном судебном округе и затягиванием реального исполнения обязательства. В связи с этим стороны, осуществляя досудебные действия, принимают на себя риск несения дополнительных затрат, как временных, так и финансовых. Ввиду изложенного, мы считаем, что процессуальный риск возникает до возбуждения судопроизводства по делу. Здесь дополнительно стоит отметить, что риск обладает признаком возможного наступления последствий. Данная черта позволяет отнести к риску то действие, которое может и не наступить, но в тоже время при его реализации негативно повлиять на правовой статус рискующего.

По этой причине мы не можем согласиться с ранее указанной точкой зрения Н.С. Звягиной, поскольку риск, с ее точки зрения, возникает посредством осуществления процессуальных действий (бездействий) при рассмотрении дела судом.

В то же время возникает другая дилемма, а именно «соотношение порождения процессуального риска с моментом возникновения процессуального правоотношения». Иначе говоря, может ли отдельный аспект выделяться из общего контекста. Для ответа на поставленный вопрос необходимо понять то, с какого момента начинается процессуальное правоотношение.

Согласно преобладающей в литературе точке зрения, моментом возникновения процесса считается направление прошения в суд и его принятие органом государственной власти [9, с. 66; 10, с. 43; 11, с. 184; 12, с. 13]. Для оправдания указанной теории исследователи указывают, что обязательным участником рассматриваемого правоотношения является суд [13, с. 20; 14, с. 50, 52–53], поскольку разрешение проблемы совершенствования судебной деятельности

играет важную роль для определения понятия предмета процессуальной деятельности [15, с. 168]. С другой стороны, такая позиция оспаривается рядом других ученых, которые считают, что процесс начинается раньше направления искового заявления и называют такое обстоятельство фикцией [16, с. 152; 17, с. 7–8; 18, с. 162–163].

Учитывая точку зрения ученых, считающих, что процессуальное правоотношение начинается до направления искового заявления, мы считаем, что необходимо учитывать цель обращения в суд. Как обоснованно утверждают некоторые исследователи, с момента проведения подготовки гражданского дела обеспечивается своевременное и правильное разрешение спора, в связи с чем целью судебной деятельности является разрешение спора о праве между истцом и ответчиком [19, с. 105; 20, с. 8]. Поэтому можно признать, что судебный орган по цели его деятельности является «привлекаемым» сторонами лицом для урегулирования возникшего спора.

В виду этого и учитывая положения утратившего силу³ и ныне действующего⁴ законодательства о праве лиц, чьи права и законные интересы на обращение в суд нарушены или оспариваются, мы считаем необходимым рассмотреть категорию «спора» и дать ей оценку как моменту возникновения процессуального правоотношения, а следовательно возможному возникновению процессуального риска.

Признание начала процессуального правоотношения с момента появления разногласий означает, что фиксация всех возникающих правоотношений будет если не невозможной, то затруднительной. Однако с учетом того, что государство не заинтересовано разрешать частноправовые споры [21, с. 349, 360], то отсутствие такой статистики не повлечет за собой негативных последствий.

При участии в гражданско-правовых отношениях его участники свободно распоряжаются своими правами, честно и добровольно выполняют свои обязательства [22, с. 11; 21, с. 343]. Однако в случае нарушения прав одной из сторон, конфронтация отношений между ними возрастает, что, как правило, перетекает в противостояние и дальнейшее порождение спора. Среди известных нам авторов работ, посвятивших свои труды спору, И.М. Зайцев подробно оха-

³ Статья 2 Устава гражданского судопроизводства Российской империи. Федерации [Электронный ресурс] // НИУ «Высшая школа экономики» : сайт. URL: <https://nnov.hse.ru/data/2021/04/30/1381456213/Устав%20гражданского%20судопроизводства.pdf> (дата обращения: 31.10.2024); статья 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Советской Федеративной Социалистической Республики [Электронный ресурс] // НИУ «Высшая школа экономики» : сайт. URL: https://nnov.hse.ru/ba/law/igpr/sov_gos/16_grazhd_proc_kodeks (дата обращения: 31.10.2024).

⁴ Статья 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – ГПК РФ); статья 2 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – АПК РФ).

рактизовал его природу в учении о сущности хозяйственных споров. В частности, он указывал, что при существующих концепциях: спор как разногласие, спор как нарушение субъективных прав, спор как невозможность осуществления гражданских прав, необходимо все же рассматривать его в качестве правового конфликта с участием субъектов, наделенных равной правоспособностью, который может быть урегулирован самими сторонами или разрешен в исковом порядке [23, с. 18–24]. Наряду с этим, другие ученые определяют спор в качестве следующих признаков: 1) нарушение или оспаривание субъективных прав лица другим конкретным лицом; 2) предъявление субъектом защиты требования к нарушителю об определенном поведении; 3) неисполнение (препятствие в исполнении) нарушителем требования субъекта защиты [24, с. 5; 25, с. 98]. В целом названные признаки не противоречат работе М.И. Зайцева, в связи с чем считаем возможным применить их для дальнейшего исследования.

Под первым названным обстоятельством Д.И. Мейер понимал: «юридическое действие, направленное со стороны его автора к стеснению другого лица в осуществлении права» [26, с. 253]. Исходя из данного понятия следует, что спор должен быть «реальным» [27, с. 62–63, 66] (или как его именуют другие авторы «сосредоточенным» [4, с. 9]), поскольку в таком случае у сторон возникают противоположные интересы по поводу определенного предмета спора (потерпевший заинтересован в восстановлении своего положения, а правонарушитель – не осуществлять такое восстановление за счет своих сил и средств). В свою очередь, абстрактные условия спора не позволяют спорящим определить: предмет спора, его ценность, противоположность интересов друг друга и других элементов положения потерпевшего. Поэтому можно признать, что спор, образующий процессуальное правоотношение, направлен на разрешение конкретных притязаний, касающихся предмета гражданского права.

Вместе с тем мы не можем признать возникновение спора с момента гражданского правонарушения несмотря на то, что имеется двусторонность отношения и нарушены интересы управомоченной стороны. Основанием для такого исключения является удовлетворение требований обязанным лицом в добровольном порядке.

Оспаривая точку зрения И.М. Зайцева о наличии субъективного элемента для возникновения спора, Э.Х. Губайдуллина считает, что субъективные процессы восприятия и оценки фактов объективной действительности индивидуальны и находятся вне пределов правового регулирования. В свою очередь, приводя свое собственное понимание возникновения спора, указанный автор отмечает, что для начала спора необходимо *осознание* (здесь и далее курсив мой – А.С.) ущемления своих интересов и направленное действие или целенаправленное бездействие одного участника против другого при условии, что последний *понимает*, что эти акты направлены против него, и противодействует им [28, с. 22]. Исходя из приведенного понимания возникновения спора следует, что в рассматриваемой работе автор критикует использование психологических процессов для определения

спора, хотя в то же время не лишает себя возможности обращаться к оспариваемому ей критерию. По этой причине мы можем представить спор в качестве нарушения конкретного интереса одной стороны.

Как считал А.Г. Гойхбарг: «защищаемый интерес должен быть достаточным и серьезным» [29, с. 109]. Однако возникает вопрос: в чем именно должен выражаться такой интерес?

Р. фон Иеринг считал, что интерес должен иметь имущественное значение, чтобы пользоваться защитой прав [30, с. 31]. Оспаривая экономическую позицию, В.П. Грибанов определял, что интерес должен выражаться в потребности лица в благе, при этом форма потребности может быть различной, но она всегда выражает определенную целенаправленность действий лица [31, с. 245]. Д.И. Мейер указывал, что для обнаружения спора необходимо не просто нарушение интересов потерпевшего, но и его отношение к такому событию, ведь законодательство не понуждает потерпевшего к непременной защите его частных интересов, в связи с чем он может объявить о прощении долга [26, с. 259].

Позиции отечественных авторов мы считаем обоснованными, поскольку право не только регулирует и охраняет, но и развивается вместе с имущественными, а также с лично-неимущественными отношениями [32, с. 132], последние из которых могут быть не определены в денежном эквиваленте.

С другой стороны, противники излагаемой точки зрения могут утверждать, что в практике могут возникать случаи, когда исковое прошение подано лицом, требования которого в действительности не возникали (отсутствует легитимация). Такая позиция имеет место, поскольку в силу формального соблюдения требований к форме и содержанию искового заявления суд вынужден принять его к производству для дальнейшего рассмотрения дела по существу. В связи с этим судебное производство будет считаться начавшимся. Однако возникает вопрос: имеется ли в таком «обедненном» событии процессуального правоотношения элемент спора?

На наш взгляд, в таком случае наличие спора безусловно, но вместе с тем сторона, имеющая больший интерес в защите своего права, не выступает в роли нападающей стороны. Наоборот, в таком случае ее положение проявляется в качестве ответчика, на интересы которого необоснованно претендует другое лицо. При этом судебная практика относительно отсутствия заинтересованности в большей степени склоняется к самостоятельному и достаточному основанию для отказа в удовлетворении заявленного требования⁵. В связи с этим, применяя обо-

⁵ К положительной судебной практике стоит отнести: Постановления Президиума Суда по интеллектуальным правам от 18.12.2023 № С01-2418/2023 по делу № СИП-368/2023, от 24.08.2022 № С01-1238/2022 по делу № СИП-845/2021; Постановление ФАС Поволжского округа от 25.10.2010 по делу № А57-9272/2009; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 23.09.2013 по делу № А63-5120/2012; Апелляционное определение Верховного суда Республики Дагестан от 28.07.2022 № 33-731/2022 по делу № 2-2777/2021.

К отрицательной судебной практике: Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.08.2016 № Ф01-2686/2016 по делу № А79-9283/2015.

значенный подход к интересу, мы считаем, что спор может возникнуть исходя из личностной оценки нарушенного интереса, что позволит конкретизировать обстоятельства спора, определить его перспективность и развитие.

Второй и третий ранее указанные критерии спора можно кратко обозначить как наличие стороны-антагониста, которая оспаривает или нарушает права другой. Ее отсутствие логически приведет к нивелированию самого спора, поскольку в таком случае будет отсутствовать обязательный элемент конфликта.

Вступить в гражданские правоотношения могут как физические, так и юридические лица, либо публично-правовые образования. При нарушении же права стороны распределяются по ролям потерпевшего и нарушителя. Их противостояние заключается в наличии заинтересованности относительно предмета спора, поскольку механизм удовлетворения интереса зависит исключительно от воли управомоченного лица, ведь он вторгается в правовое пространство лица, обязанного удовлетворить интерес первого [20, с. 13]. В свою очередь, заинтересованность субъекта нарушенного права или его нарушителя определяется в невозможности одностороннего определения меры вознаграждения или меры восстановления [26, с. 258].

Несмотря на то, что при требовании к определенному лицу (пострадавшего к нарушителю) о совершении определенного действия, стороны противостоят друг другу, им все же присущ характер частноправовых отношений [33, с. 325]. Причиной неприемлемости одностороннего выбора является влияние гражданско-правовых принципов, одним из которых является равноправие всех субъектов гражданского оборота. В связи с этим необходимо сделать второй промежуточный вывод о наличии равноправных сторон при возникновении конфликта.

Для прекращения спора стороны вынуждены либо прийти к соглашению (договорится между собой), либо передать спор на рассмотрение и разрешение другому лицу, которому предстоит выбрать надлежащее возмещение. Возникший спор самостоятельно не оказывается у другого лица. Наличие такого механизма предполагало бы вмешательство в гражданско-правовой спор и признание сторон зависимыми лицами. Однако, наоборот, они остаются равноправными членами гражданского оборота, задачей которых в возникшем правоотношении становится убеждение другого в правомерности его требований или возражений.

По этой причине моментом возникновения процессуального правоотношения не является факт передачи спора для урегулирования другому лицу. Именно поэтому для спора первоначально характерно невмешательство третьего лица для урегулирования возникших разногласий. В связи с этим мы можем сформировать вывод о том, что спором признается конфликт равноправных сторон, заинтересованных в его разрешении касательно определения судьбы предмета спора.

Предложенная формулировка спора предполагает, что цель обращения в судебный орган может быть реализована посредством иных способов (мето-

дов) урегулирования спора. Например, при реализации института досудебного урегулирования спора, ведь, как указывает законодатель, на момент передачи спора третьему лицу между сторонами должны возникнуть разногласия⁶. Иное будет означать, что приглашенная независимая сторона не сможет определить круг вопросов, подлежащих исследованию, и установить конкретные права и обязанности сторон относительно предмета спора.

При таком понимании процессуального правоотношения мы расширяем его содержание, поскольку процедура разрешения спора концентрируется не только на судопроизводстве, но и на любом другом механизме, предполагающем разрешение спора.

С другой стороны, в качестве примера для подтверждения нашего суждения можно рассмотреть расходы, понесенные в досудебном производстве. Согласно действующему законодательству, судебные расходы возникают в связи с рассмотрением дела в суде, и они подлежат взысканию в пользу той стороны, которая получила положительный результат при рассмотрении и разрешения дела⁷.

Разъясняя положения о судебных издержках, Верховный Суд Российской Федерации указывает, что расходы, понесенные стороной, могут быть признаны судебными издержками, если несение таких расходов было необходимо для реализации права на обращение в суд, и собранные до предъявления иска доказательства соответствуют требованиям относимости и допустимости. Дополнительно им отмечается, что если сторона прибегла к обязательному досудебному урегулированию спора во внесудебном порядке и понесла в связи с этим расходы, то они также признаются судебными издержками⁸.

Как следует из рассматриваемых положений, на «проигравшую» сторону возлагается риск несения расходов, которые возникли не только в судебном процессе, но и в ранее возникшем правоотношении. Тем самым высшая судебная инстанция, подобно учению М.А. Гурвича о движении процессуального правоотношения, определяет, что процессуальная деятельность суда следует за возникшим процессуальным действием, а не наравне и не перед ним [34, с. 27].

⁶ Пункт 2 статьи 1, статья 3 Федерального закона от 24.07.2002 № 102-ФЗ «О третейских судах в Российской Федерации» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; часть 2 статьи 1 Федерального закона от 27.07.2010 № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; статья 1 Федерального закона от 04.06.2018 № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ Часть 1 статьи 88, часть 1 статьи 98 ГПК РФ, статья 101, часть 1 статьи 110 АПК РФ.

⁸ Абзац 2 пункта 2, пункт 4 О некоторых вопросах применения законодательства о возмещении издержек, связанных с рассмотрением дела : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 21.01.2016 № 1 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (далее – Постановление Пленума о судебных издержках).

В то же время Пленум не отнес расходы, обусловленные рассмотрением, разрешением и урегулированием спора во внесудебном порядке, к судебным, по причине того, что судебная деятельность в таком случае не возникла⁹.

Это не означает, что такие расходы не являются процессуальными. Судебный орган просто указал, что расходы могут быть как судебными, так и внесудебными. На наш взгляд, отсутствуют препятствия для взыскания понесенных процессуальных издержек, не составляющих судебные, путем предъявления требования о возмещении убытков¹⁰. По этой причине, судебным органом признается, что стороны спора могут осуществлять процессуальные действия вне судебного разбирательства. Таким образом, досудебный порядок урегулирования спора должен признаваться частью процессуального правоотношения.

Относительно начала процессуального правоотношения по требованиям, рассматриваемым в суде в порядке особого производства, мы кратко отметим, что целью обращения заявителя является не разрешение спора, а установление какого-либо обстоятельства. Поэтому в данном случае названное правоотношение начинается с момента направления заявления и принятия его судом.

Вместе с тем, сформированная нами попытка расширения круга процессуального правоотношения не позволяет утверждать, что совместно с указанным правоотношением возникает процессуальный риск по следующим причинам.

Течение срока исковой давности в силу гражданско-правового нарушения начинается раньше, чем возникает спор между сторонами. Ведь для первого института безразлично субъективное отношение потерпевшей стороны. Для течения исковой давности необходимо только два элемента: факт правонарушения и объективное установление лица, которое это право нарушило.

Вместе с тем, исходя из реализованных действий по признанию, срок начинает свое исчисление заново. В это же время разногласия сторон и в этом случае могут возникать не всегда.

Более того, думается, что здесь отсутствует надлежащая важность рассмотрения данного вопроса, поскольку как известно срок протекает независимо от воли сторон [35, с. 212]. Одновременно с этим спор существует и зависит как от воли его сторон, так и в силу внешних обстоятельств (например, уничтожение имущества может как породить, так и прекратить спор). В связи с этим риск пропуска срока исковой давности возникает ранее порождения процессуального правоотношения.

Доказательственный материал начинает формироваться и собираться не с момента возникновения процессуального правоотношения, а путем добро-

⁹ Пункт 3 Постановления Пленума о судебных издержках.

¹⁰ Аналогичный вывод установлен Конституционным Судом Российской Федерации в постановлении от 11.07.2017 № 20-П относительно судебных расходов, возмещение которых не предусмотрено законом. Ведь отсутствие механизма возмещения потерь необоснованно возлагает дополнительные расходы на сторону, которая вынуждена прибегать к средствам защиты своего законного интереса.

вольного вступления во взаимоотношение. Распространенным примером подтверждения материального правоотношения является оформление договора займа. Для доказательства существования заемных отношений стороны должны письменно оформить факт передачи денежных средств. Без надлежащего оформления данного отношения займодавец возлагает на себя риск отказа в удовлетворении исковых требований.

На основании изложенного мы считаем обоснованными точки зрения И.В. Решетниковой и А.В. Юдина, которые утверждают, что риск в процессе является продолжением материального риска.

Таким образом, процессуальный риск возникает ранее процессуального правоотношения, а не вместе с ним.

Список источников

1. Решетникова И.В. Размышляя о судопроизводстве: Избранное : сборник научных трудов / И.В. Решетникова. – Москва : Статут, 2019. – 510 с.
2. Юдин А.В. Категория «риск» в гражданском судопроизводстве / А.В. Юдин // Вестник гражданского процесса. – 2014. – № 5. – С. 11–53.
3. Звягина Н.С. Процессуальный риск в гражданском и арбитражном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.3. / Н.С. Звягина. – Москва, 2023. – 25 с.
4. Поварнин С.И. Искусство спора / С.И. Поварнин. – Петроград : Культурно-просветительское издание, 1923. – 114 с.
5. Треушников М.К. Судебные доказательства / М.К. Треушников. – Москва : Городец, 1997. – 320 с.
6. Борисова Е.А. Теоритические проблемы проверки судебных актов в гражданском, арбитражном процессах : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.15 / Е.А. Борисова. – Москва, 2005. – 44 с.
7. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153-208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А.Г. Карапетов. – Москва : Статут, 2018. – 944 с.
8. Алексеев С.С. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 8 / С.С. Алексеев. – Москва : Статут, 2010. – 478 с.
9. Зейдер Н.Б. Гражданские процессуальные правоотношения / Н.Б. Зейдер. – Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1965. – 74 с.
10. Свирин А.Ю. Арбитражный процесс : учебник / А.Ю. Свирин. – Москва : Кнорус, 2021. – 530 с.
11. Сахнова Т.В. Курс гражданского процесса / Т.В. Сахнова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Статут, 2014. – 784 с.
12. Ларионов Я.Н. Правовое положение иностранных участников арбитражного процесса в Российской Федерации / Я.Н. Ларионов // Арбитражный и гражданский процесс. – 2018. – № 10. – С. 12–15.

13. Чечина Н.А. Избранные труды по гражданскому процессу / Н.А. Чечина ; сост. Е.Ю. Новиков, Н.С. Лосев. – Санкт-Петербург : издательство С.-Петерб. ун-та, 2021. – 656 с.
14. Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства : монография / Д.Б. Абушенко, К.Л. Брановицкий, С.К. Загайнова и др. ; под ред. В.В. Яркова. – Москва : Статут, 2021. – 458 с.
15. Шокина М.С. Спор о праве как критерий разграничения видов гражданского судопроизводства / М.С. Шокина // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2006. – № 5. – С. 168–171.
16. Гольстем А.Х. Учебник русского гражданского судопроизводства / А.Х. Гольстем. – 5-е изд., испр. и доп. – Санкт-Петербург : типография М. Меркушева, 1913. – 411 с.
17. Нефедьев Е.А. Учебник русского гражданского судопроизводства / Е.А. Нефедьев. – 3-е изд. – Москва : тип. Моск. ун-та, 1909. – 403 с.
18. Нефедьев Е.А. К учению о сущности гражданского процесса: соучастие в гражданском процессе: соучастие по нем. и фр. праву : дис. на степень д-ра гражданского права / Е.А. Нефедьев. – Казань : тип. ун-та, 1891. – 230 с.
19. Матиевский М.Д. Спор о праве и гражданское дело / М.Д. Матиевский // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1978. – № 2. – С. 104–108.
20. Ненашев М.И. Спор о праве и его место в гражданском процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.15 / М.И. Ненашев. – Саратов, 2011. – 30 с.
21. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса: субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия / Е.В. Васьковский. – Москва : Статут, 2016. – 624 с.
22. Пучинский В.К. Из творческого наследия : сборник трудов / В.К. Пучинский. – Москва : «Городец», 2022. – 832 с.
23. Зайцев И.М. Сущность хозяйственных споров / И.М. Зайцев. – Саратов : Изд-во Сарат. ун-та, 1974. – 157 с.
24. Исаченко В.Л. Основы гражданского процесса : практ. коммент. основных полож. Устава гражд. судопр-ва : (Ст. 1-28 действующего устава и 1-36 ст. проекта нового устава) / В.Л. Исаченко. – Санкт-Петербург : тип. М. Меркушева, 1904. – 591 с.
25. Рожкова М.А. Понятие спора о праве гражданском / М.А. Рожкова // Журнал российского права. – 2005. – № 4. – С. 98–102.
26. Мейер Д.И. Избранные труды. В 2 т. Т. I / Д.И. Мейер ; сост. и отв. ред. П.В. Крашенинников. – Москва : Статут, 2019. – 846 с.
27. Берман Г.Дж. Природа и функции права / Г.Дж. Берман, У. Грейнер, С. Салиба ; пер. с англ. В. Токарева, Т. Ставицкой, А. Ишкильдина. – 6-е изд. – Москва ; Челябинск : Социум, 2022. – 1039 с.
28. Губайдуллина Э.Х. Возникновение спора о праве: теоретический аспект / Э.Х. Губайдуллина // Вопросы экономики и права. – 2012. – № 11. – С. 22–25.

29. Гойхбарг А.Г. Курс гражданского процесса / А.Г. Гойхбарг. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1928. – 320 с.
30. Иеринг фон Р. Интерес и право / Р. фон Иеринг ; пер. с нем. Ф. Дань. – Ярославль : типография губернской земской управы, 1880. – 268 с.
31. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав / В.П. Грибанов. – 3-е изд., испр. – Москва : Статут, 2022. – 414 с.
32. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – 8-е изд. – Москва : Статут, 2020. – 351 с.
33. Савиньи фон Ф.К. Система современного римского права : в 8 т. Т. 3 / Ф.К. фон Савиньи ; пер. с нем. Г. Жигулина ; под ред. О. Кутателадзе, В. Зубаря. – Москва : Статут, 2013. – 717 с.
34. Гурвич М.А. Структура и движение гражданского процессуального правоотношения / М.А. Гурвич // Труды ВЮЗИ: Вопросы науки гражданского процессуального права. – Т. 38. – Москва, 1975. – С. 3–34.
35. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права: (по изданиям 1912 и 1914–1915 гг.) : учебник : в 2 т. Т. 1 / Г.Ф. Шершеневич. – Москва : СТАТУТ, 2021. – 838 с.

References

1. Reshetnikova I.V. Reflecting on Legal Procedure: Selected Writings. Moscow, Statut, 2019. 510 p. (In Russian).
2. Yudin A.V. Category of Risk in Civil Procedure. *Vestnik grazhdanskogo processa = Bulletin of Civil Procedure*, 2014, no. 5, pp. 11–53. (In Russian).
3. Zvyagina N.S. Procedural Risk in Civil and Arbitration Procedure. *Doc. Diss. Thesis*. Moscow, 2023. 25p. (In Russian).
4. Povarnin S.I. The Art of Dispute. Petrograd, Cultural and Educational Publ., 1923. 114 p. (In Russian).
5. Treushnikov M.K. Judicial Evidence. Moscow, Gorodets, 1997. 320 p. (In Russian).
6. Borisova E.A. Theoretical Problems of the Judicial Acts' Verification in Civil Arbitration Proceedings. *Doc. Diss. Thesis*. Moscow, 2005. 44 p. (In Russian).
7. Karapetyan A.G. (ed.). Transactions, Embassy, Limitation Period: Article-by-Article Commentary to Articles 153–208 of the Civil Code of the Russian Federation. Moscow, Statut, 2018. 944 p. (In Russian).
8. Alekseev S.S. Collected Works. In 10 volumes, vol. 8. Moscow, Statut, 2010. 478 p. (In Russian).
9. Zeider N.B. Civil Procedural Legal Relations. Saratov, Saratov University Publ. House, 1965. 74 p. (In Russian).
10. Svirin A.Yu. Arbitration Process: Textbook. Moscow, Knourus, 2021. 530 p. (In Russian).

11. Sakhnova T.V. Course of Civil Procedure. 2nd ed., Moscow, Statut, 2014. 784 p. (In Russian).
12. Larionova Ya.N. Legal Position of Foreign Participants of the Arbitration Proceeding in the Russian Federation. *Arbitrazhnyj i grazhdanskij process = Arbitrazh and Civil Procedure*, 2018, no. 10, pp. 12–15. (In Russian).
13. Chechina N.A. Selected Works on Civil Process. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg University, 2021. 656 p. (In Russian).
14. Yarkova V.V. (ed.). Actual Problems of Civil and Administrative Proceedings. Moscow, Statut, 2021. 458 p. (In Russian).
15. Shokina M.S. Dispute about Law as a Criterion for Distinguishing Types of Civil Proceedings. *Vestnik Kostromskogo Gosudarstvennogo Universiteta im. N.A. Nekrasova = Vestnik of Kostroma State University*, 2006, no. 5, pp. 168–171. (In Russian).
16. Golsthem A.Kh. Textbook of Russian Civil Procedure. St. Petersburg, M. Merkushev Publ. House, 1913. 411 p. (In Russian).
17. Nefedyev E.A. Textbook of Russian Civil Procedure. 3^d ed., Moscow, Moscow University Publ. House, 1900. 403 p. (In Russian).
18. Nefedyev E.A. On the Doctrine of the Essence of Civil Process. *Doc. Diss.* Kazan, University Publ. House, 1891. 230 p. (In Russian).
19. Matievsky M.D. Dispute about Law and Civil Case. *Izvestiya Vysshih Uchebnyh Zavedenij. Pravovedenie = Proceedings of Higher Educational Institutions. Pravovedenie*, 1978, no. 2, pp. 104–108. (In Russian).
20. Nenashev M.I. Dispute about Law and Its Place in Civil Procedure. *Cand. Diss. Thesis*. Saratov, 2011. 30 p. (In Russian).
21. Vas'kovsky E.V. Course of Civil Procedure: Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. Moscow, Statut, 2016. 624 p. (In Russian).
22. Puchinsky V.K. From the Creative Heritage: Collection of Works. Moscow, Gorodets, 2022. 832 p. (In Russian).
23. Zaitsev I.M. The Nature of Economic Disputes. Saratov, Saratov University Publ. House, 1974. 157 p. (In Russian).
24. Isanchenko V.L. Fundamentals of Civil Procedure. St. Petersburg, M. Merkushev Publ. House, 1904. 591 p. (In Russian).
25. Rozhkova M.A. The Concept of a Dispute over Civil Law. *ZHurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2005, no. 4, pp. 98–102. (In Russian).
26. Meyer D.I. Selected Works. In 2 vols, vol.1. Moscow, Statut, 2019. 846 p. (In Russian).
27. Berman G., Greiner U., Saliba S. The nature and Functions of Law. Trans. from English. V. Tokareva, T. Stavitskaya, A. Ishkildina. 6th ed., Moscow, Chelyabinsk, Socium, 2022. 1040 p. (In Russian).
28. Gubaidullina E.Kh. The Emergence of a Dispute about Law: Theoretical Aspect. *Voprosy ekonomiki i prava = Issues of Economics and Law*, 2012, no. 11, pp. 22–25. (In Russian).

29. Goykhbarg A.G. Course of Civil Procedure. Moscow, State Publ. House, 1928. 320 p. (In Russian).
30. Iering von R. Interest and Law. Trans. from German F. Dan. Yaroslavl, Provincial Local Government Publ. House, 1880. 268 p. (In Russian).
31. Gribanov V.P. Implementation and Protection of Civil Rights. 3^d ed., Moscow, Statut, 2022. 414 p. (In Russian).
32. Pokrovsky I.A. Basic Problems of Civil Law. 8th ed., Moscow, Statut, 2020. 351p. (In Russian).
33. Kutateladze O., Zubar V. (eds.). Savigny von F.K. The System of Modern Roman Law. In 8 vol., vol. 3. Trans. from German Г. Zhigulina. Moscow, Statut, 2013. 717 p. (In Russian).
34. Gurvich M.A. Structure and Movement of Civil Procedural Legal Relationships: Issues of the Science of Soviet Civil Procedural Law. Works: Issues of the Science of Soviet Civil Procedural Law. Works of the All-Russian Judicial Institute. Moscow: Editorial and Publ. Unit: All-Russian Judicial Institute, 1975, vol. 38. pp. 3–34. (In Russian).
35. Shershenevich G.F. Textbook of Russian Civil Law. In 2 vols., vol.1. Moscow, Statute, 2021. 838 p. (In Russian).

Информация об авторе

Информация об авторе

Сулейманов Амир Азатович – аспирант кафедры гражданского права и процесса института права; ведущий юрисконсульт отдела правового обеспечения хозяйственной деятельности управления правового обеспечения

Information about the Author

Suleymanov Amir Azatovich – postgraduate student of the Chair of Civil Law and Procedure, Institute of Law; Leading Legal Adviser of the Legal Department of Economic Activities, Judicial Support Department

Статья поступила в редакцию 14.05.2025; одобрена после рецензирования 09.06.2025; принята к публикации 17.06.2025.

The article was submitted 14.05.2025; approved after reviewing 09.06.2025; accepted for publication 17.06.2025.